Л. ЖОХОВ

БЫЛЬ ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ

Нью Иорк
1969

Л. ЖОХОВ

БЫЛЬ ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ

Нью Иорк
1969

БЫЛЬ ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ

Зимой около трактира "Свидание Друзей", стоявшего в конце села Мизгирева, где дорога расходится в две стороны, делался от саней большой раскат. Раскат этот имел наклон к трактиру, и сани как бы сами собой подъезжали к крыльцу, стукаясь о деревянные тумбы. Во время расцвета трактира ямщики и проезжие острили, что, дескать, поневоле надо остановиться, зайти и выпить. Когда же трактир закрылся и во всем доме зажила одна молодая вдова Коновалиха, обыватели острили, подмигивая глазом: сани сами льнут к крыльцу белотелой вдовы.

Филипп Андреевич Коновалов, купец третьей гильдии, почти полстолетия играл большую роль в жизни села Мизгирева и отстоявшего от него в 12-ти верстах уездного города.

В селе Мизгиреве и в окрестностях он скупал у кустарей щепной товар: ложки, плошки, чашки, миски, ведра, корыта, и весной сплавлял этот товар в баржах на Волгу. Осенью через его руки проходили сушеные и соленые грибы, позднее — рябчики, тетерева и вся пушнина, которую добывали в окрестных деревнях промысловые охотники. Медвежьи, лисьи, рысьи шкуры, куний, норочий, горностаевый, беличий мех — все скупал и все перепродавал в губернский город оборотливый Коновалов.

Потихоньку приобретал он у прогоравших дворян остатки их земель. Вырубал и сплавлял леса, а оставшиеся пустые земли перепродавал по мелочам крестья-

нам. Лет 25 назад в Мизгиреве он купил у дальних родственников, наследников умершего помещика, усадьбу, давшую по фамилии владельца название селу.

Старый дом Коновалов сломал и выстроил из его бревен новый на новом месте у разъезда дорог из села.

Новый дом в два этажа, без архитектурных украшений и претензий, был выстроен основательно и хозяйственно. Снаружи обшит тесом выкрашенным в темно-бордовый цвет и подведен под железную крышу ярко-зеленого цвета.

Посреди дома прибилась большая вывеска "Трактир", а под ней в золотых кавычках: "Свидание Друзей".

Лет шестидесяти трех Коновалов женился вторично. Жену себе он взял за красоту и молодость у вдовы городского диакона.

В городке об этом много было пересудов и разговоров. Духовенство обвиняло диаконицу, что она продала дочь богатому старику. Купечество — что Коновалов на старости лет с ума сошел, взяв в жены "образованную" епархиалку, которой еще и 20-ти лет нет. А уездная молодежь негодовала и говорила, что красивая Варвара, без любви продалась, прельстившись деньгами.

И никто не знал, сколько Варвара с матерью пролила слез после сватовства Коновалова. О любви к старику, конечно, не было разговора у матери и дочки. Варвара жертвовала собой для семьи. Старший брат, филолог-студент, вел полуголодное существование в Москве, так как кончив семинарию захотел в университет. Младший еще учился в семинарии. А 12-летнюю сестру Машу не на что даже было послать в епархиальное училище. Сама же вдовая диаконица делала все, чтобы получить лишний грош. Она и прислуживала в богатых домах на торжествах, и вязала чулки, и про-

давала ягоды с нескольких кустов, имевшихся в небольшом огородце при доме, и продавала свои последние вещи.

Брак с богатым стариком спасал всю семью.

Коновалов так прямо и сказал вдовой диаконице:

— Ежели Варвара Николаевна не побрезгует мной, я всю семью не оставлю, как сродственников моих.

Ради семьи Варвара "не побрезговала" стариком и стала женой его. По ее желанию, свадьбу справили скромно, и после свадьбы в тот же день Коновалов уехал с молодой женой в Нижний Новгород на ярмарку. Надо было и дела коммерческие делать, и приданое молодой жене купить, у которой, кроме рубашки и одного платья, ничего не было. Уезжая с молодой женой, старый муж не забыл обещания, всунул ей в руку десять сторублевых и сказал:

— Подари, Варварушка, матери на расход до нашего возвращения.

У Коновалова не было детей от первого брака, в доме же с ним жила и заведывала его домашним хозяйством вдова-сестра Авдотья. Ей было лет 47. Со своим мужем, мелким торговцев, жила она плохо. Он был пьяница, и когда умер, Авдотья с радостью переехала к брату помогать больной жене в хозяйстве. Существо это было двуличное и злобное. Ходила всегда в черном платье, ханжила и плакалась на судьбу, потихоньку же от брата прикладывалась к сладким наливкам. Детей у нее никогда не было. Вторичная женитьба брата была для нее ударом, так как она надеялась пережить его и стать единственной наследницей.

Понятно, что она возненавидела новую жену брата и во все время отсутствия "молодых" строила планы, как бы "поставить на место" нищую дочку дьяконицы. Так она называла молодую жену брата. Через полтора меся-

ца "молодые" вернулись домой. Коновалов казался помолодевшим и счастливым, а Варвара словно переродившейся, степенной, спокойной женщиной. В простом, но богатом платье она была настоящей красавицей. Все служащие Коновалова, во главе с Сизовым, заведывавшим трактиром, вышли встречать хозяина на пароходную пристань, лишь Авдотья осталась дома.

— Ты, Иван Иваныч, присмотри, небель новую привезли в дом, так чтобы не поломали, и живым манером перевезете, чтобы седни поставить, — распорядился Коновалов Сизову, усаживаясь с женой в тарантас.

Злобной гримасой встретила Авдотья молодую и, когда Варвара, торопливо раскрыв чемодан с подарками, поклонилась ей дорогой шелковой материей на платье и шалевым платком, Авдотья сказала Коновалову:

— Спасибо, братец. за подарки!

— Ты, Варварушку должна благодарить, а не меня...

— Деньги братец, ваши.

— Деньги Варварины, мной подарены были ей, а она на них купила.

— Все на одно и выходит.

— Ты, Авдотья, смотри, не дури, рожу не вороти, а то в случае чего: получай отсыпное, да и отъезжай! — вспыхнул Коновалов.

— Полно, Андреич, волноваться, мы поладим с сестрицей! — засмеялась Варвара.

К вечеру работники привезли и уставили по указанию молодой хозяйки новую мебель в доме. Старая была вынесена в сараи. На другой день Коноваловы съездили с визитом к старой дьяконице, которую, как говорили потом завистливые кумушки, старик "завалил подарками".

Младшую сестру Варвары, чтобы не отрывать от матери, отдали в женскую гимназию в городе, а старшему

брату Варвара написала, чтобы бросил уроки и лишь бы учился, для чего обещала посылать ежемесячно 50 рублей, кроме единовременного пособия на белье и одежду.

Городское купечество потребовало от Коновалова устроить хоть задним числом пир.

— Нехорошо, Филипп Андреевич, на старости лет взял молодую жену и, как сыч заперся. Раскошелься хоть на угощенье! — выговаривал городской голова, купец-лесопромышленник Лебедев.

Исправник Гвоздиков, любитель выпить на купеческий счет, поддерживал голову.

— Да я сам о том же думал. Дайте только оглядеться, — счастливо поматывал седой бородой Коновалов.

— А ты не оглядывайся, а тряхни богатой мошной, не обеднеешь, — приставал Лебедев.

Через две недели Коновалов тряхнул мошной.

В зале с новой мебелью был стол для более чистой публики и духовенства, так как Коновалов в этот же день устроил молебен на новую жизнь по случаю своей женитьбы.

В трактире устроили столы для публики попроще и, наконец, для мизгиревцев поставили столы на дворе. Пир удался на славу, и долго потом в городе говорили о нем.

А потом новая жизнь спокойно покатилась в мизгиревском купеческом доме Коновалова, перестроенном из барского.

Филипп Андреевич так же бодро и зорко продолжал свои дела, а Варвара честно и с достоинством поддерживала мир и порядок в доме. Хоть и трудно ей бывало иногда под змеиное шипенье Авдотьи. Но не желая беспокоить домашними дрязгами старика, души в ней не чаявшего, она молча сносила упреки новой родственницы. В торговые дела она не вмешивалась и толь-

ко упросила мужа, чтобы Сизов в трактире не брал в заклад.

Случилось это после того, как одна мизгиревская баба повалилась ей в ноги. Пьяница-муж стащил в трактир и пропил самовар. Варвара сама спустилась в трактир и приказала Сизову отдать бабе самовар. Филиппа Андреевича в доме не было. Сизов заикнулся о пяти рублях долга, но Варвара только спросила:

— Я хозяйка или нет? Приедет Филипп Андреевич, доложи, что я приказала без денег отдать.

Сизов исполнил приказание, а вечером в комнате Авдотьи шушукался с ней, жалуясь на убытки.

— Ничего, Иван Иванович, приедет братец, порадуется на свою мотовку, а может, малость и поучит — приведет в разум нищенку, — говорила Авдотья, угощаясь с Сизовым сладкой водочкой.

Но Коновалов по приезде лишь отдал приказ:

— Торгуй только на наличные, а в заклад не смей ничего брать.

— Не обеднеем, да и народ меньше спиваться станет.

Весной Коновалов предложил, чтобы старая дьяконица приехала погостить у них. Но Варвара отклонила предложение и лишь попросила, чтобы старший брат приехал летом отдохнуть.

— А я было собирался твоей матери новый дом построить, пока она будет у нас жить.

Новый дом для матери построили, но гостить она не приехала. Зато когда летом приехал старший брат, студент Николай, худой и болезненный от недоеданий предыдущих лет, Варвара занялась его откармливанием. Он не походил на студентов, о которых слышал Коновалов: "Бунтуют и народ смущают".

Николай с шурином своим был почтителен и в праздник ходил в церковь. А когда по указанию сестры нашел

на одном из сушил сваленную библиотеку прежнего владельца Мизгерева, то весь погрузился в разбор книг.

Коновалов посмеялся жене над этим, а она сказала:

— Коленька говорит, что здесь у нас старые ценные книги и очень интересные, он спрашивал даже, нельзя ли ему взять несколько книг.

— Пущай хошь все забирает, и так много извели на обертки да цигарки, — рассмеялся старик.

И осенью Николай увез большой ящик книг 20-40-х годов. А зимой написал сестре, что профессор в восторге от его сочинения по журналистике 30-х годов и обещал его оставить при университете по кафедре "Истории русской литературы".

В год свадьбы Коновалова в уезде объявился новый помещик Артемий Лукич Лосев.

За год перед этим он получил в наследство от двоюродной бабушки усадьбу "Родники" с тысячью десятин земли, вышел в отставку с чином штаб-капитана и приехал, назначенный земским начальником.

Рано лишившись родителей, Лосев воспитывался дядей со стороны матери, который был и его опекуном. Но воспитание ограничилось тем, что он отдал его в 1-ый кадетский корпус, так как сам был полковник, а опекунство, что он соглашался со всеми счетами, которые представлял ему жулик-управляющий.

Ко времени же совершеннолетия Лосева счета эти так оказались запутаны, и имение так представлялось бездоходным, что Лосев очень обрадовался 15.000 рублям, которые предложил покупатель имения, найденный управляющим. Дядя, ставший генералом, первый уговаривал его развязаться с имением, говоря, что 15.000 рублей для молодого офицера большие деньги.

Кадетом раза два Лосев ездил летом гостить к бабушке в "Родники" Бабушка эта была старая дева Ло-

сева и была родной теткой отца. Мальчику скучно было у ней в "Родниках" и он с большей охотой ездил на дачу к дяде, где проводил лето весело в кругу двоюродных братьев и сестер. И от бабушки у него остались воспоминания о бесконечных нравоучениях и рассказах о роде господ Лосевых. Да еще запомнилось, что бабушка говаривала:

—Умру — тебе оставлю "Родники", ты один представитель столбовых дворян Лосевых. Старайся же быть достойным своих предков.

То ли бессознательно эти слова запали в душу мальчика, то ли свойства души его были такие, но уже юнкером Лосев среди сверстников пользовался репутацией самолюбивого, резкого на слова, не сходящегося с товарищами человека.

Благодаря рекомендации дяди, он вышел из училища в Финляндский гвардейский полк. Гвардейский офицер должен иметь свои средства. У Лосева были деньги от продажи имения. Он был не кутила, не пьяница и совершенно не понимал карточного азарта.

Единственная его страсть была охота и бесконечное чтение.

В полку сослуживцы-офицеры его не любили за резкий язык и считали карьеристом, хотя все солдаты его любили.

Мнение о карьеристе подтвердилось, когда Лосев в чине поручика блестяще сдал экзамены в Военно-Юридическую Академию. Он пробыл в ней три года, отлично сдавая экзамены, но при переходе на последний курс на экзамене с ним случился скандал. Профессор-генерал, военный юрист, очень не любил, когда слушатели сдавали экзамены не по его учебнику. Профессор был очень либерален, и его учебник был пропитан либерально-демократическим духом. Лосев сдавал экзамен не по

его учебнику, так как не любил профессора за красноту, проскальзывавшую на лекциях.

Профессор заметил что Лосев отвечает, придерживаясь воззрений других авторов и грубо прервал:

— Что вы мне за чушь несете, милейший?

— Во всяком случае меньшую чушь, которая находится в вашем учебнике, любезнейший, — таким же тоном ответил Лосев.

— Что-с? Да вы, кажется, забыли, кто перед вами?

— А вы помните, что я офицер гвардии и потомственный дворянин, а не студент из разночинцев?

Получился скандал. Генерал прервал экзамен и ушел. А затем курсовой офицер увел Лосева под арест.

Слушатели-офицеры были удивлены, так как и в Академии его считали карьеристом, но все сошлись на том, что Лосев правильно обрезал "красного генерала".

Вскоре Лосева позвали к генералу, начальнику Академии.

Генерал, желавший замять дело, накинулся на Лосева с упреками в недисциплинированности и требуя ,чтобы он принес извинение профессору. Лосев выслушал выговор, но твердо заявил, что извиняться не будет.

— Да вы понимете, поручик, что рискуете всей своей карьерой?

— Ваше превосходительство, для меня честь дороже всего, и я не позволю никому так обращаться ко мне, как себе позволил г. профессор.

— Он не г. профессор для вас, а прежде всего генерал.

— Генерал, который на лекциях и в учебниках разводит красные идеи? Вы шутите, ваше превосходительство!

Начальник смутился, желание потушить скандал было оттого, что он знал взгляды профессора.

— Я не вхожу в обсуждение методов преподавания профессора, но считаю ваш тон и разговор с ним недопустимым. Зачем вы, например, упомянули о своем потомственном дворянстве, здесь все — офицеры.

— Об этом я упомянул, так как считал, что огражден здесь от обращения, с которым разговаривал со мной професор.

— А он полагает, что вы это сделали, чтобы уколоть его, так как он не из дворян.

— Тем хуже для него. Он должен был бы быть вдвойне осторожен тогда.

Начальник Академии хотел потушить скандал ввиду левого направления лекций профессора, а потому сказал:

— Послушайте меня, старика, поручик, попросите извинения, и все будет забыто.

— К сожалению, я отказываюсь, так как виновным себя не считаю.

— Можете идти тогда, — сухо отпустил его начальник Академии.

Скандал потушить не удалось. Лосева исключили из Академии с приказом вернуться в полк. А профессор по болезни вышел в отставку.

В полку знали об этой истории, и мнения разделились. Почти все младшие офицеры были на стороне Лосева, но штаб-офицеры находили, что поступок его пахнет отсутствием дисциплины, а так как его не любили, то встретили возвращение в полк неприветливо. А через несколько месяцев случился новый скандал.

Батальоный командир-полковник в офицерском собрании что-то сострил на его счет, Лосев резко ответил.

Полковник вдруг вскипел и закричал:

— Здесь вам не Юридическая Академия!

— Я это вижу, потому что в ней не встречал таких доморощенных остряков.

Их развели.

Но Лосеву предложили взять годичный отпуск по болезни; предложение исходило от высших кругов, и пришлось покориться.

К этому времени у него умерла бабушка, оставив ему "Родники" и капитал в 12.000 рублей. У него же, несмотря на скромную жизнь, от денег оставалось всего тысячи три, и он подумывал о переводе в армейский полк. Получив годичный отпуск, он переменил планы в связи с получением наследства и решил уйти в отставку. Призвания к военной службе у него не было, а жизнь в "Родниках" ему улыбалась: там, он знал, была хорошая охота, и он рассчитывал поступить на службу в мировые судьи.

Но предварительно ему захотелось побывать заграницей; он считал, что три тысячи рублей ему будет довольно прожить там год, и он уехал. Единственный плюс в воспитании дядей-опекуном был тот, что дядя держал для своих детей гувернантку, прибалтийскую немку, а на лето брал и француженку. И он заставлял племянника наравне со своими детьми учиться языкам.

И Лосев свободно объяснялся и на немецком и на французском. Месяцев шесть он пропутешествовал по Германии, избегая обыкновенных маршрутов и останавливаясь в маленьких старинных городках. Фантазер и поэт в душе, он охотно посещал старинные развалины замков и с сожалением думал, как в России мало осталось от глубокой старины, а что осталось — в каком оно пренебрежении. Лосевы — старый служилый род, а что он знает о своих предках? Ничего. Да что он может знать, когда при царе Федоре Алексеевиче сожгли все разрядные книги. А ведь в них история России. Здесь же какой-нибудь барончик знает про свой род

с крестовых походов, с горечью думал он, осматривая старые полуразвалившиеся замки.

Неизвестно, сколько бы он еще проездил по Германии, если бы случайно не встретил на вокзале однополчанина Квашнина. С ним одним он был в дружеских отношениях. Алексей Алексеевич Квашнин был сын богатого помещика южной губернии.

Они были дружны, так как сошлись во вкусах: охота и русская старина, хотя Квашнин любил кутнуть и азартные игры.

Лосев обрадовался встрече, соскучившись в одиночном скитании по Германии, а потому согласился на предложение Квашнина ехать во Францию. Он узнал, что Квашнин взял месячный отпуск и ехал на юг Франции.

— Надо же попробовать счастье: столько разговоров про Монако и рулетку, а я никогда не игрывал в нее.

— Деньги порастрясти захотел, много ли с собой?

— Есть малость. Бабушка выслала, когда узнала, что я еду за границу. Папаша не расщедрился, всего четыре тысячи отвалил.

— Эх, Алеха! Плакали бабушкины деньги, едем лучше в Италию.

— Вот чудак! В Италию потом, а прежде всего на неделю в Париж. Посмотрим их музеи и остальное, а потом в Монако, ну, скажем, тоже на недельку. Что останется — на Италию.

— Я в Монако не еду.

— Боишься?

— Чего бояться? Первое: я не игрок, а второе: денег нет, чтоб зря бросать.

Как бы там ни было, а через десять дней Лосев очутился в Марселе, а Квашнин проехал в Монако, взяв слово с Лосева, что через неделю он заедет за ним. Но Лосев быстро соскучился один и на третий день объявился

в отеле, адрес которого оставил Квашнин. Застал он его в самом плачевном состоянии.

— Первый день мне везло, а потом все хуже и хуже. Сейчас за рассчетом в отеле у меня остается 500 франков. Хочу телеграфировать отцу, чтобы выслал на обратную дорогу.

— Ну, на обратную дорогу я могу дать.

— А ты разве не попытаешься? Говорят, кто не играл раньше, тому везет.

— Я и решил проиграть 200 франков.

— Голубчик, Тема, идем! Брось рассчитывать, идем!!

— А ты здесь много оставил?

— Что считать, тысяч десять рублей.

— Вот видишь, а говоришь "идем".

Но после ужина они пошли в казино. У рулеточного стола Квашнин объяснил, как ставить. Лосев вынул приготовленные для проигрыша 200 франков и сказал:

— Я поставлю сразу на черное, терпеть не могу красных.

Пять раз подряд выходил черный номер, пока Лосев упорно оставлял свои удваивавшиеся деньги.

Случайно господин, сидевший перед ним, встал, проиграв все. Лосев сел на его место, предварительно сняв накопившуюся кучу денег, и потому не успел поставить, когда вышло красное.

— Видишь, тебе везет. А я проиграл без тебя. Ставь на номер, несчастный! — бубнил ему Квашнин.

Лосев вспомнил, что число десять всегда почему-то считал счастливым, и поставил 1000 франков.

— Десять! — прозвуал голос крупье, и банковые тысячные билеты очутились перед Лосевым.

— И я выиграл на чете за тобой. Я говорил тебе, — возбужденно твердил Квашнин.

"12-ый год для России счастливый, 12 — лучший балл", думал Лосев, ставя 2000 франков на 12.

— Двенадцать! — раздался голос крупье.

Перед Лосевым лежала куча денег, он их рассовывал по карманам. Какие-то люди что-то ему твердили.

Но мысль его подсказала: "Я родился 6-го июня, 6-ой месяц", и, не считая, он бросил на цифру 6 несколько тысячных билетов. Крупье палкой подвинул пачку выигранных опять билетов.

Покуда он и собирал и рассовывал по карманам, прошло два круга. А потом он загадал: "Если хорошо, что буду жить в "Родниках", то выиграю, а если плохо — проиграю и уйду".

С этой мыслью, дождавшись восклицания крупье: "**Faites vos jeaux!**", поставил на ноль пять тысяч франков. Ему показалось, что крупье улыбнулся, и Лосев со злостью подумал: "Видно, жулят они как-то".

— Ноль! — раздался голос крупье.

Квашнин, подкинувший 100 франков на ноль, был в восторге. Лосев укладывал по карманам хрустящие новые билеты и вдруг почувствовал тоску. Ему стали противны и возбужденные легкой наживой жадные лица, и прокуренная атмосфера.

А Квашнин твердил:

— Ставь, ставь!..

Не глядя, он бросил на какой-то номер тысячный билет и проиграл. Потом опять проиграл.

— Хватит! Идем! — сказал он, вставая и ощупывая полные карманы. Какие-то лица при выходе поздравляли, выпрашивая шепотом денег, кто-то попросил взаймы по-русски. Лосев, не считая, роздал, что вынула из кармана рука.

Квашнин шел с ним, ругаясь, что так скоро отказался от своего счастья.

— Брось ,идем пить шампанское. Завтра будет день, — сказал Лосев.

Когда они сосчитали в отеле, у Лосева оказалось 174.000 франков, а у Квашнина больше 10.000 франков.

Проходя в ресторан, Лосев сдал в конторе гостиницы 170.000 на хранение. Весть об его крупном выигрыше дошла сюда, и все служащие были особенно предупредительны к ним.

Когда же они сели за стол, к ним подошел господин.

— Разрешите познакомиться... — по-русски обратился он и сказал: — Я вижу по выправке, что вы оба офицеры и выиграли сегодня. Я конченный человек... Но вам мой совет: уезжайте завтра же с деньгами, а то все оставите здесь.

— Давайте лучше ужинать, — засмеялся Лосев.

Ужин затянулся, и когда подвыпивший Лосев заявил, что надо спать, Квашнин без возражений, пошатываясь, встал.

Лосев отвел господина в сторону и, вынув 1000 франков, сказал:

— Вот вам за совет.

— Спасибо, принимаю, так как без просьбы даете. Но помните — уезжайте!

Квашнин еще спал на другой день, когда Лосев взял из конторы отеля свои деньги, пошел в банк и перевел в Россию на свое имя 160.000 франков. Когда он вернулся, Квашнин мылся.

— Что, Тема, сегодня опять дадим сражение?

— Сегодня мы поедем с тобой в Италию.

— Ты с ума сошел?

— Ничего подобного. 160.000 франков я перевел уже в Петербург, и мне забавно думать: в кои веки раз один русский дворянин, приехавший с остатками денег, разбогател, благодаря игре в рулетку. А тебя я прямо кон-

фискую. Ты немного отыгрался и в Италию поедешь на мои средства, я ведь выиграл благодаря тебе.

Как ни ругался и ни спорил Квашнин, но после завтрака они рассчитались в отеле и уехали в Рим.

В Петербург Лосев приехал с Квашниным раньше срока своего отпуска и подал рапорт о выходе в запас по расстроенному здоровью. Благодаря связям дяди-генерала он был назначен земским начальником — только что введенной должностью — и уехал. А перед отъездом уговорил старую гувернантку-немку, оставшуюся жить в доме дяди без дела, так как ее питомцы стали взрослыми, поехать к нему экономкой. Лосев приехал в "Родники" богатым помещиком. Больше 50.000 руб. от выигранных в Монако денег плюс 12.000 руб., оставленных бабушкой, и незаложенное имение в тысячу десятин с полукаменным домом и 500 десятин нетронутого столетнего леса. Большой сад, который бабушка содержала в порядке, имелся перед домом, стоявшим на холме. Сад оканчивался двумя досятинами парка с аллеями. Посреди парка на небольшой лужайке, обсаженной березами, из-под камней били два сильных ключа, образуя небольшой пруд со стоком, бежавшим веселым ручьим в неглубокую быструю реченку "Ключевку". В пруде бабушкой содержались утки и гуси.

От родников в саду предком Лосева, построившим усадьбу, и была она названа "Родники".

По приезде в усадьбу Лосев нанял в городе маляров, печников и плотников и отремонтировал весь дом. Переделал несколько старых печек на более современные герметические, устроил в комнате, которую выбрал для кабинета, камин, отвел под канцелярию и камеру земского начальника две комнаты с отдельным ходом и зажил жизнью, о которой мечтал.

В городе и уезде его встретили с распростертыми объятиями, особенно в семьях, где были дочери-невесты. А при первых выборах в земские гласные он прошел белыми шарами.

В благодарность, что его почтили избранием, Лосев устроил в усадьбе обед, на который пригласил всех гласных во главе с председателем земского собрания, уездным предводителем дворянства Новиковым.

На обед он пригласил не только дворян и крупных землевладельцев, но и пятерых крестьян.

"Родники" от города были в пяти верстах, и за гласными, приехавшими издалека и не имевшими своих лошадей, он отправил из усадьбы лошадей. А за обедом был одинаково радушен и любезен со всеми, не разделяя крестьян от предводителя.

Роль хозяйки прекрасно исполняла старенькая Эмилия Ивановна, радушно всех без различия угощая. Все остались довольны, хотя некоторые из дворян качали головами и толковали потом, что не ожидали от гвардейского офицера, что он за один стол посадит предводителя дворянства и мужика. Однако, открыто никто не посмел ничего сказать Лосеву.

— Чудит от скуки, играет в оригинала, —кто-то заметил, и на этом успокоились. Коротко Лосев познакомился и сошелся лишь с одним предводителем Сергеем Степановичем Новиковым. Хотя летами он был гораздо старше, имея больше пятидесяти. Жил он в большом имении "Верхотурье" со своей женой. Пятое трехлетие выбирался предводителем, у себя в усадьбе имел конский завод и любил охоту. В молодости он был офицером в конногвардейском полку, но страсть к лошадям и большой конский завод полуразорили его и принудили выйти в отставку. Он думал, что поправит дела, если

сам займется хозяйством. Однако, дела пошли еще хуже. В это время он женился и уехал с женой в свадебное путешествие, сдав все имение с заводом и с полной доверенностью на управление, в руки управляющего поляка, с высшим образованием агронома. Поляка ему рекомедовали знакомые в Петербурге. Однако, через два месяца заграницей он получил полуграмотное письмо от своего старого наездника, что управляющий неизвестно куда уехал.

А когда Новиков вернулся, то оказалось, что поляк часть хорошего леса по доверенности продал на сруб, часть имения заложил, а сам уехал в Америку. Об этом Новиков узнал из собственноручного письма, оставленного управляющим на его имя.

В письме он уведомлял, что уезжает в Новый Свет и вознаградил себя за счет Новикова, так как русское правительство разорило его отца после последнего польского восстания

Новикову пришлось туго: поляк, вознаграждая себя, пораспродал и лучших лошадей и все, что мог. Спасибо, хоть обстановку дома оставил, но взломал столы, из которых украл ценные золотые вещи. Кое-как продав еще часть леса и земли, Новиков опять завел небольшой конский завод, но хозяин он был плохой, а человек хлебосольный, а потому приходилось "делать внутренние займы", как он смеялся, то есть или продавать, или закладывать куски земли.

Лосев, ближе познакомившись, пытался указать на явно убыточные вещи в хозяйстве, но Новиков махал рукой.:

— Для кого беречь? Детей нет, а на мой и Машеньки век хватит. Правда, Машенька? — обернулся он к располневшей, но еще миловидной жене.

— Хватит, Сереженька, вполне хватит. Если не вздумаешь снова взять управляющим ученого поляка, — с хохотом ответила она.

И Новиков, и Лосев оба смеялись, когда дошли до них разговоры после обеда гласных в "Родниках":

— Подумаешь: "благородное дворянство", что может понимать "благородный" дворянин Николаев в традициях и благородстве? Отец его, всем известно, был губернским архитектором и получил за чин дворянство потомственное, накрал на казенных постройках, купил имение на имя жены, а потом попал под суд за кражи. Был судим, лишен дворянства, ну, а сын остался дворянином. Я с большим удовольствием пожму руку честному мужику, чем дворянину Николаеву.

"У нас о чести рода и традициях ничего не знают и не думают. Еще Пушкин сказал, что у нас потомок Рюрика гордится больше звездой двоюродного дядюшки, чем историей своего рода, то есть историей Отечества.

"Возьмите немцев, там купцы имеют гербы и гордятся, что фирма существует двести лет. Себе в убыток продадут, а бесчестного дела не сделают. А у нас: "не надуешь — не продашь".

"Тятенька скопил капиталы, а сынок спустил в кутежах. Вот и фирма вся. А настоящее старое наше дворянство только и мечтает о революции, да чтоб опроститься. За примером идти недалеко, взять новоявленного философа Льва Толстого. А мой предок Екатерининских времен? Не про него ли граф Разумовский писал: "Я понимаю, когда во Франции сапожники захотели стать дворянами, но почему наши дворяне хотят сделаться сапожниками, это для меня совсем не понятно".

— Ты, Сереженька, завел свое, а я хочу сказать, что сердита на Артемия Лукича, — перебила мужа Новикова.

—За что, Мария Александровна?

— За то, что не женитесь, а потому и я не могла к вам приехать на обед.

— Это чепуха, Машенька: ты же была со мной в "Родниках".

— А мне хотелось именно на этом обеде быть.

— Ведь это был официальный обед для гласных.

— А если бы были женаты, был бы обед полуофициальный?

— Не хочешь ли ты, Машенька, посватать кого-нибудь?

— Упаси Бог, пусть сам ищет!

— Постараюсь, Мария Александровна, если приказываете.

— То-то же, а пока идемте в столовую, обед готов.

Уездное купечество сперва дичилось Лосева, но потом пошли разговоры что Лосев не гордый, и сначала он познакомился с одним, а потом со многими, когда стал бывать изредка в клубе для игры на биллиарде.

Там же, в биллиардной и произошел случай, после которого к нему стали относиться с почтением и побаиваться его резкого языка. В клубе устроили танцевальный вечер и лотерею в пользу детского приюта. На этот вечер приехал из Мизгирева и Коновалов с молодой женой. Это был их первый выезд вместе в общественное место. Лосев, мало знакомый с купечеством, тоже приехал на вечер и сразу заметил Варвару с мужем. Но принял ее за дочь высокого старика с седой бородой.

Купив десятка два билетов в лотерею и пожертвовав тут же выигранные безделушки на приют, он принял приглашение уездного члена суда сыграть партию на биллиарде. Котельников жил уже 10 лет в городе, так как до назначения членом суда исполнял здесь обязанности судебного следователя.

Они начали игру, а около них стал вертеться товарищ прокурора, приехавший на заседание уездного съезда. Заседание кончилось, но Курлов остался в городке. Был он фатоват, мечтал о карьере и подлизывался к Лосеву, то ли думая занять денег, то ли полагая, что у Лосева большие связи.

Лосеву он не понравился с первого знакомства, в особенности своим цинизмом. Во время игры Котельников спросил Лосева:

— А заметили вы в зале высокого старика с молодой женщиной?

— Как же, заметил. Это его дочь? Кто он?

— Это наша знаменитость, богатый лесопромышленник Коновалов, а дама не дочь, а вторая жена, он недавно женился.

— Ах так, а я вообразил, что это его дочь, — немного разочарованно протянул Лосев и с треском загнал шар в угол.

— Вы, Артемий Лукич, кажется, огорчены, что она не дочь? — вмешался Курлов.

— А мне не все ли равно? — насторожившись, ответил Лосев.

— Ну, как сказать? Село Мизгирево в вашем участке, как земского начальника. Коновалиха же бабец не вредный, а муж старикан, так вы ей можете все утехи молодости предоставить.

Лосев положил кий на биллиард, обернулся к Курлову и громким, но спокойным голосом сказал:

— Так говорить о незнакомой женщине в публичном месте в присутствии посторонних хамство, а припутывать еще мою должность — глупость. Вы, г. Курлов, или дурак, или хам, а вернее, и то, и другое вместе. Поняли?

Присутствовавшие ахнули. Бледный Курлов растерянно оглянулся.

— Вы забылись!.. Вы оскорбили товарища прокурора, я это так не оставлю! — начал он, повышая голос.

— Брысь! Товарищ прокурора остался в своей камере и при исполнении обязанностей, а здесь нахамивший дурак Курлов, — бросил через плечо Лосев.

— Ваша очередь, — обернулся он к Котельникову, промазав шар.

Кто-то увел Курлова.

А через пять минут в бильярдную вошел взволнованный исправник Гвоздиков.

— Ради Бога, Артемий Лукич, на два слова...

— Ну, в чем дело? — лениво спросил Лосев, отойдя с исправником в сторону.

— Что за скандал случился у вас с товарищем прокурора?

— Не с товарищем прокурора, а с хамом Курловым, спросите у других.

— Да он там, я слышал, — грозит! — волновался Гвоздиков.

— А мне что за дело?

— Но мне же неприятность будет, если он вас на дуэль вызовет...

— Курлов меня на дуэль? Ха ха-ха! Успокойтесь самое большее — он подаст рапорт прокурору об оскорблении его, как товарища прокурора. А прокурор приложит печать к моим словам, что он дурак

Слова Лосева оправдались, Курлов, уехавший утром в губернский город, больше никогда не появлялся.. А через месяц узнали, что он переведен куда то на окраины России. А от Котельникова Лосев узнал, что Курлов подал рапорт прокурору о происшествии, выставив Ко-

тельникова свидетелем. Котельников же дал точное показание всему случившемуся.

Через два дня после скандала с Курловым в усадьбу "Родники" приехал Коновалов, которому стало все известно о случившемся в биллиардной клуба.

Он поднялся на крыльцо, над которым была вывеска "Канцелярия":

— Мне бы по личному делу г. земского начальника, — объяснил он делопроизводителю, который пошел доложить, а через минуту явился со словами, что Артемий Лукич просит его к себе, и провел в кабинет.

— Я к вам с превеликой моей благодарностью. Не много из наших господ сделают то, что вы изволили сделать, вступив за честь незнакомой вам чужой жены. Великое спасибо вам на том! — поклонился Коновалов в пояс Лосеву.

— Да что вы, простите, не знаю вашего имени-отчества...

— Филиппом звать, а по отцу Андреем...

— Так вот, Филипп Андреевич, мне стыдно, что вы так благодарите меня за то что каждый порядочный человек должен был бы на моем месте сделать.

— Может, и так, а верней — не так. Редко кто сделал бы это, да еще обрезал бы чиновного человека. Из простых я людей, малообразованный, потому изъяснить, может, всего не могу. Одно слово, ваш должник по гроб твой. Смело ко мне за какой нуждой обращайтесь. А еще милости прошу пожаловать откушать в дом мой мизгиревский в воскресенье. Познакомлю тогда вас и с женой, за которую вы заступились.

Уезжая, Коновалов еще раз попросил Лосева не забыть приехать на обед к часу дня.

По его отъезде Лосев позвал письмоводителя и стал расспрашивать о Коноваловых и от него он узнал все. что хотел.

Был ясный морозный день поздней осени, когда Лосев в 12 часов дня выехал в Мизгирево.

Выехал он на паре хороших вяток, купленных по приезде в усадьбу, и в новом ресорном тарантасе. Один кучер Арсений был старый, служивший еще бабушке и бывший крепостным господ Лосевых. Снегу не было, и колеса гулко стучали по замерзшей земле.

– Накат важный, за полчаса доедем до бывшей усадьбы господина Мизгирева, а теперича Коновалова, — сказал Арсений, когда тарантас, съехав с усадебной горы и миновав поля, покатил по лесу. Лосев уже бывал в селе Мизгиреве; там помещалось волостное правление, но не обращал внимания на усадебные строения, в глаза бросалась прежде всего безобразная вывеска трактира: "Свидание друзей".

Правда, в правлении он узнал, что раньше село принадлежало г. Мизгиревым, но там же он узнал, что никого из господ больше не осталось. Теперь слова Арсения его заинтересовали.

— Ты знал кого-нибудь из господ Мизгиревых?

— На вот! Как не знать, последний-то барин полковник Мизгирев был. После его смерти Коновалов все и укупил у дальних сродственников. Серьезный был барин, жил один; под Севастополем, слышь, потерял руку. Ну, однако народ не обижал. А когда освобождение было, то честь-честью размежевался с мужиками, да еще сверх надела пустошью десятин в 300 наградил. Спервоначалу старики и брать отказывались, дескать, куда с землей. Так он, можно сказать, силом с посредником навязал им. А теперя мизгиревцы все поминают его, благодарят, тоисть. И в "Родники" к нам приезжал, до са-

мой смерти завсегда ездил, когда не болел. Ну, а как Коновалов у наследников укупил, то и весь дом старый сломал. Новый выстроил у дороги и трактир в ем открыл. Богатый купец, а из бедноты вышел. Отец его, слышь, сам из крепостных, только на волю ранее освобождения откупился от соседних господ и пошел по торговой части. А сын Филипп Андреевич, надо прямо сказать, по всей округе первый богач теперя, — словоохотливо болтал Арсен, пока вятки дружно бежали по гладкой, укатанной дороге. Слушая старика и глядя на оголенные березы и осины, вперемежку стоявшие с темно-зелеными елями, Лосев невольно подумал:

„А в Германии наследники этого бы не сделали. И если бы не переехали сами жить, то хоть усадьбу сохранили бы. А у нас ничем не дорожат, хотя, может, усадьба разоренная была“.

— А что, Мизгирев богат был?, — тут же спросил он.

— Это полковник-то? Очень даже богат был. Церкву каменную как приехал, после Севастополя, поставил и капиталом обеспечил. Хворый только был, как есть инвалид, потому окромя, что без руки и без глаз был, да, лакей баял, еще и другие ранения имел. Зато холост и остался и рано помер. Слышь, барин, у нас допреж болтали, будто вашу бабушку хотел он за себя сватать до войны. А как вернулся инвалидом, так и не посмел, ну и бабушка ваша зато осталась незамужней. Помер он, надо быть, через пять лет, как вернулся. Как размежевался с мужиками, таки и помер. Да и тогда совсем хворый от ран был.

И Лосеву вспомнилось: после своего приезда, убирая вещи в бабушкиной комнате, он нашел шкатулку карельской березы, наполненную старыми письмами. Одна пачка была перевязана черной шелковой ленточ-

кой, а сверху был дагеротипный выцветший портрет военного...

Вот она, тайна старой девы. Старой девы до гроба, хранившей верность умершему. Но почему она хоть за инвалида не вышла замуж? Родители не хотели, или сам Мизгирев сознавал, что он будет лишь тяжелой обузой для любимой женщины.

Арсений же продолжал:

— А покойница кажинный год в Мизгирево служить панафиду ездила на Петра и Павла, потому покойника Павлом звали. Только ездить стала, когда одна осталась. Ранее, видно, родители не пущали, потому приход наш Рождественский так, чтобы люди не болтали. А как осталась сама госпожа и стала могилку полковника посещать. Потому могила в порядке около церкви, и плита на ей чугунная в ограде. Это надо правду сказать: наследники честь-честью все устроили.

Ушедшая жизнь, ушедшия забытые, старые страдания и сердечные драмы развертывались перед Лосевым в простом пересказе старого простого человека.

"Почему бабушка никогда не говорила ему?", — мелькнула мысль. Но тут же вспомнилось, что ведь он приезжал к ней мальчиком, сорванцом-кадетом. Потом на неделю молодым офицером. Что ему было рассказывать? Мог ли он понять?

И тихая грусть под стать тихому, печальному осеннему лесу, наполнила его.

Быстро бежавшие вятки миновали лес, и тарантас покатил дорогой посредине полей с густыми темнозелеными озимями, и показалось село Мизгирево.

— Сколько, барин, ехали времени? — обернулся Арсений, когда они миновали околицу села.

— 25 минут, — Лосев посмотрел на часы.

Арсен завернул налево, проезжая мимо церкви, сзади которой, между оголенными березами и липами, виднелась кладбищенская ограда. С дороги видна была судоходная река, причудливо извивавшаяся в заливных лугах с огороженными стогами сена. А за лугами тянулся бесконечный лес, сливавшийся, как море, с горизонтом. Мимо потянулся забор сада бывшей усадьбы, и вскоре Арсений осадил лошадей у первого крыльца Коноваловского дома. Другое вело в трактир, у которого по случаю воскресенья стояло несколько телег и толпилась кучка мужиков, с любопытством смотревшая на подъехавший тарантас.

Лосев не успел сойти с тарантаса, как на крыльцо вышел сам Коновалов в новой поддевке и лакированных сапогах.

— Пожалуйте, Артемий Лукич, милости просим, гость дорогой, спасибо, что не побрезговали приглашением!

С поклоном встретил он Лосева и, введя в сени, обернулся назад:

— Ты, Арсен, въезжай в ворота, там помогут отпречь коней.

— Да зачем же отпрягать?...

— А что же, батюшка, ведь не на полчаса приехали. Денников много в усадьбе, лошадей поберегут и накормят. Ни о чем не беспокойтесь, пожалуйста, проходите вперед.

Когда Лосев снял пальто, подхваченное горничной, они поднялись во второй этаж, и из дверей вышла Варвара, со вкусом, но просто одетая.

— Вот, познакомьтесь: супруга моя Варвара Николаевна, за честь коей вы вступились, — торжественно проговорил Коновалов.

Лосев взглянул на Варвару, подавая руку, и увидел, как она вдруг побледнела.

— Милости просим... Филипп Андреевич мне рассказывал о вас, благодарю вас со своей стороны, — видимо волнуясь, сказала она.

По приглашению хозяев, Лосев прошел в "зало", которое ожидал найти обставленным, как все купеческие залы. Но, к удивлению, он увидел удобную мягкую мебель, диван перед круглым столом с журналами, два ломберных стола в простенках между окнами, а на стенах 2-3 копии известных картин и портрет Государя Александра III. Не было ни архиереев, ни вычурных альбомов на столе с фотографиями и так далее.

К Лосеву сейчас же разлетелся исправник Гвоздиков.

— Виновник торжества... — начал было он с шуточкой, но, взглянув в серые глаза Лосева, подавился своей шуткой и стушевался.

— Со всеми, чай, знакомы? — спросил Коновалов, не раслышавший и не заметивший ничего.

— Со всеми, — улыбнулся Лосев, здороваясь с молодящейся женой исправника и с полной женой городского головы Ермолая Моисеевича Лебедева. Из мужчин, кроме исправника, были священник села Мизгирева о. Николай, Лебедев, нотариус Ушинский, два богатых купца из города и молодой небогатый дворянин Евгений Валентинович Зарин. Он жил в небольшой усадьбе близ города и Лосеву понравился при первом знакомстве. Варвара, пользуясь, что внимание всех обратилось на Лосева, выскользнула из зала и быстро удалилась в спальную. Она была потрясена. До выхода замуж никто ей не нравился из многочисленных ухаживавших за ней молодых людей. Она пожертвовала собой ради семьи, думая, что проживет спокойно всю жизнь. Любовь, казалось ей, бывает только в романах. И вдруг сейчас,

едва познакомившись с человеком, она почувствовала, что это "он", "единственный он", о котором, быть может бессознательно, по временам грезилось ей. Она почти упала на мягкий стул перед туалетным столиком и закрыла лицо руками.

"Господи, дай силы! Да что же это за наваждение!", мелькали мысли. Правда, Лосев, высокого роста с военной выправкой, одетый в хорошо сшитый сюртук, с правильными чертами породистого лица, опушенного небольшой бородой, был красив. Но Варвара чувствовала, что не красота ее поразила. Он ей показался сразу каким-то милым, словно давно знакомым, тем, кого ждешь в девичьих грезах. "Господи!! Спаси и огради меня от греха, великомученица Варвара, приди рабе твоей на помощь!..", стала креститься она, слезы потекли из глаз, и словно стало спокойнее на душе, когда ей послышался голос мужа:

— А где же хозяюшка? Гости обедать хотят.

Она вытерла лицо одеколоном, поправила прическу и вышла из комнаты, почти столкнувшись с мужем в дверях.

— Что с тобой, Варварушка, куда спряталась?

— Голова немного закружилась.

— Вот говорил тебе, в церкву без еды пошла, а потом и в хлопотах не закусила. Авдотья шипит, что все готово, а тебя сыскать нельзя, — рассмеялся Коновалов.

Они вместе вошли в зал, прося дорогих гостей в столовую. Вошедшая без них Авдотья в черной праздничной наколке и допотопном ковровом платке, злобно бросив взгляд на золовку, успела шепнуть толстой Лебедевой:

— Совсем скрутила голову старику-братцу новоявленная принцесса из дьяконовского дома.

В большой столовой стояло два стола, один для обеда, а другой — уставленный закусками и водками.

— Прошу, гости дорогие, сперва выпить и закусить, — подхватывая под рукуЛосева и подводя к закусочному столу, говорил Коновалов, в то время как дамы усаживались за обеденный стол.— Вам какой прикажете, Артемий Лукич: зубровки, английской горькой или нашей очищенной смирновки?

— Если начинать, то с очищенной, — улыбнулся Лосев.

— Только чур, господа, сперва надо с малосольной икорки свежей белужьей, потом балычку можно, а после четвертой или пятой можно и за селедочку приняться, чтобы в охотку пилось. А потом горячими закусочками кончим, — балагурил Коновалов.

— Он знаток у нас по части выпивки, недаром трактир открыл, — сострил Лебедев.

— А ты как думал, Моисеич? Выпито немало на моем веку, — подливая вторую рюмку Лосеву, сказал Коновалов.

Лосев случайно повернул голову в сторону, и глаза его встретились с глазами Варвары. Она слегка покраснела и опустила голову.

"Какое красивое и одухотворенное лицо, эх, жаль...", мелькнула мысль. Он быстро выпил рюмку и отвернулся.

— Может зубровки теперь? — спросил Коновалов.

— Пожалуйста.

— Чудесный балык у вас, Филипп Андреевич, — сказал нотариус.

— А знаете, Артемий Лукич, кажется Курлов больше не вернется, — шепнул исправник.

— Да бросьте вы с глупостями! — резко оборвал его Лосев, сам себе наливая еще водки.

— Слушай, Андреич, а ведь закуску горячую тебе Корней готовил! — вдруг возгласил Лебедев.

— Он самый, и весь обед его. Вторую неделю мне готовит. Две в запое пил у меня, а потом, как поправился, заявил, что будет работать у меня, но чтобы я не мешался. Вторую неделю, как в самом лучшем ресторане московском имеем.

— Кто такой Корней? — спросил Лосев, чувствуя, что голова немного кружится и что все стало интересно и просто.

Корней — это артист-повар, бывший крепостной еще князей... — начал, путаясь, объяснять исправник. Но его перебил Зарин:

— Постойте, Василий Васильевич,, я короче скажу: Корней хороший повар, но запойный пьяница, шатается по уезду и надоедает, когда появляется в усадьбе.

— Неладно говоришь, он просто очень требователен к хозяевам, — вступился Лебедев.

— Прошу, господа, лучше попробовать его стряпню, а то хозяйки ждут, — угощал Коновалов.

И когда сели за стол, головы у всех порядком кружились. За столом прислуживал половой из трактира, расторопный малый в чистом белом фартуке.

На первое к стерляжьей ухе были поданы растегаи. Лосев, посаженный рядом с хозяином, испугался было, когда Коновалов положил на его тарелку три штуки, но попробовав, съел все три.

После ухи половой стал разливать по стаканам легкое белое удельное вино.

— По распоряжению Корнея, — шепнул Лосеву хозяин.

Затем подали дичь: тетерек с рябчиками под разными соусами. Потом последовала разварная осетрина,

за ней ростбиф. А на сладкое мороженое, разделанное в причудливую форму.

После дичи половой было стал разливать портвейн. Но захмелевший Коновалов распорядился:

— Брось, Митька, разливать, тащи бутылки на стол, по вкусу и аппетиту сами разберем, что и как надобно.

И на столе появились бутылки портвейна, мадеры, токайского и домашних наливок. А когда появилось мороженое, поставили поднос с ликерами и коньяком.

Лосев мог пить много, не пьянея, но окидывая стол глазами, он видел, что публика порядочно подгуляла, начиная с хозяина, старавшегося объяснить ему свою любовь и уважение.

Одна Варвара, как он заметил, мало пила, угощая дам, сидевших около нее, да изредка украдкой бросала на него взгляды. Лосев ловил эти взгляды, и ему стало казаться, что он с ней в заговоре. И с ужасом он чувствовал пробуждающуюся любовь. Ему знакомо было это чувство, так как молоденьким офицером он был безнадежно влюблен. Сколько он пережил тогда! Его любовь была из богатой и знатной семьи, фрейлиной Государыни и старше его на четыре года. И когда юным подпоручиком он ей объяснился в любви, она его ласково пожурила и сказала по секрету, что уже помолвлена. Как он мучился и стадал, пока тридцатипятилетняя вдова, владелица нескольких дач под Петербургом, не исцелила его .

Охотники нанимали у нее дачу для приездов. Чаще всех приезжал Лосев. Вдова, жившая рядом, заметила его и зазвала после охоты поужинать. Она выпытала в разговоре от молоденького Лосева про его несчастную любовь.То ли от усталости или от проявленного участия ее Лосев прослезился. Вдова стала утешать и, нежно целуя его голову, прижимала к себе и баюкала, как ре-

бенка. "Бодритесь, не стоит она ваших слез, выпейте коньячку", шептала она, подавая стаканчик коньяка; он послушно выпил, а она притушила лампу, чтобы не видать его расстроенного лица. В ту ночь он не вернулся к себе на дачу. Связь эта длилась года три. А потом она однажды сказала со смехом, что выходит замуж за старого и богатого и уезжает в Крым.

Долгие годы Лосев считал себя застрахованным от любви, и вот теперь она пробуждалась опять...

— Прошу дорогих гостей не обессудить, если плохо накормил, — раздался голос Коновалова.

Слова эти вывели Лосева из задумчивости. Гости тяжело, а некоторые пошатываясь, стали вставать из-за стола и благодарить хозяина.

— Отдохнуть теперь пожалуйте, а потом и в картишки перекинуться, — говорил Коновалов, и как ни отговаривался Лосев, хозяин заявил, что кучер спит, и сам проводил его в комнату с двумя кроватями. — Выбирайте любую, а на другой, если не помешает, Евгения Валентиновича положу. Евгений Валентинович, идите сюда! — крикнул он в коридор. Зарин вошел, и Коновалов, пожелав хорошо выспаться, исчез из комнаты.

— Укомплектовал! — грузно сел на постель Зарин.

— Да, тяжело что-то и мне.

— Я ведь случайно попал: заехал утром по делу. Партию осиновой клепки запродал ему. Запродал и на обед попал. Разрешите, я уже разденусь.

— Сделайте одолжение, я сам тоже разденусь..

В голове Лосева шумело; он думал, что не заснет, но незаметно сон овладел им.

Он проснулся от стука в дверь; в комнате было темно, и Зарин сладко похрапывал.

— Спите? — Послышался голос Коновалова.

— Проснулся, — ответил Лосев.

Дверь отворилась, и в комнату вошел Коновалов с стеклянной лампочкой в руке. Лосев от света зажмурился, Зарин в испуге вскочил.

— В чем дело?

— Пять часов спите, уже восьмой час. Гости все встали, пьют чай, а кто сельтерскую воду, и собираются в карты играть...

— Эх, голова болит, я бы проспал до утра, а придется сидеть, хоть я в карты не играю. Приехал я не на своих лошадях из города, — говорил Зарин, лениво одеваясь.

— И я в карты не играю, хотите, выпьем чаю и поедем в "Родники", а утром поедем в город, мне надо по делам?

— Спасибо большое, с удовольствием.

В столовой все сидели за чаем, но на отдельном столе стоял сифон с сельтерской и содовой водой.

Зарин жадно принялся за сельтерскую, а Лосев попросил чаю с лимоном и выпил рюмку коньяка, чем привел в восторг исправника.

— Сразу видно гвардейского офицера, знает, что полезно!

— Ну, не скажи, Василь Васильевич, содовая — она вещь пользительная.

— То-то ты и выдул сифон!

— "Осаже" сделал, а теперь можно и чайком побаловаться.

Передавая стакан чая Лосеву, Варвара потупила глаза. Он заметил это, и мелькнула мысль: "Почему?"

— А что-то снежком попахивает, как бы не навалило ночью, — сказал Ушинский и спросил Лосева:

— Изволили себе приготовить шубу, а если нет, то имейте в виду, что хозяин дома сего специалист по всяким мехам.

— Что кому? Вам мех нужен, Артемий Лукич? Самолучший по себестоимости вам подберу.

— Да у меня есть енотовая шуба и полушубок бараний.

— Нет, стойте, я вам на пальто для города подберу "норок ледянок", а для поездок оленью доху, — вступился Коновалов. — Завтра заезжайте ко мне в город на склад, увидите сами. А доху и бобра на воротник с материей на пальто я привезу из Нижнего, на днях поеду. Наш портной в городе отлично сошьет, не уступит Петербургу, и дешево все будет стоить.

Поговорили о мехах, выпили чай, и Коновалов стал звать в зал за карты.

— Я не играю совсем.

— Не может быть! И не играли никогда? — воскликнул Гвоздиков.

— Один раз в жизни играл в Монако в рулетку.

— Ага, понимаю! Проигрались и дали зарок. Ну, мы ведь по маленькой играем! — загрохотал исправник.

— Вы всегда скоры на заключения и всегда делаете ошибки, для полицейского это плохая вещь, — язвительно сказал Лосев.

— Я ведь пошутил...

— Дело не в шутке, а в ошибке. В Монако я случайно стал играть по настоянию проигравшегося друга, выиграл более 170.000 франков, перевел их в Россию и на другой день сам уехал.

— Это серьезно, вы не шутите? — с завистью спросила жена исправника.

— Совершенно серьезно. Если приедет на Рождество в гости ко мне мой друг, а он собирается, он может подтвердить, так как он не хотел уезжать, потому что азартен.

— А говорят, азарт приходит во время игры, —

сказала Варвара.

— Вероятно, я исключение. Мне было скучно и противно, и я только был рад, что сорвал деньги с этого разбойничьего вертепа.

Все захотели услышать подробности, но Лосев заявил, что интересного мало: "Ставил и выигрывал", а затем попросил хозяев разрешить ему уехать и увезти Зарина, как не играющего в карты.

Вокруг луны, ярко светившей и освещавшей дорогу, были видны туманные круги. Арсений, желавший вступить в разговор с господами, сказал, ткнув кнутом на луну:

— Бесприменно снег скоро пойдет, вона какие круги на луне. — А потом продолжил: — Ну, Филипп Андреевич! Серьезный купец, как есть гильдейский. Честь-честью велел угостить меня, обед с вином опять же и пива приказал в трактире поднести. А лошадям их работник овса засыпал в кормушки, жри — не хочу. Хозяйственно все у него, — бормотал хмельной Арсений.

Зарин дремал, а Лосев думал о Варваре и о внезапно пробудившейся в нем любви. И вдруг суеверная мысль блеснула: почему и бабушка, и он так несчастны? Бабушка, схоронившая свою любовь и оставшаяся ей до гроба верной, а он опоздавший, а потому обречен томиться без любви. Может быть, "Родники" приносят несчастье? Все, кто в них живут, должны страдать. "Я пьян, если такой вздор лезет мне в голову", сердите подумал Лосев и приказал:

— Ты, Арсен, кажется, сильно выпил, смотри, заснешь и свалишься с козел. Подгони лошадей!

Арсений что-то пьяно забормотал, и лошади быстрее подхватили.

— Так вот у меня прямо отвращение к картам; вероятно, по молитвам матери, много она перенесла, ког-

да отец спускал за одну ночь по целому имению, — говорил Зарин на другой день за утренним чаем в "Родниках". — Отец умер, когда мне было десять лет. Он женился уже не молодым. И осталась мать с долгами в полуразоренной усадьбе, все за долги и ушло. Только и осталась материнская усадебка под городом с небольшим домом, всего около 200 десятин. Даже ценза нет. Но мать у меня хозяйка, занялась молочным хозяйством, курами и ягодным садом. А меня отдала в сельскохозяйственную среднюю школу. Вот уже пятый год я хозяйничаю, а мать отдыхает. У меня идея — так разбогатеть, чтобы выкупить наше родовое имени "Заря". Оно приобретено купцом , и дом стоит заколоченный. Для этого я в торговлю пустился. У нас дворяне по глупости зазорным это считают, а вон в Англии лорды все торговцы.

Лосев слушал Зарина, и ему радостен был юный задор, с каким он говорил, что выкупит большое родовое имение.

— А клепку откуда вы вырабатываете?

— На сруб у предводителя нашего купил 100 десятин осиннику. Сам ведь не занимается, а мне уступил в долг. Теперь я расплачусь и барыш хороший получу.

После чая Лосев проводил его в город, и Зарин взял обещание, что он приедет посмотреть хозяйство на хуторе.

В следующее воскресенье под предлогом дел в Правлении Лосев поехал в Мизгирево. Хотя дела были не спешные, но Лосеву хотелось посмотреть могилу полковника Мизгирева. Снег выпал, но в санях еще не ездили, так как выпало совсем мало.

В Мизгиревскую церковь он попал к середине обедни. Когда подходил к кресту, столкнулся с Варварой; она была одна.

Они вышли вместе из церкви, и она сказала, что муж уехал в Нижний Новгород.

— Я по делам в волостное правление, а потом хотел посмотреть могилу Мизгирева.

— Я знаю могилу. Хотите, покажу вам, только надо взять сторожа Федора, у него ключи, она загорожена решеткой. Федор, пойди сюда!

Старик, тушивший лампадки, подошел.

— Барин хочет посмотреть могилу полковника, возьми ключи.

— Чичас. чичас... — с этими словами старик скрылся, но через минуту появился с ключами.

— Вы знаете, что говорят о полковнике? — спросил Лосев, когда они огибали церковь, идя за Федором.

— Говорят, ваша бабубка была его невестой, когда он уезжал на войну. А вернулся он калекой, не мог жениться, и она осталась верна ему до гроба. Не вышла замуж и ездила на могилу в день его ангела, на Петра и Павла.

На кладбище Федор против алтаря отворил чугунную решетку, огораживавшую могилу полковника. Они вошли. Федор смахнул снег с большой плиты, кончавшейся железным крестом, и Лосев прочел: "Здесь покоится прах полковника и кавалера ордена Св. Георгия Павла Мизгирева, скончавшегося в 1862 году от ран, полученных при защите Севастополя".

— Я слышала, что в Мизгирево он вернулся лишь в 1858 году, так как почти два года лечился в госпиталях. Но совсем поправиться не мог, — полушепотом почему-то сказала Варвара.

— Бедная бабушка! — вздохнул Лосев.

— Вы думаете? А я считаю, что у нее была любовь, заполнившая ей всю жизнь.

При выходе с кладбища Варвара протянула руку со словами:

— Извините, но в отсутствие Филиппа Андреевича я вас не приглашаю к себе, чтобы не дать повод к пересудам.

— Я вас отлично понимаю. К тому же у меня дела в правлении.

Лосев в себе затаил любовь к Варваре и появлялся в Мизгирево у них лишь по приглашению Коновалова. Раза два он их приглашал к себе на обед, но при этом бывали и посторонние. Обыкновенно Новиковы, Ушинский, с которым его сдружила страсть к охоте, и кто-нибудь еще.

На Петра и Павла он приехал служить заупокойную обедню и панихиду на могиле полковника, но просил помянуть вместе болярина Павла и Ольгу. Так звали покойную бабушку.

Коновалов случайно узнал об этом и зазвал к себе помянуть покойных.

— Как-никак я владею после покойного всем его имуществом, а ни разу не помянул, — говорил он.

А на следующий год он с женой присутствовал на обедне и панихиде и устроил после настоящий поминальный обед.

Вскоре после избрания Лосева в гласные к нему заехал расстроенный Новиков.

— Я с просьбой или с предложением, — начал он, входя в кабинет.

— Что случилось, выкладывайте! — рассмеялся Лосев.

— Надо 10.000 рублей платить залоговых процентов за два года, хотел кое-что продать, а купцы прижимают. За лес, который хочу продать, дают по 25 руб. за десятину, совсем дешевка. Коновалов ваш прямо жмот, я ему говорю по 50 рублей дайте, а он отвечает:

"Вам деньги нужны, а мне ни к чему эти ваши 200 десятин". А другой предложил продать ему на сруб березовую рощу, что около сада к реке идет. Всю усадьбу изуродует, — огорченно говорил Новиков.

— Так что же вы хотите?

— Дайте 10.000 рублей и возьмите закладную на усадьбу, она не заложена.

— Слушайте, Сергей Степанович, 10.000 рублей я вам дам без закладной, по простому векселю, но с условием.

— С каким хотите, благодетель! — радостно закричал Новиков.

— Я вам поставлю управляющего.

— Покорно благодарю! Чтобы он опять меня совсем уже обобрал? Не согласен.

— Что же тогда делать, ведь и моих денег вы не отдадите через год?

— Закладную возьмите на усадьбу, ваша будет, как умрем.

— У вас чуть ли не 6.000 десятин с хорошей усадебной землей под городом.

— Больше 6.000 десятин, да что толку!?

— Возьмите Зарина в управляющие, он парень толковый, с головой, свой брат дворянин, я с ним переговорю, он согласится на процентах, а не на жалованьи. Он все осмотрит... Согласитесь!

В конце концов Новиков согласился.

Зарин переехал с матерью в Верхотурье, и через год Лосев получил обратно свои деньги, именье стало приносить доход, и Новиков вздохнул свободно.

Многие пытались Лосева сватать при помощи Эмилии Ивановны, но он с шуткой отклонял все попытки, бывал везде, но ни за кем не ухаживал. Остряк помещик, отец трех дочерей, в досаде прозвал его "лос-одинец".

"Одинец" — отбившийся старый лось. Так это прозвище за ним и осталось.

Раза два он ездил в Петербург ненадолго, оттуда привозил себе ящики книг, купленных у букинистов, новые ружья, а знакомым подарки. После первой поездки, когда он объявился в Мизгиреве и преподнес Варваре две больших дорогих коробки конфет, по лицу Коновалова мелькнула тень, сейчас же исчезнувшая, так как Лосев затем передал ему затейливый ларчик кустарной работы, полный мягких вяземских пряников, к которым Коновалов, старея, пристрастился.

— Ишь ты, вспомнил старика вкус, ну, спасибо, уважил, — довольным тоном сказал Коновалов.

Он все еще лелеял надежду увидеть детей, но второй год прошел, и надежды не было. Коновалов вздыхал и как -то сказал Варваре:

— Видно, во мне грех, что не благословил меня Господь, ни от покойницы, ни от тебя нет утешения мне в детях.

А вскоре его вдруг разбил легкий удар. Как только он немного оправился, так сейчас же уехал в город.

А по приезде домой передал запечатанный большой конверт Варваре со словами:

— Спрячь и храни. Умру — перво-наперво распечатай и полиции передай.

— Да что ты, батюшка Андреич, еще поживешь, Бог даст! — тихо заплакала Варвара.

— А что толку? Силы нет, чую, что в нутре дрожит что-то. Много выпито, да погулено было. В расслеблении лежать только не охота. А ты не плачь. Хозяйкой будешь, смотри, только не прошибись...

— Чем, батюшка Андреич?

— Чем? Сама узнаешь. А только хоть и змея подколодная Авдотья, а все же в мою память не обидь, — сестра родная мне.

Дела свои Коновалов оканчивал, новых выработок лесных и больших покупок перестал делать.

Вскоре, когда он поправился от удара, в "Родники" приехал старый его приказчик и спросил Лосева: может ли он принять один на один Филиппа Андреевича по делу?

— Да я сам могу приехать...

— Нет, Филипп Андреич сами хотели у вас быть...

Осунувшийся, постаревший Коновалов вошел в кабинет Лосева, слегка волоча ногу после удара. В руках он держал сверток.

— Садитесь, Филипп Андреевич, зачем беспокоились, я бы мог приехать, — говорил Лосев.

За все время почти никаких судебных дел у Коновалова не было, только немного самовольных порубок, но на суде всегда выступал его приказчик.

— Я по личному моему делу приехал, Артемий Лукич, а потом хотелось побывать у вас едва ли не в последний раз... Вишь, нога-то моя уже в могиле... — криво усмехнулся Коновалов, и было заметно, что ему трудно говорить. — Славно у тебя в "Родниках", хорошая усадьба и сам ты очень хороший, можно сказать, редкий человек... — начал вдруг Коновалов в первый раз называя "на ты" Лосева.

— Полно вам меня захваливать, вы лучше скажите, чем вас угостить. Водки и вина, вероятно, нельзя, так хоть чаем.

— Брось... Чаю после, может, попью, сказать мне надо. Помнишь, первый мой приезд зачем был? С благодарностью. Ну, а теперь последний тоже с благодарностью.

— За что?

— Что не посрамил меня... Ты думаешь, я стар, тонкостей не понимаю?

В уме Лосева мелькнула мысль, что Коновалов слегка тронулся. А тот как бы читая мысли, продолжал:

— Я в своем уме и скажу тебе, что с первого раза понял, с чего ты отслужил панихиду на могиле полковника Мизгирева.

Лосев от неожиданности покраснел.

— Видишь? Угадал я — покраснел весь ты... — шепотом сказал Коновалов. — Кровь-то у вас с бабкой одна — верная и стойкая. И вот привез я тебе подарки: когда наследники продавали усадьбу, то продали все с мебелью и с вещами. Вот образ Спасителя, в ризе он хорошей и в спальне покойного висел. Не поинтересовались им наследники, а на обороте надпись твоей бабки.

С этими словами Коновалов развернул из бумаги небольшую икону в золотой ризе. На доске на обороте выцветшими чернилами было написано: "Дорогому другу, на подвиг бранный идущему, от любящей невесты. Спаси и сохрани".

— А потом, вот еще портсигар. Нашел его в ящике стола после отъезда наследников. Думал переслать, да так и раздумался, всем ведь они пренебрегли.

Передал он Лосеву золотой портсигар, на внутренней крышке его был исполнен миниатюрный портрет бабушки Лосева в молодости.

— Но, ведь это же очень ценная вещь!

— Так что, вот и владей, да вспоминай меня, когда не будет.

Коновалов замолчал, а Лосев смущенно рассматривал миниатюру бабушки.

— Знаешь, что еще скажу: жена моя Варвара Ник-вна верная жена и даст счастье тому, кого полюбит. Я ей ос-

тавлю все, смотри, раньше срока не говори только никому. Дай-то Бог, чтобы и она и все попали в хорошие руки. А то обхаживателей много явится. Да я надеюсь на тебя...

Лосев хотел было что-то сказать, но Коновалов добавил:

— По крайности, хоть советом не оставишь. А там, что Бог даст. А теперь пой чаем, — вдруг закончил он.

В столовой Эмилия Ивановна хлопотала за самоваром. Коновалов шутил с ней, говоря, что надо молодую хозяйку в усадьбу. А уезжая, шепнул Лосеву:

— Смотри, разговор только промеж нас.

А через полгода Коновалова хватил второй удар. Это случилось ночью. Чутко спавшая Варвара вскочила с постели от хрипения. Коновалов был без сознания и хрипло дышал.

В город поскакал за доктором верховой, а работник побежал за священником. Днем Коновалову стало словно лучше.

— По... по... па... — шептал он слабо.

Священник вошел для исповеди, хотя доктор протестовал, говоря, что волнение больному вредно.

А через четыре дня Коновалова похоронили.

На похороны съехались из города знакомые и старый нотариус Павлин Модестович Ушинский. Авдотья со дня смерти брата вошла в роль хозяйки и распоряжалась всем вместе с Сизовым.

— Братцу Царство Небесное, а другим царству здесь конец! — громко говорила она.

После поминального обеда Павлин Модестович подошел к Варваре со словами: —Конвертик супруг ваш покойный передал вам?

— Конверт? Ах, да, передал и приказал отдать полиции.

— Так вот, почтеннейший наш исправник Василий Васильевич налицо. Не потрудитесь ли передать его.

Плохо сознавая, что это значит, Варвара пошла в спальню и из божницы достала лежавший под образом, благословением матери, конверт.

— Извольте Василий Васильевич, — передала она конверт, вернувшись в зало.

— Он самый и печать моя, — кивнул Ушинский.

Присутствовавшие с любопытством теснились кругом.

— Что же теперь делать? — вертел в руках конверт исправник.

— Вскройте и прочтите. Это последняя воля покойного: завещание-с, — сказал Ушинский.

"Во имя Отца и Сына и Святого Духа, я нижеподписавшийся... — Стал громко читать исправник. — "Оставляю все мое движимое и недвижимое имущество, в чем бы оно ни находилось, любезной супруге моей Варваре Николаевне..."

— Ложь! Это она с братом своим написала, подделала! —Завопила вдруг Авдотья, но чьи-то услужливые руки вытолкнули ее из зала.

— Г-м, — запнулся исправник, прерванный в чтении, но потом продолжал: — и которую прошу из капиталов, полученных ею по этому завещанию, дать 3000 рублей на церковь села Мизгирева, да 2000 на бедных того же села по ее, Варвары Николаевны, усмотрению. А также прошу Варвару Николаевну содержать до смерти сестру мою Авдотью, а, буде она не пожелает, то наградить ее пятью тысячами рублей с тем, что больше сестра Авдотья ничего не имеет права искать и требовать с имущества и денег, мною оставляемых. Рассчет всех служащих моих

оставляю на полное благоусмотрение любезной супруги моей,“

— Поздравляю! — окончив чтение, поклонился исправник Варваре.

Гул голосов поднялся, со всех сторон сыпались на нее поздравления.

— В виду наличия наследницы, я думаю, что меры к охране имущества излишни, — выдвинулся Ушинский.

— Конечно, чего там, по всей форме завещание, — расшаркивался исправник.

— А вы, любезнейшая Варвара Николаевна, если в силах, благоволите подписать прошение в Окружный суд об утверждении завещания. Вот, у меня все заготовлено. За гербовый сбор и мои хлопоты потом сочтемся, — вкрадчиво говорил Ушинский, вытащив из портфеля бумагу.

— Ловок наш нотариус! Вот умница! — захохотал подвыпивший Лебедев.

Откуда-то появилась чернильница и перо. Оглушенная Варвара дрожащей рукой подписала бумагу и залилась слезами. Старушка мать бросилась к ней и увела ее в спальню.

На другой день Авдотья отправилась в город и у местного подпольного адвоката было составлено кляузное заявление в Окружной суд, обвинявшее нотариуса, что он составил завещание, когда Коновалов был не в своем уме. Знал ли хорошо характер своей сестры Коновалов, но только он свидетелями у нотариуса вместо обычных, упросил быть земского врача, лечившего его лет 30 и соборного протопопа.

Завещание Окружным судом было утверждено к исполнению и судебный пристав ввел Варвару во владение имуществом. До этого Авдотья была в открытой войне

с Варварой. Она заперла часть комнат, примыкавших к ее спальне, пыталась, безуспешно, заставить Сизова приносить ей ежедневную трактирную выручку и присвоила себе все ключи от сараев и сушил.

Судебный пристав отобрал от нее ключи, приказал открыть двери комнат и, в присутствии слуг, понятых и Мизгиревского старосты, объявил, что Варвара одна является законной собственницей всего имущества Коновалова.

Авдотья мрачно сидела в своей комнате, раздумывая, куда теперь поехать. Она не сомневалась, что Варвара сделает ей жизнь невыносимой, воспользовавшись правом отделаться от нее 5000 рублями. В это время послышался голос золовки:

— Можно войти?

— Чего спрашивать, коли хозяйка, входи! — злобно крикнула Авдотья, запахиваясь плотнее в черный платок.

— Я пришла, Авдотья Андреевна, с миром. Хотите жить в мире?

— То есть, как это?

— Да так, просто и мирно. Я ведь давно знаю, что вы потихоньку от покойного Филиппа Андреевича, по вечерам любили выпить с Сизовым, и никогда не обмолвилась об этом.

— Ишь, ты, святая, подумаешь!

— Зачем сердитесь? Я предлагаю вам жить по вашей воле: хотите выпивать, выпивайте не тайно, хотите иметь знакомых — пожалуйста. И, пока будете в мире со мной, я готова вам на ваши личные расходы ежемесячно давать по 100 рублей не в счет 5000 рублей, которые должна вам выдать, если захотите уехать.

— Это в серьез, Варвара, или издевки пошла строить?

— Серьезно. Только и я прошу, чтобы вы мне дали свободу жить, как захочу, без историй и попреков.

— А как же ты жить собираешься? — подозрительно спросила Авдотья.

— Право не знаю, зазорно жить не буду, но и в монахини не пойду. Ну, так как же?

— А попрекать за обиды не станешь? — тихо заплакала Авдотья.

И через полчаса мир был заключен. А на другой день Варвара покончила вопрос с трактиром и с Сизовым.

Трактир был закрыт навсегда. Сизову она выдала жалованье за год и подарила обстановку трактира со всей посудой, на условии, что он не откроет в Мизгиреве питейный дом.

Но Сизов объявил, что у него в городе давно куплен дом, в котором он и откроет трактир.

В этот же день рабочие стащили вывеску с дома "Трактир Свидание друзей". А через день подводы увезли столы, стулья и ящики с трактирной посудой.

Варвара начинала самостоятельную жизнь. Нотариус Ушинский помог разобраться во всех имущественных делах. Оказалось, что она владеет наличным капиталом около 240,000 рублей, землей в разных местах уезда больше 10,000 десятин и домом с большим местом, где имелись сараи и помещались склады. В этом доме жил старший приказчик и доверенный Коновалова, Силуян Михеевич, известный во всей округе под именем Михеича Служил он у Коновалова с тех пор, как он пошел в гору, более 40 лет назад. Был женат, но как и хозяин — бездетен.

Еще при жизни Коновалов подарил ему дом и "наградил" капиталом в 10,000 рублей, но Михеич продолжал жить в доме Коновалова и продолжал быть приказчиком.

Варвару Михеич "одобрял" и она его любила. А по смерти мужа просила остаться по-старому ее управляющим.

— Да чем, матушка, управлять-то буду, когда всю торговлю покойник порешил? — говорил старик.

— Как чем? Землями, домом. Я ведь не знаю даже всех наших лесников. Присмотришь за всем. При тебе я буду спокойна. — Старик согласился.

К этому времени старший брат уже был приват-доцентом в Московском университете. Младший кончал Духовную Академию, а сестра — гимназию. Старая диаконица прихварывала и не хотела переселяться из города в Мизгирево.

Таким образом, Варвара стала жить одна в большом доме вместе с Авдотьей.

Лосев присутствовал на похоронах Коновалова и был свидетелем, когда вскрыли завещание Филиппа Андреевича.

И когда он ехал обратно в "Родники", у него мелькнула мысль, что теперь еще труднее, чем раньше, говорить Варваре о любви. За все время ему казалось, что он не выдал своего чувства ничем. А теперь, когда она стала богатой, разговор о любви будет носить характер охоты за капиталом, думал он.

"Хотя почему все-таки покойный угадал его чувства? Может он и жене что-нибудь говорил?"

А потом в нем проснулось чувство гордости. Ему, Лосеву, быть конкурентом среди купеческих сынков и мещан, которые завтра же начнут обхаживать богатую вдову.

Эта мысль настолько овладела им, что, когда он получил приглашение на 9-й день на заупокойную литургию, он поехал, но был подчеркнуто оффициален. И только уезжая, спросил у Варвары, знала она, зачем приезжал к нему Филипп Андреевич.

— Да, конечно, он ведь подарил вам образ полк.. Мизгирева. — удивленно ответила она.

— И очень ценный портсигар.

— Ах, да, он показывал его мне.

— А больше ничего не говорил вам Филипп Андреевич по поводу поездки ко мне?

— Решительно ничего. А разве он вам что-нибудь сказал?

— Да... т.е. ничего особенного.

— Приезжайте, Артемий Лукич, когда вздумаете, а на сороковой день приезжайте на поминки. Запишите для памяти день, — сказала она на прощанье.

Незаметно жизнь Варвары стала меняться. Под разными предлогами начали заезжать к ней гости. Всех холостых манила молодая, красивая, богатая вдова, а женатых — приветливый нрав и обильное угощение, которым Варвара встречала гостей. И, как предполагал Лосев, охота на богатую вдову началась сразу.

Купцы и купеческие сыновья, промотавшиеся холостые помещики — все стали приезжать к ней, чтобы высказать свое сочувствие и почти все представлялись, как друзья покойного.

Исправник Гвоздиков привез с собой вновь назначенного помощника, корнета в отставке Константина Станиславовича Хващинского. Лет пять назад, Хващинский принужден был уйти из армейского кавалерийского полка из-за неприятной истории и поступил в полицию. Высокого роста, с длинными белокурыми усами на наглом лице и с развязными манерами дурного армейского тона. Хващинский любил подчеркивать свою русскость и православие. Хотя и то и другое опровергалось его отчеством и фамилией.

Он был лет 30-ти с небольшим и холостой. Простодушному Гвоздикову, очарованному своим помощником,

пришла в голову блестящая мысль женить его на богатой вдове. А Хващинский ухватился за нее руками и ногами, обещая Гвоздикову хорошие "комиссионные", если состоится дело.

— Узнал о вашем горе и просил моего начальника представить меня вам, дабы выразить сочувствие и наиглубочайшее почтение, — стуча каблуками, склонился и поцеловал руку Варваре Хващинский. Варвара, непривыкшая к поцелуям рук, обычно не принятому на севере среди купечества, вспыхнула.

А Хващинский отнес это к себе и, закрутив усы, добавил:

— Если позволите, сочту за удовольствие навещать вас и утешать.

— Пожалуйста, если найдете время, от города ведь далеко к нам в Мизгирево, — сухо ответила Варвара.

— Для вас — все близко.

По счастью Гвоздиков торопился в город и сократил визит. А когда они ехали назад, он спросил: — Ну, как нашли?

— Божественна! Можете считать, что "комиссионные" с хорошим сувениром у вас в кармане. — С польским апломбом выпалил Хващинский.

А недели через две к Варваре объявился новый претендент.. Она перебирала у себя в комнате вещи, когда горничная вошла с визитной карточкой в руках со словами:

— Приехал из города господин, просят принять по делу.

Варвара взяла карточку и прочла: "Иван Александрович Бунин, помощник инженера", дальше в скобках стояло (землемер). А потом "сотрудник "Приволжского вестника" и других изданий."

Варвара прочла, улыбнулась и пожала плечами.

— Зови наверх!

Бунина она хорошо знала, он был лет на шесть старше ее. Сын городского мещанина, скопившего небольшое состояние на жульнических лесных выработках в казенных лесах, он был исключен за малоуспешность из реального училища, где-то кончил землемерное и работал, как землемер. В последние годы в уездном городе его снисходительно называли "поэтом", т.к. он пописывал плохие стишки, где-то печатавшиеся, а постоянное прозвище приставшее к нему, было "липовый мед".

Это прозвище дал ему тот же остряк помещик, который прозвал Лосева "одинцом". Прозвище "липовый мед" необычайно шло к Бунину. Среднего роста, блондин с рыжеватым оттенком, он имел веснушчатое лицо с рыжеватыми усами и такой же бородкой "эспаньолкой, т. к. щеки брил. На его лице всегда витала угодливая улыбка и умильный взгляд, в особенности, когда он разговаривал с дамами, с лицами богатыми или чиновными. Угодливой улыбке соответствовали и любезные манеры, переходившие в приторную учтивость. Так что разговаривавший с ним вдруг начинал чувствовать, словно Бунин обволакивает его чем-то сладко-тягучим и приторным. Одним словом, его нельзя было охарактеризовать более метко, чем "липовый мед".

Варвара знала это прозвище, знала, что он грешит стишками и слышала от Филиппа Андреевича незадолго до смерти, что он поручил ему составить план какой-то лесной дачи, недавно купленной.

Бунин вошел, стараясь придать своему лицу печально серьезный вид.

— Что за церемонии с визитными карточками, Иван Александрович? Я никогда не знала, что у вас столько чи-

нов и должностей, — улыбнулась Варвара.

— А как же, глубокоуважаемая, — расплылся Бунин в обычную улыбку и вдруг склонился к протянутой руке и поцеловал, глядя как-то вверх заискивающими глазами в лицо Варвары.

— Боже мой! Да что с вами, почему же вы руку мою целуете?

— За кого же вы считаете меня? Думаете, что я не знаю тона хорошего общества? А, кроме того, вас надо утешать теперь, а что слаще утешения поцелуев преданного человека? — с легким смешком сказал Бунин.

— С каких пор вы записались в преданного мне человека? — насмешливо спросила Варвара.

— Всегда был. Только вы не замечали меня, как маленького человечка..

— А, серьезно, вы по делу пришли?

— Так точно, покойный Филипп Андреевич поручил мне планчик сделать купленного леса. Об его смерти мне в деревне, на месте сказали, когда я уже вычерчивал план. Я и поспешил приехать во-первых выразить соболезнование, а во-вторых спросить, как быть дальше с планом.

— План надо кончить, а до ввода во владение, я условилась с Павлином Модестовичем, что он все бумаги и планы приведет в порядок и расчеты все тоже сделает.

— А потом покойный хотел снять новый план имения по селу Мизгиреву и поручил это мне.

— Когда я стану настоящей владелицей, вы и сделаете это. Тогда и об условиях поговорим.

— Ни, ни... — какие условия? Почту за удовольствие даром работать для вас. Зачем касаться низких материальных расчетов. Какую награду дадите, той и буду рад.

Слащаво улыбаясь веснушкатым лицом и зажмуривая свои зеленые глазки, ответил Бунин.

Варвара приказала подать самовар и закуску и насилу, ссылаясь на недомогание, выпроводила его.

— Настоящий "липовый мед", — пробормотала она с облегчением, смотря в окно на уезжавшего Бунина. Но после его отъезда, она нашла на полу около стола лист бумаги. Великолепным калиграфическим почерком там было написано: "Вдове Варваре Николаевне."

"Как много незримой печали
С тоской в это слово вплелось...
Когда и какому поэту едва ли
Воспеть эту грусть удалось.
Но чаю, тебя охранять безмятежно
На жизни дороге от всякого зла,
Лелеять тебя я всегда буду нежно
Чтоб ты во мне друга найти бы могла."

— Какой дурак и нахал! — вспыхнула Варвара, но потом презрительно усмехнулась. "Я ему верну, скажу, что не по адресу". И невольно вспомнила о Лосеве. Почему он стал так сухо-официален при встречах. Неужели она ошибалась, ловя изредка его взгляды? Сороковой день прошел. На поминальном обеде было много народа и Лосев почти не разговаривал с Варварой. Да ему и не хотелось разговаривать в присутствии лиц, в которых он угадывал претендентов на богатую вдову.

В особенности противен ему казался Хващинский с его армейскими шутками и манерами. Он незаметно уехал после обеда и замкнулся в одиночестве, надеясь изжить свою неудачную любовь. До него дошли слухи, что завещание Коновалова утверждено судом, что она введена во владение имуществом. Потом, что она закрыла трактир и вывеска "Свидание друзей" снята с дома.

В этом он сам убедился, когда проезжал мимо в правление. Хотел было заехать, но гордость помешала.

Варвара же занялась устройством памятника на могиле мужа, которого похоронили недалеко от полковника Мизгирева. А затем стала приводить в известность и порядок свое имущество.

Бунина она строго отчитала за подброшенное стихотворение, но поручила сделать съемку и план Мизгиревского имения.

Он было попросился на этом основании жить в одной из комнат Коноваловского дома, но Варвара сухо объявила, что это нельзя.

— Снимите комнату у любого крестьянина или у батюшки, я оплачу ваш расход сверх условленной платы. А жить у меня в доме чужому человеку я считаю неприличным.

Бунин начал работать, но нарочно медленно делал съемку и когда пришла зима, работа не была еще окончена.

— Весною, глубокоуважаемая Варвара Николаевна, кончу, — говорил он, уезжая в город.

Сиротливо и жутко было ей, когда как-то сразу навалило снегу. С Авдотьей, хотя мир и наладился, но все же она не могла к ней относиться с любовью, как к родственнице. У них не было общих интересов. Авдотья была полуграмотна и находила удовольствие лишь в выпивке, да в закусках, если был собутыльник. А на смену Сизова нашелся волостной писарь Нарциз Иванович Горшков.

Холостой, лет пятидесяти, он имел характер озлобленно-критический и любил выпить. А выпивши, изливал критико-философские взгляды на жизнь. Авдотья, как слушательница излияний, была все же лучше мужиков. А потом было огромное преимущество: выпивка с ней бы-

ла даровая, да еще с закусками, о которых "Маркис" Иванович, как его в простоте называла Авдотья, и не мечтал. Варвара приглашала, чтобы Авдотья в столовой принимала своих гостей. Но потом махнула рукой, когда Авдотья уклонялась от приглашений.

Так и повелось. Варвара ужинала и пила чай вечером одна, а из дальней комнаты доносились разглагольствования подвипившего Горшкова. Хотела было она вызвать мать, но дьяконица прихварывала и не хотела оставлять младшую дочь, кончавшую гимназию. Однако, с наступлением зимы претенденты Варвары не оставили ее. В неделю по 2-3 раза к ней наезжали гости, а т. к. она радушно принимала и угощала, к ней стали заезжать и женатые. Исправник Гвоздиков, Ушинский, старый доктор, лечивший Коновалова, часто заезжали. Варвара устраивала тогда карты и сама садилась играть в преферанс, к великому неудовольствию, случавшихся в это время претендентов.

Хващинский, лесопромышленник Толстопятов и Бунин стали ее неизменными поклонниками и ухажевателями.

Уехавший было Бунин, оставил за собой комнату в селе и вскоре вернулся "вычислять и вычерчивать план", как он говорил. А затем эта комната стала как бы гостиницей для него и для его друзей, когда они запаздывали у Варвары. Кроме старого доктора и Ушинского, она никому ни разу не предложила переночевать у ней. И только Лосев никогда не заезжал к ней.

В декабре к Лосеву неожиданно заехал Зарин.

— Какими судьбами вас занесло ко мне? Немного удивленно встретил его Лосев в передней, пока Зарин снимал шубу и валенки.

— Да уж так вышло. Нежданный гость хуже татарина, но у меня и радость и горе и к вам поручение. —

взволнованно говорил Зарин.

— На татарина вы не похожи и вам я всегда рад. Все время сижу один, если не считать Эмилии Ив-вны. Идемте в кабинет, там у меня камин топится, хоть и тепло в комнатах, а я люблю камин. Где Эмилия Ив-вна? Скажи, что Евгений Вал-вич приехал и обедать будет, — обернулся он к горничной.

— Что вы, ведь завтра сочельник, я стесню вас.

Вот, чудак, да что у меня приготовления что ли какие, елка что ли делается? Впрочем, елка будет, это уж Эмилии Ивановны дело, елка для ребят. Да и ты иди предупреди, как я сказал, и чтобы кучер барина распрег лошадей и шел бы в людскую, — добавил Лосев горничной и увел Зарина в кабинет.

— Выкладывайте свои дела и поручения.

— Не знаю даже с чего начать... Первое: Сергей Степанович благороднейший и чудеснейший человек.

— Я это знаю давно, — улыбнулся Лосев, раскуривая сигару.

— А все-таки не знаете всего. Он третьяго дня объявил, что дарит мне 200 десятин земли, примыкающей к моей усадьбе, а сегодня сделал купчую на мое имя, чтобы не было, как дарственная, объявил у нотариуса, что продает по 20 рублей и сам внес пошлины.

— Знаю и это, он советовался со мной насчет этого подарка. Ведь вы заслужили, он говорил мне, что вы продали крестьянам 1500 десятин по 35 рублей со сведенным лесом, да еще и выработку сделали из 500 десятин этого же леса. И избавили Новикова от лишней земли и выкупили из залога всю землю..

— Так это же младенец мог бы сделать. А кроме того я проценты за все получаю. А он мне при продаже крестьянам 5000 рублей потом отсчитал.

— Новиков не младенец, а не умудрился сам это сделать, — смеялся Лосев.

— Удивлялся и я многому, когда стал все в известность приводить, но ведь земля, которую он мне подарил, по сто рублей можно было бы продать. Я ему так и сказал, а он засмеялся: "Я себе шары на выборы покупаю, поедете и мне на-право положите".

— А что за горе у вас?

— Крутиков, купец решил сломать старый дом в "Заре" и строит там контору, а парк вырубит. Прощай моя мечта. Что мне в имении, когда дом и сад пропадут? Спасибо через Ушинского я повел переговоры и купил за две тысячи рублей всю старую обстановку в доме и старую библиотеку. Только у меня дом мал, придется пока на сушила поставить.

— Но это же отлично!

— То есть, как это?

— Слушайте, Евгений Валентинович, ведь имение Крутиков наверно запустил, а лес повырубил. Что осталось? Дом да сад. Это была бы дорогая игрушка и вы бы разорились, если бы вы купили. А самое ценное по воспоминаниям будет теперь ваше.

— Это верно Павлин Модестович выторговал даже старое серебро, что осталось, и все сервизы.

— Ну, вот видите.

— Все-таки жаль старого места. Вероятно оттого, что я сжился с мыслью, что когда-нибудь снова стану владельцем "Зари".

— Вы редкий экземпляр среди русских. У нас большинство исконных дворян совершенно не дорожат своими старыми усадьбами. А вы говорите о "Заре", как немецкий барон о своем 500-летнем замке.

— И то правда, какой там у меня замок? Дед построил дом и больше ничего, — махнул рукой Зарин и добавил:

— Вы вот послушайте мою последнюю новость, вам первому ее говорю: барчук Зарин собрался жениться.

— Что?.. Вот это новость, так новость! Кто же она?

Привскочил Лосев, чувствуя, как ревнивая мысль ударила его: "Неужели он успел сделать предложение? А почему нет, немного моложе...

— Вы не станете смеяться?

— Да нет же, говорите. — Стал усиленно мешать Лосев в камине, чтобы скрыть свое лицо.

— Тогда слушайте: она еще гимназистка...

— Ха, ха, ха! — Судорожно рассмеялся Лосев.

— Так и знал! Но ведь она же совсем взрослая, ей весной будет 19 лет, — огорчился Зарин.

— Я не о том... не о том.. а просто так, как вы сказали, что она еще гимназистка, — говорил Лосев, продолжая нервно смеяться и внутренне злясь на себя за этот смех.

— Вы сказали гимназистка, а главного не сказали, кто она, а ведь это же не важно, что гимназистка.

— Конечно, это не важно, я дурак, что начал с этого. Она сестра Варвары Николаевны, Мария Николаевна, вы ее встречали?

— Конечно встречал и мне она понравилась, серьезная и очень красивая девица.

— А какая умная. Она запоздала в гимназии не по своей вине. В этом году кончает и мы решили, что свадьбу сделаем летом после Петровок. Мать и старшая сестра согласны, но только решили пока никому не говорить до окончания гимназии. В связи с этим у меня к вам поручение от Варвары Николаевны. Она на все праздники переезжает к матери в город. Сначала хотела, чтобы мать с

сестрой приехали. Но у нее постоянно околачиваются Хващинский, Толстопятов и компания, они все за ней стали ухаживать, как за богатой вдовой.

— Ей это, кажется, даже нравится, — съязвил Лосев.

— Почему вы решили, что ей это нравится? Что же ей делать?

— Очень просто: срок траура не кончился, а всем непрошенным ухаживателям поворот от ворот.

— Это легко сказать. А потом ведь и одной все время быть, одурь возьмет.

— В этом-то и дело, но мы уклонились, какое поручение у вас ко мне?

— Да, правда, я же не досказал: Варвара Николаевна хочет устроить в роде помолвки в первый день Рождества и хотела бы, чтобы вы тоже приехали к нам т.е. в город.

— Как же так, вы говорите, что объявлять не хотите, а тут устраиваете помолвку?

—Вроде помолвки, кроме вас из посторонних никого не будет. Собственно, зовем вас просто на Рождественский обед в два часа дня. Приедете?

—Спасибо, конечно приеду, хотя бы для того, чтобы поздравить вас и Марию Николаевну.

— Вы знаете, я ведь с ней объяснился еще в августе. За ней так ухаживали все городские кавалеры, что мне прямо противно было.

— Ага, понимаю, ревность заела, — улыбнулся Лосев.

— Какая там ревность, она слишком умна и смеялась над ними. Но это вырвалось у меня против воли из-за этих кавалеров. А затем мои финансы поправились и мы решили сказать родным, чтобы ей и мне было спокойнее. Хотя, признаюсь, временами мне бывает страшно. Это же большой шаг в жизни. А потом мамочка моя немного поплакала. Ей хотелось, чтобы я из своего круга выбрал жену.

— А вы что же сказали матушке?

— Сказал, что не ищу княжны или фрейлины придворной, а наши дворянские девицы ничем не лучше Марии Николаевны.

— Правильно! Надо всегда смотреть на семью, а дворянка или купчиха, не все ли равно?

Вошедшая горничная доложила, что обед подан.

— Только вы Эмилии Ивановне не говорите, — шепнул Зарин, когда они пошли в столовую.

Когда вечером Зарин уехал, Лосев, уйдя в кабинет, раздумался надо всем.

"Зачем его хочет видеть Варвара? Значит ли это, что у нее есть какое-то чувство к нему, или это желание видеть его в хвосте ухаживателей? Или она привыкла к нему, как к хорошему знакомому?" Лосев задумался над своей жизнью.

Если отбросить неудавшуюся военную службу, на которую его направил дядя-опекун, без призвания с его стороны, судьба была к нему милостива. Он живет так, как мечтал жить: в своем имении, занимаясь хозяйством и служебным делом, которое ему по душе. И судьба подарила ему деньги, свалившиеся с Монакского неба.

"А все-таки не стоит притворяться перед самим собой", — подумал он. "Если б я знал, что буду век вековать один, "без нее", я бы не поехал сюда. Поехал бы охотиться в Сибирь, на Алтай, в Семиреченскую область, в дикие места".

Он вспомнил, как разозлился на Квашнина, приезжавшего охотиться на тетеревиных токах. Вернувшись с удачной охоты, они пообедали и в кабинете, поске обеда, Квашнин, увлекшись мартелевским коньяком, расфилософствовался.

— Все это хорошо, мой Лосинька и хозяйство твое, и

теплица, не все же тебе не хватает мадам Лосенки и Лосенят.

— Ты напился и понес вздор! — рассердился Лосев.

— Что напился — это правда, твой Мартель прекрасен, но сознайся, что я говорю правду.

И Лосев чувствовал, что пьяный приятель говорит правду. Да, конечно, он всегда мечтал о жизни в имении с женой. Он реально не представлял себе ее, но был убежден, что встретит ту, которая ему назначена. А теперь встретил, полюбил, а сейчас дальше от нее, чем при первой встрече.

— Можно войти? Я хочу вас что-то спросить, — раздался голос Эмилии Ивановны.

— Пожалуйста, входите. — Очнулся из задумчивости Лосев.

Эмилия Ивановна вошла с вязаньем и спросила по-немецки:

— Это правда, что молодой Зарин собирается жениться?

— Кто вам сказал? — удивился Лосев.

— Прислуга. Его кучер, пока сидел в людской, болтал, что барин сосватался на сестре Коноваловой.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Лосев.

— Что вы смеетесь?

— Зарин мне сообщил это под большим секретом, а прислуга уже болтает. Правда, правда, Эмилия Ивановна, только не говорите никому, чтобы не от нас узнали.

— Ах, как это хорошо! — быстро перебирая спицы, вздохнула она.

— Что хорошо?

— Да то, что моподые женятся. Неужели я никогда не увижу внуков?

— Каких внуков? — удивился Лосев.

— Да что у тебя действительно, какое холодное сердце! Я говорю о твоих, твоих детях. — и мелкие слезы вдруг закапали из глаз старушки.

Лосев смутился при виде этих слез.

— Что с вами, кто-нибудь опять просил посватать мне невесту? — пошутил он, желая ее развеселить.

—Сфатать, сфатать, кто вас будет сфатать, когда ви живет одни. Вас боятся сфатать, вот что.

— Еще будет время, женюсь, вы мне лучше скажите, все ли купили для елки ребятам?

— Вы забыли, что деньги дали и что я все купила?

— Может, еще что надо?

— Нет, не надо. Все подарки и для прислуги есть. — сухо ответила Эмилия Ивановна.

— А чтобы мне не забыть, — подошел Лосев к шкафу, вытащил сверток и передал его Эмилии Ивановне со словами:

— Вот это, дорогая моя старушка, вам рождественский подарок от вашего скверного Артемия.

— Ах, Боже мой, но что же это?

Развернула она сверток, в котором оказался большой теплый оренбургский платок и меховые домашние туфли.

— Это, чтобы вы не мерзли.

— О, спасибо, но мне бил би лючше подарок, если б ви сказал: "дорогая Эмилия, я женюсь".

— Погодите, может сделаю вам этот подарок, но жениться всякий дурак может, а я помню, что "жена не рукавица, с белой ручки не стряхнешь и за пояс не заткнешь". Поняли русскую речь?

— Понял, понял, но вы ошень много думайте и останетесь такой, как я, только старий холостой, — рассмеялась она.

На другой день утром Лосев, проснувшись, увидел, что солнце уж взошло. Часы показывали девятый. Подойдя к окну, он залюбовался садом под зимним убором. Ветви берез, как гроздьями, были увешаны снегом, искрившимся и переливавшимся под солнечными лучами миллиардами искр. Ели стояли будто под блестящими, белыми шатрами в ветвях, сплошь покрытых снегом.

"Должно быть ночью шел большой снег", подумал Лосев и стал мыться. Из окна столовой он действительно увидел, что два работника разгребают во дворе дорожки от снега. Градусник показывал 16 ниже нуля по Цельсию.

— Заспался я сегодня, Эмилия Ивановна, — сказал Лосев, наливая в стакан чая густые сливки.

— Снег падал, оттого и крепко спали. Народу к вам не пришло, сегодня праздник.

После чая он пошел в канцелярию, где письмоводитель с помощником поздравили с наступающим праздником.

— А вы не сидите, идите домой помогать, — сказал Лосев, подавая каждому деньги к празднику.

— Покорнейше благодарю. А только нет хуже бабских приготовлений. Я уж лучше посижу здесь, а вот Семен хотел к тетке в отпуск на праздник поехать.

Письмоводитель и его помощник помещались во флигеле, выстроенном Лосевым для них. Семен был сирота 16 лет, у которого была тетка, жившая в своем домике в городе.

—Что же ты, Семен, раньше не сказал, как же ты поедешь?

— Эмилия Ивановна в город посылает за копчеными окороками к колбаснику, так, если позволите, я и доеду.

— Конечно, поезжай, а только подожди: я скажу, чтобы гостинцев тебе она дала, раз ты на елку у нас не попадешь.

— Дадено ему все. Он еще раньше сказал Эмилии Ивановне, — улыбнулся письмоводитель и добавил:

— Если против не имеете, пускай числа 4-го января приедет назад. Делов спешных нет.

— Это ваше дело, Иван Николаевич, когда хотите, тогда пусть и приедет.

— Покорнейше благодарю за подарки, — весело крикнул Семен, накинул полушубок и выскочил из канцелярии.

Лосев же прошел в сени, где находилась дверь в пристроенную им довольно большую теплицу-оранжерею. Когда он отворил дверь теплицы, на него пахнуло влажным теплом. Печка с проходившим по всей теплице боровом топилась. В углу, в загороженном мелкой сеткой, пространстве свистало, чирикало и порхало десятка два разных птичек, до которых Лосев был любитель. Он прошел к месту, где стояли выводившиеся из луковиц гиацинты, тюльпаны, лилии, а также несколько горшков с азалиями, осыпанными розовыми и белыми цветами.

Он стал осматривать их, когда услышал хлопанье двери. Вошел садовник Владимир Вахмистров.

Случайно Лосев нашел его в Петербурге, когда задумал строить теплицу. Ранней весной, по приезде в Петербург, он поехал в помологический сад Эйлерса, чтобы купить фруктовых деревьев для усадьбы и там вдруг один из садовников вытянулся во фронт и произнес: "Здравия желаю, Ваше Высокородие!"

Лосев узнал расторопного солдата своей роты. У него блеснула мысль его нанять, он дал адрес гостиницы

вместе с рублем и сговорился, что он зайдет утром в воскресенье.

Вахмистров явился и Лосев узнал, что он обучался в школе садоводства и огородничества, что у Эйлерса служит за 25 рублей и не прочь переменить место, т.к. недавно женился, а жить с женой у Эйлерса нельзя. Приходится нанимать комнату у Финляндского вокзала и ходить туда.

Лосев предложил те же 25 рублей, жизнь в усадьбе в отдельном доме с освещением, отоплением и месячиной на двоих в виде муки, крупы, овощей и молочных продуктов.

Вахмистров с радостью согласился, но, узнав, что это в одной из Приволжских губерний, задумался.

— Проезд туда и сюда на мой счет, не понравится, уедешь.

— Дозвольте посоветоваться с отцом и с женой.

— Конечно, но через два дня я уезжаю.

— Если дозволите, сегодня вечером я и ответ дам.

А вечером Вахмистров явился со стариком отцом, на груди которого висели медали и солдатский Георгий

Отец служил курьером в казенном учреждении.

— Вот отец мой хотел самолично с вами переговорить.

— Так точно, потому молод еще он у меня, а вы, ваше высокородие, не пеняйте на меня, а сами рассудите. Конечно, Владимиру лестно поехать к вам на ваших условиях, но рассудите: прослужит он у вас 2-3 года, а потом вы продадите усадьбу или уедете куда. А с чем он останется? У Эйлерса же худо ли, хорошо ему до старости обеспечена работа, а может и в старшие садоводы на большее жалованье выйдет.

— Так значит, отказываетесь?

— Зачем отказываемся, может это планида Владимирова, мы обеспечения только хотим.

— Какого? Пенсии я не могу платить, если уеду или умру.

— Не дай Бог, зачем умирать. А условие надо бы сделать ясно не о пенсии, а вот о чем. Скажем Владимир прослужит вам десять лет, а вы ему благоволите участок земли по купчей, хошь десять десятин, конечно не пустошь какую, а способную землю около города. Усадьба ваша далеко ли от города?

— Пять верст, — ответил Лосев, заинтересовавшись словами старика.

— Вот и хорошо, а я слышал, что земли там не дороги, вы и купите ему десять десятин. А он станет стараться заслужить.

— Это можно, — сказал Лосев, раздумывая, что слова старика правильны и, вспоминая, что под самым городом можно купить по 80-100 руб. хорошую землю.

— А чтобы вам не сумнительно сразу писать условие, вы его через год составьте. От Эйлерса сходить зря нельзя. Владимир завтра представит ему брата меньшого Николая заместо себя. тоже и он садовод. А через год Николаю время идти на призыв. К тому времени вы узнаете подойдет вам Владимир, или обратно приедет к Эйлерсу. Если подойдет, вы и сотворите условие.

— А как жена, согласна?

— С радостью, как обсказал, что в своем доме будет жить.

Так Владимир и попал к Лосеву. Оба они остались довольны друг другом и раньше года Лосев сделал нотариальную запись на условиях, о которых говорил старик Вахмистров.

Осенью же он купил у края города участок земли в 12 десятин. Это была когда-то дворянская усадьба, но

от нее остались лишь столетние липы, да несколько одичавших яблонь. Часть участка, выходившую на большую дорогу при въезде в город, он оставил себе, а остальную в 10 десятин предложил Владимиру, обещав выстроить ему небольшой дом и необходимые сараи. Владимир с радостью согласился. земля была хорошая и по участку протекал ручей. Новый садовник привел в порядок в "Родниках" старый сад и огород, а целую десятину засадил яблочными и вишневыми деревьями и ягодными кустами.

Кроме того, в теплице выращивал цветы, а в устроенных парниках — ранние овощи, избыток которых продавали в город, так что на второй год Лосев прибавил ему жалованья.

— Владимир, отнеси эти горшки с цветами Эмилии Ивановне, а две азалии — красную и белую запакуй хорошо в бумагу и рогожу, я их завтра отвезу в подарок в город.

— Слушаюсь, Артемий Лукич.

— А как здоровье жены? Придет сегодня с моим крестником на елку?

— Чего там, здорова, придет.

— Она когда ждет?

— Надо быть в конце января, акушерка вчерась говорила. Это ей показалось, поела чего и подумала, что родить собралась, — объяснил, улыбаясь, Вахмистров.

— Артемий Лукич, разрешите после праздников двух поденщиков взять. Надо начать парники обделывать, навозом набивать, а снегом все завалило, надо откапывать.

— Бери, бери, но не рано ли начинаешь?

— Хочу попробовать вывести пораньше свежей зелени. В прошлом году раньше можно было бы редиску, лук и огурцы вывести.

— Ты здесь остаешься? А я пройду к старику. — Стариком Лосев, как и все в усадьбе, звал старого приказчика Василия Петровича. Лосев в передней одел легкий полушубок на беличьем меху. Мех был куплен у Коновалова и невольно Лосеву вспомнился его последний приезд и разговор. Что хотел старик сказать? Говорил он перед смертью о нем с Варварой?

По разгребанной от снега дороге Лосев, щурясь от яркого солнца, прошел к скотному двору и поднялся на крыльцо дома приказчика. Василий Петрович был из Лосевских крепостных и всегда служил при усадьбе.

Покойная бабушка дала образование его единственному сыну и теперь он служил старшим бухгалтером в Земской Управе. Старик же продолжал служить приказчиком Лосева. Хотя бабушка при жизни подарила ему 30 десятин хорошей земли, а по завещанию оставила 3,000 рублей, Василий Петрович был верный и преданный Лосевым человек, правда, со старыми взглядами на хозяйство, но это не помешало ему самому перейти от трехполья к четырехполью и т.д. Он только не любил "здряшних" расходов.

Когда Лосев построил дом для письмоводителя и помощника, Петрович кряхтел, но это были "писаря", к которым он питал уважение. Когда же Лосев стал строить дом для садовника, да еще около огорода, где задумал посадить новый фруктовый сад, старик возмутился:

— Дозвольте доложить, еще садовника нет, а вы строить дом начали. Какой-такой огородник приедет? Ведь это раззор для усадьбы. Пятистенок приказали рубить, да еще на фундаменте. Что у нас людской избы нет?

— Да ведь лес свой, а за работу с фундаментом я только полторы тысячи израсходую, — смеясь сказал Лосев.

— Надо полторы тысячи, да что он ученый какой будет? За 15 рублей, вон, я представлю вам настоящего барского садовника.

— Это — запойного Мишку?

— А что за грех, коли выпьет человек? По крайности, расходу нет. В людской бы жил отлично. А тут еще и место особое выбрали, новую усадьбу строите.

Первые месяцы он волком смотрел на Вахмистрова. Но, когда запущенные яблони и ягодные кусты дали хороший урожай и огород приведен в порядок, старик смягчился. Когда же овощи, яблоки и ягоды стали отвозить на продажу в город, Петрович проникся уважением к нему, в особенности, когда Владимир, знакомый с пчеловодством, привел в порядок небольшой пчельник Петровича, заменив старые колоды настоящими ульями.

Из окна дома старик увидел Лосева и открыл дверь.

— Здорово, Петрович, как Бог грехам терпит?

— Да ништо, старуха к празднику с уборкой досадила, — заулыбался он.

— Ему бы, старому, и в праздник в грязи сидеть, все ворчит, к чему, да зачем, — затараторила востроносая старушка, его жена. — А завтра беспременно сын с внуками да с невесткой из города приедут в гости, так ведь не чужие-то.

— Вот что, Петрович, как всегда, сегодня вечером приходите ко мне на елку.

— Знаем, знаем!

— Да предупреди Матрену-птичницу, чтобы всех своих ребят привела, чтобы не посылали за ней, как в прошлом году.

— Внове то было ей, стеснялась она.

Птичник был построен новый и птичницей была взята вдова с четырьмя детьми.

— Это тебе к празднику не в зачет, затем досвиданья, — сунул Лосев 50 рублей Петровичу.

— Много жалуете, не стоим мы ваших забот и хлопот. Эк, расход-то у вас большой, дай Бог вам хорошую да богатую невесту, а то все один да один и куды все строите, да заводите, — высунулась старушка.

— Дай срок, тетенька Авдотья, женюсь.

— Эмилия Ивановна плакалась даве на вас за это.

— Вот вы обе и выплакайте мне невесту, — рассмеялся Лосев и ушел.

Дома Эмилия Ивановна с горничной украшала большую елку в зале. На столе лежала груда мешочков из разноцветного ситца, набитые сластями и орехами, они предназначались детям.

Другой стол был завален пакетами, на которых были прикреплены бумажки с именами, кому предназначались. Это были подарки для взрослых и для детей усадебных служащих.

— Что, Эмилия Ивановна, все в порядке? Только стол с этими подарками вы напрасно здесь поставили. Детвора из школы может все перепутать. Даша, помоги мне перетащить стол в другую комнату. А где же книжки для детей?

— Книжки здесь связанные лежат, вы же сами говорили, что их лучше учительница распределит.

— Я только спрашиваю. — Лосев был попечителем школы села Рождественского в двух верстах от усадьбы и в приходе которого числились "Родники".

Эмилия Ивановна упросила его, когда первый раз он хотел устроить елку в школе, чтобы елку устраивали в Сочельник в усадьбе. Она любила детей, а еще больше устройство елки и раздачу подарков. И веселилась от души, видя радость детворы при получении мешочков с лакомствами и подарками.

Она же ввела, чтобы и усадебным служащим подарки выдавались на елку и ,по окончании елки, когда дети уходили, в столовой устраивался ужин, на который приглашались усадебные служащие, включая кухарку, двух горничных и кучера Арсентия. Из посторонних бывала только старая школьная учительница, подружившаяся с Эмилией Ивановной. Лосев не знал, был ли в обычае в Германии общий Рождественский ужин со служащими и не мог бы сказать, как это случилось в первый год. Но ему это понравилось и он теперь сам напоминал об ужине.

Так же прошел и этот Сочельник.

Человек тридцать детей пришли с учительницей, веселились во всю и затем с подарками побежали обратно домой до села в сопровождении двух усадебных рабочих, следивших, чтобы дорогой чего не случилось с детьми.

Оставшиеся же взрослые прошли в столовую. Но несмотря на то, что за ужином засиделись долго, утром Лосев нашел столовую прибранкой для приема причта. Как нарочно, батюшка с причтом опоздал в этот день и для Лосева время тянулось долго. Но еще дольше потянулось, когда причт уехал. Он не выдержал и приказал подавать лошадей, хотя было всего половина первого. Из небольшого запаса вин в погребе он вынул и запаковал две бутылки шампанского, которое и положил в сани рядом с увязанными в рогожу и бумагу азалиями.

— Когда вернетесь? — спросила Эмилия Ивановна.

—Не знаю, может вечером, а может заночую в городе, — ответил Лосев, одевая городское пальто на норковом меху. В городе он приказал Арсентию заехать к приказчику Коновалова, Силуяну Михеевичу. Коновалов говорил, чтобы он в городе останавливался у него. Лосев этим не пользовался, останавливаясь в гостинице, но лошадей с кучером всегда оставлял у Михеича.

— С праздником, Силуян Михеич! — сказал Лосев. когда на его стук дверь открыл сам старик.

— Артемий Лукич, давненько вас не видел, пожалуйте в горницы на-верх, сейчас я прикажу работнику лошадей впустить.

— Нет, постойте, я приглашен в гости.

— Известно это мне, Варвара Николаевна вечор еще приехала к маменьке и наказывала, что вы приедете седни на обед, так ведь тут близко.

— Да, но я на лошадях должен подъехать к ним.

— Это, как угодно, а только Варвара Николаевна по тайности приехала к матушке, чтобы в городе не знали, да не пришли бы незваные. А как вы подъедете на лошадях, наши городские сразу учуют.

— Как же быть? У меня цветы с собой. Вы знаете может в чем дело?

— На? Как не знать, Марья Николаевна посватались.

— Ну вот им я и привез два горшка с цветами.

— Будьте покойны, работник отнесет в целости, а вы апосля и сами придете.

— Пожалуй, это хорошо.

— Чего лучше. Арсен, а ты заезжай во двор.

Работник унес азалии, бутылки с шампанским Лосев сам решил взять. Наверху его встретила жена Михеича и оба засуетились с угощением.

— Ничего не хочу, ведь на обед иду. Расскажите лучше, как поживаете?

— Да что, батюшка, живем — небо коптим, вспоминаю старого хозяина, да поджидаю нового. Мне что? — сдам все, да уйду. А только обидно очень.

— Что обидно?

— Обхаживают Варвару Николаевну, какому хахалю все богатство достанется. Слышно, этот помощник исправника, поляк-то...

— Какой же он поляк?

— А вы не смотрите, что окрестился в православие, поляк он и есть. Да и другие, прости Господи. "Липовый мед". Бунин-то есть сынок довольно известного у нас жулика. Опять же Толстопятов, да из прогоревших господ, Завихляев. Все они только и метят, как бы протереть глазки денежкам покойного хозяина.

— Зачем же Варвара Николаевна их принимает?

— А как не принимать? И сама — дело молодое, не век же во вдовах куковать. Покойник-то старенек был. Незадолго до кончины разговаривал со мной, просил не оставить Варвару Николаевну советом, покуда замуж не выйдет.

— Так и он думал, что она выйдет замуж?

— Слава Богу, Филипп Андреич был человек с головой, такого поискать надо. Понимал, что Бог дите не дал, так с чего же ей одной сидеть? Деньги что ли караулить, али в монастырь идти? Только и печаловался, чтобы попался ей муж, как следовает, а тут что? Прости Господи, как кобели бегают, вздохнуть не дают. На-ко, по тайности приехала сюда. Еще смеется: "Пусть, мол, завтра раскатятся с поздравлениями за 12 верст киселя похлебать." — засмеялся старик.

— Без четверти два, засиделся я, к двум просили.

Посмотрел Лосев на часы.

— С Богом, а вечером переночуйте у нас, постель при готовим.

— Спасибо, но я думаю, что и до усадьбы доеду.

— Как знаете, а только завсегда рады вам.

Едва Лосев ступил на крыльцо опрятного дома, выстроенного Коноваловым для тещи, как Зарин распахнул дверь.

— Артемий Лукич, а мы ждем вас: азалии прислали, а сами запоздали.

— Сразу жениха видно, даже в рифму заговорил, — со смехом сказал Лосев и, передавая бутылки, добавил:

— А это, чтобы в нужный момент поздравить вас шипучкой.

— Да зачем же...?

— Что такое? Здравствуйте, Артемий Лукич, наконец -то я вас увидела, вы, кажется, и забыли о моем существовании, — раздался голос. В дверях стояла Варвара.

— Где же забыл? Как только позвали, так и приехал.

— Ах так, так вас надо всегда звать, а когда позовешь, то вы являетесь с подарками: прислали чудные цветы, а сейчас опять что-то притащили. Из-за чего спорит Евгений Валентинович?

Зарин, молча, показал бутылки.

— Что же это такое? Я вас просила через Евгения Валентиновича на семейный обед, а вы являетесь с шампанским.

— Но, позвольте, Евгений Валентинович мне все объяснил и я позволил себе захватить эти бутылки, чтобы поздравить моего друга так как в нашем городке трудно найти шампанское.

— На этот раз прощаю, но если я вас позову на обед, то приезжайте без подношений. А вот и наша "виновница торжества", — указала она на вошедшую сестру.

— Почему же я одна "виновница торжества", а он кто? — указала Мария Николаевна на Зарина.

— Скажем: сразу два, — засмеялся Лосев, здороваясь с ней.

В маленькой гостинной, куда его провели, сидели две старушки: дьяконица Дарья Васильевна и мать Зарина Людмила Михайловна, чинно беседуя с Павлином Модестовичем.

Присутствием Ушинского Лосев был удивлен, но Зарин, угадывая, объяснил: — А вы, поди, и не знаете. что Павлин Модестович мой крестный отец?

— Да-с, в пеленках, можно сказать, держал сего молодца, а теперь дожил до сговора. Что же, молодое растет, а старое старится. Кое-кому об этом следовало бы почаще вспоминать, — рассмеялся Ушинский.

— Я думаю, мама, что теперь можно и за стол.

— А как же, как же, все готово. Гости дорогие, пожалуйте хлеба-соли откушать, что Бог послал, — забыв свою чинность, вскочила и засуетилась дьяконица.

В столовой, выходившей окнами в сад, был накрыт круглый обеденный стол.

— Ты, мамочка, занимай свое место, иначе гости никогда не сядут, — сказала Варвара и, когда дьяконица села в свое кресло, она указала стул Лосеву со словами:

— Вы по правую руку мамочки, а Евгений Вал-вич по левую, рядом с ним сядет Маша, а затем прошу Людмилу Михайловну, а рядом посадим Павлина Модестовича, а с другой стороны его я сама. Вы ничего не будете иметь против такой соседки, как я? — спросила она Лосева.

— Вы смеетесь, я очень рад... — Но Варвара перебила его.

— Евгений Валентинович, вы свой человек, возьмите на себя обязанности угощать.

— Аннушка, неси пирог!! — крикнула она.

Из дверей кухни вышла пожилая прислуга с большим блюдом пирога и стала по указанию Варвары обносить гостей.

Мужчины выпили водки, дамы домашней наливки.

— Это не пирог, а объедение, — сказал Ушинский. — Наверно Дарья Васильевна сама делала.

— Сама, батюшка, сама, кушайте на здоровье. Артемий Лукич, еще кусочек... А вот я ему налью травничку твоего, а то Евгений Валентинович так занят Машей, что забывает свои обязанности.

Правильно изволили заметить, Варвара Николаевна, я сам собирался выпить за здоровье двух будущих бабушек, — засмеялся Ушинский.

— Словно бы и рано такие тосты пить, — сухо отрезала Людмила Михайловна.

— Что за рано? Время быстро бежит, не успею оглянуться, как в крестные дедушки попаду.

Мария Николаевна густо покраснела.

— Аннушка, суп подавай! громко крикнула Варвара.

За супом последовала индюшка.

— Артемий Лукич, а когда надо откупоривать ваш напиток, я не специалист? — вполголоса спросил Зарин Лосева, подойдя к нему.

— Что вы гостя беспокоите? — засмеялась Варвара.

— Да помилуйте, я даже в жизни никогда не откупоривал шампанского.

— Я прежде пойду приготовлю бокалы, у мамы были заветные старые бокалы.

— Что, Вареонька, хочешь? Бокалы в горке, да ведь вина нет.

— Есть, мамочка, один господин знал, что у тебя нет и привез. Идемте, помогите мне, — шепнула она Лосеву.

Зарин вернулся на свое место, а Лосев вышел за Варварой в гостинную, где она из горки стала доставать старинные неуклюжие бокалы с золотым ободком.

— Держите! — Передала она ему поднос. Лосев никогда не оставался с ней вдвоем, никогда не был так близко от нее и, чувствуя легкий запах духов и прикосновение ее рук, взволнованно сказал:

— Варвара Николаевна, я хотел бы спросить вас.

— О чем, Артемий Лукич?

— Почему вы разрешаете к вам всем приезжать?

—Вот тебе раз! — рассмеялась она, — как же мне прикажете жить?

— Вы отлично знаете, что я не могу вам приказывать.

— Но почему же вы сами никогда не приезжаете? Вы знаете, про вас говорят, что вы "одинец".

— Ах, знаю! Зарин передавал, что меня прозвали "лось-одинец".

— И собираетесь, кажется, оправдать это прозвище. Идемте за шампанским. Евгений Валентинович так и оставил его в передней. Нашли?

— Здесь, — угрюмо ответил Лосев.

— Ну, дорогой мой, не делайте такого печального лица, — шопотом в дверях сказала она.

— Я не делаю, — также шепотом ответил Лосев, сорвал проволоку с пробки и надавил ее. Раздался выстрел и пенящееся шампанское наполнило бокалы, поставленные на подносе Варварой.

— Вот теперь вы совсем милый, — шепнула она под общий гул разговора.

— Господа! Позвольте мне, как старшему годами из мужчин и как крестному, сказать слово. — Поднял бокал Ушинский.

— Я поздравляю уважаемых Людмилу Михайловну и Дарью Васильевну с "начатым делом", как у нас говорят. А дорогого крестника и прелестную Марию Николаевну с началом вступления в новую жизнь. Дай Бог, чтобы их согласие привело к желанному концу и чтобы они мирно и счастливо жили много лет. Предупреждаю: "горько" кричать сегодня не полагается.

— И выдумаете же, Павлин Модестович, какое можно кричать "горько" на простом обеде? — Надулась Мария Николаевна.

— Я же и предупреждал, чтобы не кричали.

— Никто и не собирался.

— А я без предупреждения Павлина Модестовича чуть не закричал, — засмеялся Лосев.

— Прежде мы закричим на вашей свадьбе, — бойко ответила она.

— Маша, в уме ли ты? — Строго покачала головой дьяконица.

— Не нападайте на дочку, но если она так хочет кричать "горько" на моей свадьбе, пусть найдет мне невесту.

— А вот и найду! — Сверкнула глазами Мария Николаевна.

— Браво! Давайте все искать, не век же ему одинцом сидеть, — закричал подвыпивший Ушинский.

Было шумно и весело и даже Людмила Михайловна, после второго бокала повеселела и забыла свою чопорность.

В шесть часов вечера Лосев стал прощаться.

— Куда же вы? Посидите с нами еще, — говорила Варвара.

—Надо и вам всем отдохнуть, да и мне пора домой ехать.

— Вы же можете ночевать у Михеича.

— Спасибо большое, но зачем его стеснять, когда лошади есть.

— Тогда заезжайте к нам сюда, я пробуду все праздники здесь.

Лосев поблагодарил за приглашение и вышел на улицу. Морозило. Звезды ярко горели на темном небе и мороз постукивал то там то тут в деревянных заборах и домах.

Прохожих не было, но окна многих домов были ярко освещены. Видно обыватели справляли праздники.

— Как погуляли? Ночуете у нас? — Встретил Михеич Лосева.

— Нет, надо домой ехать. Где мой Арсен?

— В куфне с рабочими ужинает, а вы испейте хошь чайку, да расскажите, как и что было.

От чая Лосев не отказался и лишь в девятом часу уехал домой. А через два дня, в воскресенье он воспользовался приглашением Варвары и поехал опять в город.

Опять оставил лошадей у Михеича и прошел пешком до дома дьяконицы. Было около часу дня и он думал застать их дома одних. На его звонок дверь открыла Аннушка и только он хотел спросить, дома ли, как из гостинной раздался взрыв хохота мужских голосов, а в дверях появилась Варвара.

— У вас гости? — огорченно спросил Лосев.

— Да, меня нашли, здравствуйте и проходите.

Внутренне ругаясь и злясь, Лосев прошел за ней в гостинную.

— А!! Его высокородие, господин земский начальник, — развязно крикнул Хвацинский.

— А вам, ваше благородие, господин помощник исправника, что угодно?

— Мане-с? Ничего-с, я так только пошутил.

— Поберегите шутки для своих приятелей, так как я не привык их переносить от малознакомых, — холодно отрезал Лосев, здороваясь с Марией Николаевной, Буниным и Толстопятовым.

— Но ведь я же ничего не сказал такого оскорбительного, — смешался Хващинский.

— Не советую вам это пробовать, но вообще ни к селу, ни к городу встречать оффициальным наименованием и я считаю это плохим тоном, на этом и кончим.

В гостиной сразу воцарился холодок.

— Как здоровье Дарьи Васильевны? — Спросил Лосев у Варвары.

— Мама была у обедни и прилегла, так как устала.

Бунин с Толстопятовым о чем-то перехихикивались в уголку, пока Лосев обменивался незначительными фразами с Варварой. Как вдруг Бунин встал со стула и, подойдя к Лосеву со слащавой улыбкой, спросил елейным голосом:

— А я, Артемий Лукич, давно не видел вас. Как поживаете, как идет охота, не собираетесь ли охотиться на лосей?

— Благодарю вас, Иван Алекс-вич, живу понемногу, а на лосей не собираюсь, вам же должно быть известно, как местному жителю, что на лосей можно охотиться только до 1-го января и собираться сейчас охотиться все равно, как собираться сейчас вырезать из ульев липовый мед.

— Ха-ха-ха! — Закатился Толстопятов смехом. Бунин покраснел до корней волос и с глупой слащавой улыбкой стал бормотать о незнании охотничьих правил.

— Вы разве не знаете, Артемий Лукич, что при Иване Алексеевиче нельзя произносить слова "липовый мед"? — со смехом сказал Хващинский.

— Почем мне знать? — сухо ответил Лосев, подавляя улыбку, так как отлично знал и лишь парировал попытку Бунина сострить на свой счет.

— Ивана Алексеевича в городе почему-то прозвали "липовый мед", — улыбаясь пояснила Варвара.

— Должен сказать, что остроумия в этом не вижу, и меда не люблю, — заявил Бунин.

— Да ты же сам липовый мед, сахар медович ты этакий! — кричал со смехом Толстопятов. Лосев встал и стал прощаться.

— Останьтесь чай пить. — попросила Варвара.

— К сожалению, не могу, я пришел лишь засвидетельствовать свое почтение и собирался ехать к Новикову.

Когда он вышел на крыльцо и за ним закрылась дверь, он услышал взрывы мужского хохота.

— Черт меня дернул зайти, следовало ожидать, что эта компания здесь, — со злостью подумал он и пошел к Михеичу.

— Что скоро вернулись? — Удивился старик.

— Без меня там много народа.

— Так неужто хахали пронюхали? Ну и дела! Как бы моя власть, показал бы я им: вот вам Бог, а вот порог!

— Варвара Николаевна иначе думает.

— Никогда не поверю, чтобы ей по мысли были эти господа.

— Верьте — не верьте, от этого ничего не изменится. До свиданья, Силуян Михеевич!

— Да вы куда же так скоро?

— К Новиковым, поздравить с праздниками.

Усадьба "Верхотурье" находилась в трех верстах от города с противоположной стороны от "Родников". Расположенная на берегу судоходной реки, усадьба была

старинная, красивая и когда-то самая богатая. Каменный дом с колоннами был очень красив. С дороги к подъезду вела аллея из столетних берез. На повороте с дороги стояла каменная часовня, в которой хоронили владельцев усадьбы. Справа от дома находились усадебные постройки, частью запущенные и представлявшие целый поселок. В версте от усадьбы, на берегу же было довольно большое село, по тем местам дворов в 80 того же имени, что усадьба.

Лосева встретил старый лакей и с фамильярностью старых слуг, сняв пальто, сказал:

— Пожалуйте, господа кушают.

— Батюшки! Пропавшая грамота! Как раз вовремя, только-что сели за стол, — радостно воскликнул Новиков.

— Совсем забыли нас. Спасибо Евгеию Валентиновичу, разуверил нас, что вы здоровы. Глаша, живо неси барину прибор! — весело говорила Мария Александровна. За столом, кроме хозяев, сидел Зарин и бедная дворянка Закина, старая девица жившая в качестве компаньонки и домашней экономки у Марии Александровны.

— Артемий Лукич, а какую штуку удрал наш тихоня, Евгений Валентинович, София Павловна вчера была в городе, привезла кучу новостей и что у старой дьяконицы был сговор, и что наш тихоня — жених. Каково? А нам ни гу-гу! Живет, работает и ни слова. Позвали на допрос. Тогда и сознался, что в тайне держит. Но какая же тайна, когда все знают, кроме нас?

— Сергей Степанович, но я не думал, что в городе все так скоро узнают. А вам стеснялся говорить о личных делах...

— Слышите? Он стеснялся говорить с нами о личных делах. Так значит мы для вас совсем чужие, хозяева и только! — накинулась на него Новикова.

— Конечно, нет, а если хотите знать правду, то мне казалось, что вы сочтете себя обязанными сделать подарок...

— А почему же вы сказали Артемию Лукичу?

— Он и сделал подарок. Замечательный: азалии привез.

— Вот досадно, что у нас нет теплицы, не то бы я завалил его в наказание цветами.

— А вы еще и шампанское привезли, — рассмеялся Зарин.

— Как, он и шампанское привез? Совсем убил, у меня и шампанского нет. Машенька, прикажи дать бутылку старого Токая, надо хоть Токайским поздравить.

После обеда Зарин пошел на скотный двор, а Новиков позвал Лосева сыграть партию на биллиарде.

Биллиардная была большая комната с хорошим биллиардом и с мягкими диванами у стен, на которых висели старые гравюры.

Поставили пирамидку и начали играть. Между ударами кия Новиков заговорил:

— Я вообще сто раз, кажется, вас благодарил за рекомендацию Зарина... Дуплет в угол... Но знаете, я только теперь почувствовал покой... Направо в угол... Нет ни векселей, ни срочных платежей, ни забот откуда достать деньги... В середину... Даже не верится, что у меня в банке лежит больше двух десятков тысяч рублей... Ах шельмец, сорвался... И все меня обкрадывали, даже скотница. Черт знает что такое! А у него все новые фокусы. Взялся молоко поставлять в больницу, стал проверять удои, которая корова выгодна или нет. Половину из 30 дойных забраковал... Ваша взяла. Давайте посидим, закурим!

Новиков отложил кий и позвонил. Пришел парень лет 18-ти в серой куртке.

—Убери, Андрей, биллиард, да вели Глаше принести чаю с лимоном и коньяку.

Когда парень вышел, Лосев со смехем спросил:

— А Зарин не сократил у вас прислуги?

— Что греха таит, сократил. Андрея я оставил по просьбе моего старика Якова, он его сын. Летом работает у садовника, а зимой помогает отцу.

— А помните, как я воевал с ним из-за конского завода? Ведь хлопотал-то я ради моего старого наездника, известившего меня о полячишке, В утешение мне Зарин сказал, что новую породу разведет для мужиков.

— Да. да знаю. Он вам выписал шведского производителя и двух киргизов, — ответил Лосев, много раз слышавший эту историю о конском заводе.

— Погодите, я вам не говорил, а ведь летом отбоя не было от мужиков на "Викинга" и на киргизов. Цену назначили большую, чем на земском пункте, а они все сюда своих кобыл приводят. А сейчас у меня от своих трех вяток чудные жеребята.

Горничная внесла чай с коньяком.

— Знаете что? Не сердитесь, но временами я думаю, а вдруг Зарин что-нибудь да и выкинет, очень уж он хорош.

— Не думаю, Зарин наш дворянин в хорошем смысле слова. Вы дали ему какую-либо доверенность?

— Сохрани Бог! Никому теперь не дам. Да и зачем, если я здесь живу?

— Ну и спите спокойно. За крупным делом к вам придут, а на мелочи он не разменяется, я в этом уверен.

— Мы с Машей решили: пусть он привезет свою отцовскую обстановку в дом управляющего, весной я его отремонтирую, и пусть с матерью живет в нем. Дом боль-

шой — семь комнат, а хутор их в двух верстах. Не станет же мать одна жить.

— Вы что сидите, не играете, секреты какие-нибудь? — спросила вошедшая Новикова.

— Какие секреты, Машенька, перебираем разное, я думал ты прилегла после обеда.

— И не собиралась. О чем же вы разговаривали?

— Да не о чем особенном, Мария Алексеевна.

— Так ли? Тоже секреты делаете, как Евгений Валентинович.

— Какие секреты, Машенька? Он мне ничего не говорил, — удивился Новиков.

— Мария Алексеевна шутит, а я, вот, не шутя, предлагаю вам после Крещения приехать ко мне: лесник берлогу обложил. Говорит мне, что по следам огромный медведь залег. Я уже Квашнину написал, жду ответа: приедет или нет.

— Стар я стал. В прошлом году так простудился на охоте, что решил больше не ездить. Довольно 12 штук убил, а 13-ый плохое число. Не поеду. Вот Евгения Валентиновича пригласите. Он все мечтает о медвежьей охоте.

— Что же, с удовольствием я дам знать, когда Квашнин приедет.

Между тем, Варвара, когда, наконец, нежданные гости ушли, обещав теперь не отпустить ее из города и устроить встречу Нового Года в общественном собрании, ушла в комнату брата, в которой она помещалась.

Ей хотелось быть одной. Она не предполагала, что Лосев столкнется с ее ухаживателями и его внезапный приход, а также резкость навели ее на мысль: неужели он ревнует? А если ревнует, значит любит. Но тогда, почему же он избегает ее все время, почему никогда не заедет к ней в Мизгирево? Она не могла этого понять. И теперь она лежала на кровати, стараясь понять его по-

ведение. Вдруг ее осенило: да ведь он бывший гвардейский офицер, старинной дворянской фамилии, а она кто? Дочь дьякона и вдова купца 3-ей гильдии, вышедшего из крестьян. Если он даже и любит, то не настолько, чтобы это забыть. Да, совершенно ясно.

"И как я, глупая, не могла этого понять до сих пор? Как я не видела этой пропасти, нас разделяющей? Разве он может на мне жениться? Поехать со мной в Петербург к родным и знакомым." Она вспомнила, как где-то давно видела визитные карточки дамы, где стояла ее фамилия по мужу, а внизу было: "рожденная" — ее девичья фамилия.

"А я закажу карточки: Варвара Николаевна Лосева, рожденная Предтеченская, вдова купца Коновалова." Истерично прошептала она и разразилась слезами.

Чуткое ухо матери уловило заглушенный плач. Дарья Васильевна всполошилась и пришла.

— Варенька, что с тобой? Не больна ли ты? — С тревогой подошла она.

— Оставь, мама, я здорова.

— Но почему же плачешь?

— Тяжело мне, оставь!

— Господи, да что за тяжести? Не сгрубил ли кто из гостей?

— Ах, оставь, не все ли мне равно, надоели они мне все.

— Марьюшка сказывала, что барин Лосев скоро ушел, словно обиделся, может из-за него?

Варвара только уткнулась крепче в подушки.

"Ах, грех, видно, что так!" Подумала дьяконица и стала гладить голову дочки, как маленькой, тихонько приговаривая шепотом:

— А ты не плачь, все образуется, устроится.

— Да что устроится-то, маменька, неужто не понимаешь, что он барин настоящий, а я вдова купца? Надоело мне все и все, завтра соберусь и уеду в монастырь.

— Христос с тобой! Да как же так взять и в монастырь уйти, а мать старую бросить? — заплакала в свою очередь дьяконица.

— Этого еще не хватало! Теперь и ты плакать будешь из-за того, что я в монасырь уеду?

— Да как же так, при богатстве и при всем... легко ли мне слышать, что ты в монахини собралась.

— Ха-ха-ха!! — рассмеялась Варвара.

— Да я же говорю, что уеду в монастырь, а не пойду в монашки. Надоели мне все эти, что шляются, вот и уеду на праздники в монастырь. Если Маша захочет, пусть со мной поедет, ей это будет полезно. Вернемся, когда у ней занятия начнутся.

— Фу, ты, шальная, только всю перебудоражила, индо внутри у меня все затряслось и оборвалось! — сердито воскликнула старушка.

Решили позвать Михеича, который одобрил поездку в монастырь и сейчас же послал работника в "Мизгирево" с приказом, чтобы приехал кучер на паре лошадей в дорожной кибитке.

В семь часов вечера из Верхотурья появился Зарин, сообщивший, что там весь день был Лосев. Его огорошили вестью, что обе сестры уезжают рано утром на все праздники.

— Как же так, а встреча Нового Года?

— Когда женитесь, так много лет будете встречать вместе Новый Год, — ответила Варвара.

— То другое дело, а это другое.

— Как хочешь, Маша. Можешь остаться.

— Ничего подобного! Я хочу свой последний свободный Новый Год встретить в монастыре.

— Если вы считаете, что следующие года ваши будут рабством, то вы можете остаться свободной, — с огорченьем сказал Зарин.

Варвара стала его высмеивать и все кончилось общим хохотом. Варвара распорядилась, чтобы мать не выходила к гостям, сказываясь больной, Аннушка же получила приказ говорить, что уехали неизвестно куда.

Новый год, как обычно, Лосев встречал вдвоем с Эмилией Ивановной. В общественном собрании был подписной лист в пользу детского приюта вместо новогодних визитов. Лосев подписывал всегда 50 рублей и считал себя свободным от визитов. Первый год у него все-таки были визитеры, но он не ответил на визиты, говоря, что подписался. Публика приучилась к этому, считая его оригиналом, т. к. все подписывались, но визиты все-таки делали.

Лосев в первый день после чая сидел в кабинете, разбирая полученные посылки из цветочных магазинов. Он был в хорошем настроении, вчера неожиданно посланный за почтой Арсен, привез записку от Михеича, который, поздравляя, сообщил, что Варвара Николаевна велела поздравить его, а сама уехала на праздники в Благовещенский монастырь. Лосев не знал, поручала ли Варвара поздравить его или нет, но мысль, что она не встречала Новый Год в компании ухаживателей, привела его в хорошее настроение. Он так увлекся разборкой луковиц, присланных из Голландии, что не замечал ничего, когда вбежавшая горничная сказала:

— Барин, гости приехали.

— С Новым Годом, с новым счастьем, Артемий Лукич, мы вдвоем с Константином Станиславовичем решили вас навестить. — Поднялся ему навстречу с кресла исправник Гвоздиков, за которым маячила фигура Хващинского с туго нафабренными усами.

— Да-с, приехали поздравить вас и засвидетельствовать глубочайшее почтение, — щелкнул каблуками, здороваясь, Хващинский.

— Прошу, господа, в столовую выпить и закусить!

— От сего и от другого не отказываюсь, как говаривал один протодиакон, — сострил и загрохотал своей остроте Хващинский.

— А вы в одиночестве? Гостей нет? — спросил Гвоздиков, проходя в столовую.

— Кому у меня быть? — удивился Лосев.

— Я полагал, из Петербурга, может, гость приехал, вы как-то говорили.

— Ах, да. Квашнин на медведя должен приехать через неделю.

— На медведя? Я страстный любитель охоты. С десяток, а то и больше ухлопал медведей на свем веку, — стал врать Хващинский, явно желая быть приглашенным на охоту.

Лосев сделал вид, что не понял и стал угощать.

— Прошу, здесь свежая икра, а вот чудесный балик, вам зубровки?

— Обожаю зубровку. Я ведь родом из тех мест, — подхватил Хващинский.

— А я уж налью себе очищенной вдовы, — вздохнул Гвоздиков, по рассеянности, наливая водку в винный стаканчик.

—Да что вы, Василий Васильевич, делаете?

— Ах, батюшки, ошибся, — сконфузился исправник.

— Ничего, тогда и мы с Константином Станиславовичем из винных выпьем.

— Эх, куда ни шло, под хорошую закуску. Будьте здоровы. — Хлопнул сразу стаканчик Хващинский и стал жадно закусывать.

Вошла Эмилия Ивановна.

— С новым Годом, Эмилия Ивановна, — стал расшаркиваться Гвоздиков.

— Эмилия Ивановна, у вас есть там что-нибудь из горячей закуски?

— Пирожки готовы, форшмак тоже.

— Прикажите принести.

— А знаете Артемий Лукич, у нас в городе пропажа случилась, — говорл через четверть часа захмелевший исправник.

— Не слыхал.

— Да-с, живете отшельником, к нам в город только по делам ездите. Варвара Николаевна с сестрой исчезла.

— Что вы говорите? — деланно удивился Лосев.

— Представьте себе, совершенная правда, мы все головы ломали: куда могла уехать? — заговорил Хващинский.

— Два дня назад я ездил в Мизгирево, там никто ничего не знает, кроме Авдотьи в доме никого. Приказчик в городе, как черт, твердит: "уехали, а куда, не знаю". Ломали головы, так и не решили, куда уехала, — подтвердил исправник.

— Не знаю и я, вот, рекомендую портвейн хороший, — смеялся внутренне Лосев, поняв причину их приезда и вопроса о гостях.

Через полчаса Гвоздиков объявил, что после такого завтрака остается ехать домой спать.

Лосев, как любезный хозяин, предложил отдохнуть, но исправник, нетвердыми шагами пройдя в гостинную, рассыпался в благодарностях, заплетающимся языком сказал:

— На два слова, Артемий Лукич.

— В чем дело, Василий Васильевич?

— За что вы нападаете на Константина Станиславовича?

— Я?

— Да, он мне сказывал, что вы как-то неприветливо его оборвали, он в отчаянии...

— Ах, это когда я зашел с визитом к диаконице? Но я лишь ответил ему, но это же была шутка.

—Да и я пошутил.

— Так значит мир и вы ничего не имеете против него?

— Ведь вы же видите.

— Константин Станиславович!

—Что, прикажите? — Подскочил Хващинский, стоявший немного в отдалении.

— Артемий Лукич говорит, что не сердит на вас.

— Я приношу мое глубочайшее извинение.

— Совершенно напрасно: вы пошутили и я тоже.

– Одним словом: мир и все такое! — возгласил Гвоздиков, горячо пожав руку Лосева, прошел с Хващинским в переднюю.

Вечером заехал Зарин и подтвердил, что в городе ходит слух, что Коновалова с сестрой уехали в гости к Лосеву.

— Чего не выдумают люди, да на каком основании? — смеялся Лосев.

— А знаете, что еще болтают? Когда кончится траур, вы женитесь на Варваре Николаевне.

— Я даже почти не бываю у нее.

— Это же сплетни. А по чистой совести, вы бы женились на ней?

— То есть, как это? — насторожился Лосев.

— Я говорю просто теоретически, вам бы не помешали предрассудки?

— Что она вдова купца, вы это хотите сказать?

— Да, это.

— Эх, Евгений Валентинович, сколько раз я с вами говорил и до сих пор вы меня плохо знаете. У меня нет таких предрассудков. Если госпожа х была из семьи алкоголиков с порочными наклонностями, дело другое. Конечно, лучше жениться на женщине своего круга, чтобы были общие понятия и взгляды, но если женщина умная и развитая, то этим можно пренебречь. Все это я говорю теоретически, отвечая на ваш вопрос. Поняли?

— Конечно, понял.

— Так что же вы задаете опять эти вопросы?

— Ведь сплетничают в городе.

— Меньше слушайте уездные сплетни. Как поживают в "Верхотурье"?

Ждут вас завтра на обед и взяли слово, что я привезу маму.

— Ну вот и отлично.

Квашнин приехал на охоту через два дня после Крещения. С собой он привез в подарок ящик разных вин и коньяка и, сидя вечером за ужином, говорил:

— Слушай, Тема, ты уверяешь, что медведь верный и здоровенный, но я хочу просить тебя сделать мне большое одолжение.

— Какое? Исполню все, в особенности после такого подарка. Я думаю, бесстыжий ты этакий, что ты нарочно в виде взятки привез мне столько вина и коньяку.

— Я и без того привез бы, а тут ты мне написал об охоте до Рождества, а бабушка за хорошее мое поведение мне к Празднику порядочно денег прислала. Я сразу и купил.

— Ладно, какое же одолжение?

— Кой шут, я охочусь, охочусь и всего умудрился одного лишь пестуна пристрелить за все годы. На берлогу всегда у нас масса народу и всегда выходит, что тебе по жребию достается плохое место. Нельзя ли, Темочка,

не звать больше никого, или ты уже пригласил кого-нибудь?

— Одного Зарина.

— Евгения Алексеевича? Ну он парень хороший, уступит мне первое место. А больше не зови никого.

— Отлично. А почему тебе так захотелось убить?

— Невесте хочу шкуру подарить.

— Ах, ты разбойник, так что же ты молчишь?

— Я ведь тебе сказал, что бабушка прислала мне денег за хорошее поведение. Я думал ты догадался.

— Это та самая, о которой бабушка тебе писала?

— Она, она, действительно чудная девушка и я дурак был, что не ехал знакомиться. Отец и мать очень довольны.

— Но, слушай, Алеха, ведь ты теперь будешь страшно богат. Ты говорил, что она богата очень и потому предполагаешь, что некрасива.

— Ой, не повторяй глупостей! Она действительно, очень богата: дом в Москве, и капиталы, и большое имение, но сама она ангел и умный ангел, это самое главное.

— Самое главное, что ты любишь, а не смотришь на богатство.

— Кой шут, да ведь и я сам не бедный.

— Эмилия Ивановна, — позвал Лосев, — поздравьте Алексея Алексеевича: он жених.

— Поздравляю от сердца и прошу Теме найти невесту, — вдруг разразилась Эмилия Ивановна.

Морозило сильно, когда утром, в назначенный для охоты день, Лосев, Квашнин и Зарин выехали из усадьбы. Четыре версты до небольшой деревушки "Починок Осинный", в котором жил Лосевский лесник, проехали быстро.

Лесник Потап Иванов встретил их у своей избы.

— Маленько запоздали, ходы будет две версты до

берлоги, — говорил он, помогая господам вылезти из саней.

— А ближе подъехать в розвальнях нельзя?

— Куды там, с полверсты по полю, а потом все по лесу хода. А в поле снегу много, не выберет лошадь.

— С собой народу еще возьмешь? — Спросил Лосев.

— А пошто? Брательник Василий, да еще Ерема и хватит. Приказал Арсену ожидать возвращения с охоты в починке и, оставив шубы и съестные припасы в избе Потапа, охотники в меховых куртках и в валенках выше колен зашагали за Потапом и двумя ого помощниками.

Взошедшее солнце ослепляло глаза, а большие сугробы снега, по которому пришлось идти, утомляли охотников.

Все вздохнули свободнее, когда вошли в молчаливый убранный снегом лос. Здесь хоть была тень. Войдя в чащу, остановились передохнуть. Несмотря на мороз, им стало жарко от усилий, потребовавшихся, чтобы пройти по занесенному сугробами полю.

Потап держал на сворке двух больших лаек, приученных к охоте по большому зверю.

— Ты чтоже не спустишь своих псов? — Спросил Квашнин.

— Нельзя, сейчас бросятся либо по рыси, либо, еще хуже, — по лосям, а то и за куницей почнут лаять. До берлоги придетсятащить шельм, все руки оттянут, — улыбнулся Потап, оглаживая лаек.

Ходьба по лесу, хот была легче для глаз, но не для ног. Охотники все время спотыкались на занесенные стволы упавших деревьев. Но вскоре идти стало лучше.

— Кончился проломок, этта два года назад прошла буря и понаваляла лесу. Теперь кончился он. — Объявил Потап.

— Далеко ли еще? — Спросил Лосев.

— Близко!

Но прошло с полчаса, пока Потап, шедший впереди, остановился и, указав на чащу из больших осин и берез, сказал: — Вон, здеся, под выскерем * от осины.

Однако охотники ничего не замечали, пока Потап не подвел их к снежному холму, в котором чернела обледеневшая от дыхания зверя отдушина.

Собаки стали с визгом и тявканьем рваться. Ерема и Василий начали топорами рубить жерди.

— Ну, барин, благословясь, приступим, — сказал Потап, когда несколько жердей были готовы.

— Ты Потап лучше знаешь, откуда выйдет зверь, ставь нас на места, да вот барина поставь на самое верное, откуда выйдет.

— Чего там. Пусть, коли так. Лексей Лексеич станет сюда, а вы немного справа.

— Тогда Евгений Валентинович, хотите стать сюда?

— С удовольствием.

— А ты тогда, барин, позаду будешь, а то тут березы помешают.

— Утопчите хорошенько снег, чтобы не споткнуться! — с видом знатока сказал Квашнин Зарину, когда тот встал рядом, держа на изготовке новый штуцер, который дал ему Лосев.

Потап с Василием расширили кольями отверстие, спустили собак и все трое начали с боков совать в берлогу колья, натравливая собак. Охота началась. Собаки яростно бросались к отверстию с ожесточенным лаем, лесники улюлюкали и пихали куда-то в снег жерди. Молчаливый лес наполнился шумом и гамом.

---

* Выскерь — вырванные ветром корни упавшего дерева.

Пяти минут не прошло, как из глубины берлоги будто из дали послышался недовольный рев разбуженного зверя.

— Не любишь такой-сякой, вылазь, коли так!

Весело крикнул младший брат Потапа Василий и, изловчась, сунул прямо в отверстие жердь. Страшный, разъяренный рев был ответом, какая-то сила из берлоги потрясла жердь, лайки сторожко отскочили в стороны и среди тучи снега показалось какое-то черное чудовище. Последующее произошло в один момент.

Прозвучал сначала один выстрел Квашнина, затем дуплет Зарина и в один миг Квашнин очутился под зверем, а Зарин без чувств, ударенный могучей лапой, хлопнулся в снег.. Лосев, желая выстрелить и боясь в кого-нибудь попасть, сделал шаг, споткнулся о пенек в снегу и упал в сугроб. Когда он вскочил и хватился за ружье, дуло его оказалось забитым снегом. Перед берлогой же происходила свалка. Медведь полулежал на Квашнине и с ревом оборонялся от собак, хватавших его сзади, бледный Потап тыкал ему в морду жердь, крича: —Топором, бей его топором! — А сзади него, не решаясь ближе подойти, жались с топорами Ерема и Василий.

Молнией мелькнула мысль у Лосева. — "Да неужели, Господи, он убит?" — И, не помня себя, отбросив ненужное ружье, он выхватил из кобуры тяжелый, большого калибра револьвер "Бульдог" и бросился на медведя. При виде нового врага, медведь взревел и попытался лапой отбить противника, но Лосев, избежав удара, сунул руку к его пасти, медведь хотел куснуть эту руку, но раздались раз разом два выстрела и окровавленная голова зверя сунулась вниз. Лосев еще дал выстрел в ухо и медведь замер.

— Скорей, скорей!.. Помогай, тащи!.. — Надрывался

Лосев над тушей медведя, в ужасе стараясь стащить его с бесчувственного, окровавленного Квашнина.

— Да ништо, Артемий Лукич, это же ведьмедя кровь на ем.

Как сквозь сон, услышал он с облегчением слова Потапа. Сзади раздался слабый стон, он обернулся и увидел, что бледный Зарин сидит на снегу.

— Вставайте скорей, если в силах, я боюсь за Алешу! — крикнул он и стал заботливо осматривать Квашнина, лежавшего на боку.

— Жив, сомлел только от страху, — говорил Потап, ловкими руками ощупывая его в то время, как Лосев обтирал ему снегом обрызганное медвежьей кровью лицо.

— Тьфу, апчхи! Холодно! Что ты делаешь? — чихнул вдруг и замотал головой Квашнин, пришедший в себя от холодного снега, который растаяв, смочил шею.

— Ох, Господи, ты жив, Алексей!

— Да жив, в чем дело? Где же медведь, убили?

— Ничего не сломано?

— Кажется нет, ссаднит только ногу. Ну и отделал же меня, сволочь! — Поглядел он на лохмотья одежды и валенок.

— Встань, пожалуйста!

— Ну, на. Встану, — встал было Квашнин, но сейчас же опять сел.

— Голова идет кругом, у кого коньяк, хлебнуть?

Зарин с ободранной штаниной и валенками подошел, прихрамывая, и протянул флягу с коньяком.

— И вы пострадали, ну и зверь. Да кто же его ухлопал?

— Барин из левольверту, кабы не он, пожалуй, доконал бы вас, — улыбнулся Потап.

— А вы-то, черти, где же были?

— Я и то колом все в морду тыкал, ну а Ерема и есть Ерема,топора, дурак, не мог дать, а тебя, Ваську, боле и брать с собой не стану. Охоться на печи с бабой, да с тараканами, — плюнул Потап.

После глотка коньяка Квашнину стало лучше. У него оказались поверхностно поцарапаны когтями медведя ноги в бедре, валенки и теплая одежда спасли от серьезных ран. Зарина же медведь лишь пихнул лапой в ногу, а в обморок он упал, стукнувшись головой о дерево от толчка медведя.

У медведя нашли рану с раздробленной костью в бедре. Это был выстрел Квашнина, другой он замедлил, желая стрелять наверняка и тут медведь его сбил с ног. Дуплет Зарина попал в загривок, не тронув кости.

С трудом поддерживаемый Лосевым и Потапом, доплелся до починка Квашнин. Там они наскоро подкрепились и, приказав Потапу озаботиться доставкой шкуры медведя и окороков в "Родники", т.к. Квашнин их хотел увезти в Петербург, поехали домой.

Прощаясь с Потапом, Квашнин стал совать ему сотенную бумажку.

— Что вы, Лексей Лексеич, за то, что ободрал вас ведьмедь, хотите дарить меня. Как бы я еще спас вас, а тут, нате, только страм вышел, ка-бы не барин... Не возьму! — Отказывался Потап, пока Квашнин не сунул его десятилетней дочке со словами: — На приданое, копи себе! — и выбежал из избы.

Дома Лосев хотел было послать за доктором, но Квашнин лишь потребовал ванну и иода.

А поздно вечером они втроем за ужином справляли победу над медведем. Эмилия Ивановна пришла в ужас от вида, в котором приехал Квашнин.

— Боже мой. Боже мой! — вплеснула она руками, качая головой.

Квашнин через два дня уехал, увозя с собой большую шкуру чернобурого медведя и два замороженных окорока. А слава об этой охоте дала на несколько месяцев тему для разговоров в уездном городе. Лосев стал героем.

Варвара узнала все от Зарина, который в восторженном виде рассказывал, как Лосев с револьвером в руке бросился спасать Квашнина и его. Называл Лосева своим спасителем и пел ему хвалебные дифирамбы. Варвара слушала с тайным страданием, в ее глазах он поднялся на недосягаемую высоту. А когда она еще узнала от Зарина, что близкий друг Лосева стал женихом богатой и знатной девицы, она решила, что Лосев никогда и не думал о ней, как о возможной жене. Но от этого ее любовь не уменьшилась, а то, что Лосев избегал бывать в "Мизгиреве", придало ему еще больше цены. — "Честный человек, не хочет, чтобы я о нем думала".

Авдотью она нашла, по приезде из монастыря, в тревоге и печали. Ее собутыльник Нарцис на праздниках так у нее напился, что, возвращаясь домой в Правление, заблудился в деревне, попал в огороды и без шапки насилу приполз в Правление. Правленский сторож где-то был в гостях. Нарцис смог доползти до крыльца и отворить дверь в корридор, но там пьяный и мокрый от снега, свалился и уснул. Утром сторож так и нашел его в корридоре. Благодаря оттепели в тот день, Нарцис не замерз, но схватил воспаление легких. Его увезли в Земскую больницу, где он и скончался, т.к. надорванный пьянством организм не мог бороться с болезнью.

Авдотья обвиняла себя, что отпустила пьяного домой, а кроме того никого вокруг не оставалось, с кем бы она могла стводить душу а выпивкой. А потому, выслушав рассказ Варвары о жизни в монастыре, она заявила:

— А я, невестушка, хочу спросить тебя, ежели бы я

надумала поехать в монастырь, станешь ли ты кажинный месяц платить мне мои сто рублей?

— Конечно, буду и на поездку дам сколько хотите.

— Из завещанных братцем пяти тысяч?

— Бог с вами, конечно, не из них. Когда захотите, вас отвезут усадебные лошади и за вами обратно пришлю, когда захотите. А деньги не в зачет дам, тысячу рублей хватит?

— Спаси тебя Бог за доброе слово, денька через два я бы поехала, а коли там понравится, так и останусь там век вековать. Только слышала я, что вклад надоть большой, ежели не хочешь работать. А какая уж я работница? — всплакнула Авдотья.

— Да что вы плачете, Авдотья Андреевна, ведь все нажито братом вашим Филиппом Андреевичем. Сколько надо, столько и дам вам.

— Спасибо, родная, что не обижаете меня сироту, ведь все братец вам благословил, значит и власть вся теперь ваша. А только слышала я, что много надо вкладу, чуть ли не десять тысяч.

— Хоть двадцать тысяч, и то дам, а месячные ваши останутся своим чередом.

Авдотья искренно бросилась обнимать Варвару, а через два дня укатила с сундуками и укладками в монастырь, снабженная тысячью рублями щедрой невестки.

В первых числах февраля в губернском городе были дворянские выборы. Лосев уже принимал один раз участие в них и теперь поехал, захватив с собой Зарина. Благодаря Новикову, Зарин имел теперь полный ценз для участия в дворянских выборах.

Новиковы уехали неделей раньше.

По приезде в губернский город, Лосев, как земский начальник, должен был явиться к губернатору.

— Приехали на дворянские выборы?

Встретил его приветливо губернатор, отставной гвардейский офицер и правовед по образованию.

— Вы редкий у нас гость, все сидите у себя в имении, а между тем сюда дошла весть о вашем подвиге.

— О каком моем подвиге, ваше превосходительство? удивился Лосев.

— Как о каком? Говорят, что вы с опасностью для жизни спасли двух приятелей на медвежьей охоте. Кстати, отца Квашнина я ведь хорошо знаю: были однополчане. Я недавно получил письмо от него, что сын помолвлен. В ответ я вдвойне поздравил его и посоветовал запретить Алексису родительской властью охоту на медведей. — И губернатор рассмеялся.

— Кстати, заговорив о письмах, я должен сказать вам, что в ежегодном докладе министру я указал на вас, как на желательного кандидата в члены губернского присутствия.

— Очень благодарен, ваше превосходительство, но в случае конкретного предложения я вынужден был бы отказаться.

— Как же это так?

— Я вполне доволен своей службой, а потом я живу в своей усадьбе.

— "Ме мон шер!" У нас у всех есть усадьбы. У меня тоже в Орловской губернии есть усадьба, а это не мешает мне быть здесь губернатором. Ведь с назначением в члены губернского присутствия перед вами открывается карьера.

— Я не думаю о ней, к тому же у меня дела по хозяйству: лесная выработка.

— Об этом мы поговорим, когда будет, как вы сказали, конкретное предложение, а теперь разрешите, если вы не заняты, позвать вас ко мне на обед завтра. Будет ваш предводитель с Марией Александровной. А пока

позвольте представить вас моей жене Анне Николаевне.— С этими словами губернатор схватил Лосева под руку и увлек в гостиную.

— Аннет, вот представляю тебе лесного героя, о котором ты слышала. А где Зизи?

— Очень рада познакомиться с...

— Артемий Лукич, — сказал Лосев, целуя руку пожилой, но молодившейся женщине.

— Где же Зизи? — повторил губернатор.

— Зизи сейчас придет. Это наша единственная дочка, она недавно кончила Павловский институт и когда услышала о вашей охоте, то страстно захотела узнать подробности.

В этот день, вечером, сидя в гостинице у Новиковых, Лосев рассказывал о приеме у губернатора и о том, как губернаторша оставила его завтракать и как кокетничала с ним Зизи, губернатора дочь.

— Что же вы не растаяли от чар Зизи, не потеряли сердца? Имейте ввиду, что хоть приданое ее — перезаложенное именьишко в Орловской губернии, но зато у отца связи и, если женитесь, то через год станете вице-губернатором, — смеялся Новиков.

— Благодарю покорно. Не видал я разве раньше таких пустых куколок? Нет, я не сравню и не променяю...

— Что не променяете? — насторожилась Новикова.

— Своего покоя в "Родниках", — отрезал Лосев.

— У, противный Лось-одинец, вывернулся! — рассмеялась Новикова.

По окончании выборов дворянство устроило бал в Собрании. Лосева представили бесконечному числу барышень. Было много красивых, милых и, может, умных барышень. Лосев танцевал и болтал с ними, как и с Зизи, старавшейся навязать ему роль своего рыцаря, но мысли

его были далеко и ни разу сердце его не забилось сильней.

Пасха в этом году была поздняя, и на масляницу уже началась оттепель. Солнце стало жарче пригревать и снег таял. В этом году у Лосева первый раз была выработка леса в береженом лесу. Выработку он стал делать не из-за денег, ему их хватало, а по совету знакомого казенного лесничего Бауера. Лосеву захотелось иметь новый план всего своего владения и Бауер разрешил лесному кондуктору сделать план имения "Родники" и леса. Лес Лосева, граничевший с лесом Коновалова, резко отличался. Лосевский казался перед Мизгиревским девственным, дремучим, хотя Коновалов избегал выработки в своем имении. Кончив съемку, кондуктор сказал Лосеву, что сосновый лес необходимо выработать, иначе он грозит стать перестарком: и так уже от старости некоторые сосны посыхают. Это подтвердил и Бауер, когда прошелся с Лосевым по лесу, где рос сосновый бор..

Перед ними высилась колоннада стволов. Внизу не было ни кустов, ни деревца. Вершины сосен, терявшиеся в высоте, не пропускали солнечных лучей и в вечном полумраке не развивалась растительность. Кое-где лежали свалившиеся огромные стволы. Бауер смерил их.

— Замечательно! У вас здесь выйдут бревна по 12-ти саженей на 4-5 вершков в верхнем отрубе. Лучший казенник только может сравниться.

Площадь соснового леса была около 300 десятин, и из осторожности Лосев на первый год решил сделать выработку в 3000 деревьев.

Зарин рекомендовал ему хорошую надежную артель лесных рабочих, во главе с надежным артельным подрядчиком.

Выработка была закончена и все бревна свезены на берег реки. Лосев ездил зимой на свалы и с наступле-

нием теплых дней начал беспокоиться, чтобы не случилось с лесом несчастья. Беспокойство усилилось после визита первого покупателя, объявившегося в воскресенье перед масляничной неделей.

Он занимался в теплице с Владимиром, когда горничная вошла и подала визитную карточку: "Василий Иванович Осокин. Представитель великобританского подданного Смита". Прочел Лосев.

В гостинной он увидел высокого господина с подбритой бородкой.

— Простите, что беспокою, но я узнал про вашу выработку, видел ваши свалы и, если вы согласны продать лесок, мы можем потолковать, — жирным баском произнес Осокин.

— Прошу в кабинет, там у меня записаны все размеры дерев, — поздоровался Лосев. В кабинете он достал лист, где были записаны размеры выработанных деревьев. Осокин взял его, рассеянно взглянул и сказал:

— Видел я лес. А это нам и ни к чему.

— То есть, как же? Ведь отсюда можно вычислить количество кубических футов.

— Ох, ох! Сразу видать молодого лесопромышленника. Ежели да мы с вами будем по кубическим футам торговать, то кроме споров и судов ничего у нас не выйдет.

— Как же иначе?

— А просто так, огуречным счетом. Почем хотите с дерева. А там, будет ли оно в 12 сажен пяти вершков или 6-ти сажен и четыре вершка — цена одна.

— Но мне это странно.

— Ничуть! У нас так повелось, а кубатура только для хозяина, чтобы сообразить среднюю цену.

— Сколько же вы даете огуречным счетом?

— Я по пять рубликов дам и вся недолга. От всех

хлопот вас избавлю. Получите деньги, хоть завтра в казначействе. Сплотка и сплав мои и убытки мои.

— Сплотка и сплав это артель сделает.

— Это так говорится. А если лес обсохнет? А если его разнесет. А не дай Бог, в пути разобьет плоты? Артель ведь не отвечает, за все в ответе хозяйский карман.

— Дешево очень даете.

— Помилуйте, весь риск мой. Да весной, может, и цены упадут. А, между нами говоря, ведь и лесок-то перестарок — ломкий очень.

Лосев соображал, что ему от леса останется около 10,000 рублей, а Зарин считал не меньше 15,000 рублей чистых. Поэтому он ответил:

— Нет, очень дешево предлагаете.

— Для первого знакомства на дерево полтинничек можно надбавить, сколько дерев — 3115. Вот под 2,000 рублей будет.

Гость крепко засел. Вошедшая горничная доложила, что завтрак подан. Лосев пригласил Осокина, тот не отказался. За завтраком разговор вертелся на торговле лесом и Осокин все представлял в мрачных красках. Однако, при прощаньи еще надбавил полтинник, уверяя, что берет огромный риск на себя перед фирмой.

На другой день у Лосева был разбор судебных дел в Мизгирском волостном Правлении и, когда он утром ехал, ему тревожно думалось: правильно ли он поступил, не продав лес. Ведь Осокин брал на себя весь риск и заботы. Однако, в Правлении эта тревога улеглась, так как волостной писарь сейчас же доложил, что его ждет по своему делу Клим Игнатьев. Он был подрядчик артели, вырабатывавшей лес у Лосева.

— Зовите! — с беспокойством приказал Лосев.

Клим Игнатьев высокого роста с открытым лицом, вошел. Русая борода лопатой покрывала его грудь. А

суровые черты лица смягчались ясными, детски-незлобивыми и чистыми голубыми глазами. Взглянув на них, можно было с уверенностью сказать, что этот человек никогда никого не обманывал в своей жизни.

Войдя, Клим снял теплую шапку, помолился на образ, а затем, подойдя к Лосеву, сказал, протягивая руку:

— Здорово, хозяин, я поспешил к тебе, чтобы упредить, да ребята баяли, что седни ты в Правлении будешь, я и не пошел на усадьбу, - грубым баритоном медленно выговорил Клим Игнатьев.

— В чем дело? Или что с лесом случилось?

—Оборони Бог! Чего с ним может случиться. А. только племяш мой вечор сказывал, быдто встретил Осокина, как из усадьбы он твоей ехал. Так вот я и пришел спросить: неторговал ли он грехом наш лес?

— Да, торговал.

— Ишь ты, провора! Ну, а ты, как же запродал или нет?

— Нет, мало дает.

— Это обнаковенно! Потому жила Осокин, любит для своей англичанки дешево скупать. Вот я упредить и пришел, чтобы ты держал цену, потому редкостный лес.

— Спасибо, Клим Игнатьевич, а только Осокин предлагал весь риск по сплаву на себя взять и пугал сплавом.

Да чего тут, какой риск. На живой воде на реке свалы, не в верхотине какой. Слава Богу, свое дело артель знает, топор к топору подобрал я народ. Это пустяки, видит, что ты барин и в первый раз ведешь выработку, ну и запугивает, а ты цену держи.

— Спасибо, что пришел, а то я стал сомневаться.

— Не на чем, хозяин, а только еще недельки через две приду к тебе за деньгами на сплотку и сплав. Весна ноне ранняя, а Пасха поздняя. Я так полагаю, что на воде, видно, встретим Праздник.

Успокоенный Лосев принялся за разбор судебных дел, а когда к часу кончил и вошел опять в свою комнату, то увидел Ушинского.

— А я к вам. Во-первых Варвара Николаевна, узнав, что вы в Правлении дела разбираете, просила вас после суда придти на обед и блины. Кроме меня у ней нет никого. А я к ней по делу приехал, а заодно и к вам есть дельце.

— Какое дело, Павлин Модестович?

— Прежде идемте блины есть, а то хозяйка расстроится, а потом и поговорим. Дельце маленькое, вы знаете, что я комиссионными делами подзарабатываю. Только после потолкуем, одевайтесь! — заторопил Ушинский.

— Постойте, у меня лошади, надо велеть подать.

— Лошади у крыльца. Я на свой страх приказал подать, а для дел, если есть спешные, вернетесь после блинов.

— Спешных дел не имеется, — вмешался писарь, вошедший в комнату.

— У покойного Наркиса все дела были в порядке, как бы не зашибал водочкой, золотой бы был человек.

— Хорошо, но имейте в виду, что до Пасхи я сделаю полную ревизию и делам Правления и волостного суда. Старшине я разрешил сегодня не быть в Правлении — он у меня просил. Но напомните ему, чтобы с вами привел все дела в порядок.

— Все будет исполнено, ваше высокородие.

— Привез вам гостя, Варвара Николаевна, — говорил Ушинский, снимая шубу в передней.

— Спасибо, Павлин Модестович, редкого гостя привезли. Идемте в столовую, блины готовы. Я вас сегодня угощу первоклассными блинами и обедом. Я помню, первый раз, когда вы у нас обедали, покойный Филипп Андреевич взял тогда старого повара Корнея. А три дня назад он приплелся ко мне разутый, раздетый, плакал,

что дал зарок больше не пить и просил взять. Я ему говорю, что одна теперь живу, а он заливается слезами: за хлеб один буду служить. Откормлю тебя, а то похудела. Я и взяла. Жалко его, теперь он меня и откармливает, — засмеялась Варвара.

— А вы действительно похудели, — сказал Лосев, взглянув на нее.

— Я, старик, могу добавить, что еще и похорошела, — ввернул Ушинский. И мысленно Лосев согласился, так как ее лицо стало еще одухотвореннее.

Обед прошел весело. Варвара рассказала, что Авдотья Андреевна уехала в монастырь и собирается стать монахиней. По слухам за ней ухаживают, как за богатой, а сама она прислала сказать, что приедет на Пасху, чтобы окончательно проститься с миром.

— Но какие же у вас планы? Так и будете жить одна? – спросил Лосев.

— Право, не знаю. Летом братья приедут, а там, что Бог даст. Вы ведь живете один.

— На то я и Лось-одинец! — рассмеялся Лосев.

— Матушка, Варвара Николаевна, после такого Лукулловского обеда побалуете нас чайком? А мы тем временем с Артемием Лукичем, с вашего разрешения, покурим и поговорим о дельце.

— Конечно побалую, я ведь знаю вашу любовь к чаю, и самовар уже готов. А какое дело у вас, если не секрет?

— Секрета нет. Артемий Лукич записался в лесопромышленники, а у меня объявился хороший покупатель на его лес.

— Вот как. А я и не знала, что вы занялись лесными выработками.

— Лесничий посоветовал, а то лес от старости на-

чнет сохнуть. Но какой же у вас покупатель, Павлин Модестович, у меня вчера был один — Осокин?

— Ну этого вы оставьте, он всегда хочет на пятак рублей купить.

— Слышите, какой у нас комиссионер, своих клиентов расхваливает. Он ведь и ко мне приехал с тем, чтобы я продала одну лесную дачу. Молчу, молчу. Говорите о своем деле — засмеялась Варвара при виде протестующего Ушинского.

— Мой покупатель директор отделения лесозаготовок пароходостроительного завода в Нижнем. Иван Карлович Гросман. Может слыхали?

— Про завод слыхал, а про Гросмана нет.

— Как же, он известен в нашей округе. Покупает только самый лучший товар и за ценой не стоит. Вчера он был на ваших свалах, а вечером заехал ко мне с просьбой устроить с вами свидание. Лес ему очень понравился.

— Назначьте день и час и приезжайте с ним в "Родники".

— А когда?

— Право не знаю. Ну, скажем, в среду к завтраку приезжайте. Судя по фамилии, он немец.

— Русский немец.

— А у меня Эмилия Ивановна будет рада видеть компатриота. Решим, что если время подходит, вы приедете, а если нет, оставьте на почте записку, когда приедете. Завтра мой человек за почтой заедет и привезет вашу записку.

— А теперь, господа, чай пить и мое дело судить. вмешалась Варвара.

— Дело судить, что за суд? говорил Ушинский, наливая в чай густых сливок.

— Года два назад покойный купил лесную дачу в 1500 десятин, обошлась вся покупка в 30,000 рублей.

Сейчас явился покупатель, дает 45,000 рублей. Просит уговорить продать. Что же я не могу предложить?

— Но вы самого главного не говорите, кто покупатель, — смеялась Варвара.

— Покупатель акционерное общество "Лес".

— Нет. Соломон Исакович Хавкин.

— Он доверенный Общества.

— Я слышал, что все это Общество фиктивное и устроено при помощи так называемых "свадебных генералов", а на самом деле все одна еврейская семья, — сказал Лосев.

— Да, если хотите, это верно. Но какое же дело Варваре Николаевне, кому она продает? — промямлил Ушинский.

— Если нет нужды, я принципиально не продал бы землю в еврейские руки.

— А Павлин Модестович знает, что покойный Филипп Андреевич не вел никаких дел с евреями. И что же, мне продавать его покупку евреям, когда еще года не прошло после его смерти.

— Да разве я уговариваю вас продать? Человек меня просил поговорить с вами, он мой клиент, что же мне сказать прикажете: еврей? Не я ли вам сегодня доложил, что 45,000 рублей — цена хорошая с точки зрения процента на затраченный капитал. Но покойник уверял, что лес великолепный и что он не продаст его и за 100 тысяч рублей. Говорил я вам, или нет? А дальше сами решайте.

— Да, говорили, говорили, опекун вы мой, я ведь пошутила над вами, — ласково рассмеялась Варвара и, на минуту задумавшись, сказала:

— Ответьте, что я не думаю ни о каких еще делах и прошу меня не беспокоить приездами. Не приму.

— Вот и ясно! Хавкин будет огорчен, но мне все

равно. Я сам не люблю евреев, хотя должен сказать, что он хороший еврей.

— У каждого русского есть свой хороший еврей — Засмеялся Лосев.

Стало темно, когда они собрались уезжать.

— Я хотел бы, Варвара Николаевна, просить Вас приехать ко мне на блины в субботу, и вас также, Павлин Модестович.

— К сожалению, должна отказаться, так как до Пасхи я решила ни к кому в гости не ездить, ведь у меня траур.

— Но это же не бал, будут только Зарин и Новиковы. Они всегда в субботу на масленой у меня обедают.

— А все-таки..

— Правильно, правильно, Варвара Николаевна, надо память покойника почтить, — перебил ее Ушинский.

— Если и Павлин Модестович это говорит, придется подчиниться.

— Да уж я правильно говорю, а то в городе пойдут пересуды.

В среду Ушинский приехал с Гросманом в "Родники".

Гросман оказался лесным инженером и очень порядочным человеком. Лосев кончил с ним дело в полчаса, продал лес по кубическим футам с тем, что должен сплавить и сдать лес там, где обычно весной сплавляется лес.

— Споров у нас не будет: я принимаю ваши размеры, как они у вас указаны в списке. Полагаю, что вы не прибавляли. — Рассмеялся Гросман, когда Лосев спросил, где и как они станут обмерять.

— А если на будущий год будем живы и вы станете вырабатывать такой же лес, считайте, что я его приму. Лес первосортного качества, такой нам нужен на завод.

Эмилия Ив-вна вся расцвела, когда за завтраком Гросман заговорил с ней по-немецки.

После их отъезда Лосев подсчитал, что у него останется около 16 тысяч рублей чистыми от лесной выработки.

Масленица ознаменовалась в городе большим происшествием: исправник Гвоздиков увлекся блинами и в воскресенье, придя домой после угощения и возлияния у городского головы, почувствовал себя плохо. Он хотел пойти лечь, но, не дойдя до спальни, упал. Доктор определил удар. Пустили кровь, но несмотря на старания врачей, Гвоздиков через день скончался, не приходя в сознание. Хващинский вступил во временное исполнение обязанностей исправника и распоряжался похоронами старика Гвоздикова, который, несмотря на многие слабости, был хороший человек, любимый обывателями города и населением уезда.

Была четвертая неделя Великого Поста. Стояли теплые солнечные дни. Поля зеленели озимями, вышедшими после долгой зимы из-под снега и омытыми первым весенним теплым дождем. Снег оставался лишь кое-где в лесу и по оврагам. В воздухе пахло свежей землей и набухающими почками деревьев.

С утра Варвара в больших галошах хлопотала в саду со старым садовником, занимаясь устройством клумб. Она собиралась идти обедать, когда из дома прибежала горничная:

— Варвара Николаевна! Новый исправник приехал.

— Какой новый исправник?

— Ну, да тот, что заменяет покойного Васия Васича.

— Скажи, чтобы обождал в гостинной, пока переоденусь, — с неудовольствием сказала Варвара, поняв, что приехал Хващинский.

"Что ему еще надо? В будни приезжать в Великий Пост, это становится невыносимым", — думала она, неторопливо переодеваясь.

В гостиной ей навстречу поднялся с кресла Хващинский.

— Здравствуйте, Константин Станиславович, я совсем не ждала гостей. Что это вы так торжественно, в мундире, куда-нибудь по делу?

— Исключительно к вам, а в мундире потому, что по очень важному делу, можно сказать по торжественному делу.

— Боже мой, что такое? Почему вы говорите таким высоким стилем? — улыбнулась Варвала, испытывая в душе беспокойство, так как сразу догадалась, что за "дело" у Хващинского.

— Высокий стиль, как вы правильно заметили, иногда приличествует случаю, а данный случай и в вашей и в моей жизни исключительный. Я приехал, чтобы просить вашей руки и сердца, чтобы просить вас стать моей супругой.

— Я вас очень благодарю... — начала Варвара.

— Погодите! — прервал ее Хващинский, — я хочу досказать, что я решился на этот шаг, взвесив все: я потомственный дворянин, вчера получена бумага от губернатора, что я назначен исполняющим должность исправника и наверное к лету буду утвержден исправником, следовательно, приняв мое предложение, вы станете дворянкой и первой дамой в городе. Вот подумайте об этом серьезно и дайте ответ.

— Он готов: срок траура не кончился и я не собираюсь снова выходить замуж, — сухо ответила Варвара, разозленная самоуверенным тоном Хващинского.

— Эт не ответ. Срок траура скоро кончится, а

насчет того, что вы не собираетесь выходить замуж, позвольте вам не поверить.

— Сделайте одолжение.

— Что же, я может вам не нравлюсь, а нравится кто-нибудь другой ?

— Странный вопрос. Мне просто никто не нравится в качестве возможного мужа из всех тех, кто хлопочет об этом.

— В таком случае, оставляете ли вы мне надежду, что я смогу впоследствии понравиться?

— Бросим этот разговор и останемся лучше хорошими друзьями.

— Другом вашим я был и буду, но льщу себя надеждой, что буду тем, с чем рифмуется друг. — И Хващинский лихо закрутил усы, склонился в почтительном поклоне.

—Я вас сразу покидаю, чтобы вы хорошенько обдумали мое предложение. — Щелкнув каблуками, он поцеловал руку Варвары и ушел. Варвара слышала, как в передней горничная подавала ему шинель, затем хлопнула входная дверь и вскоре раздался стук колес тарантаса. Она знала, что это должно было случиться, но сегодня не ожидала его предложения и не была готова к ответу. Да что могла она ответить? Она горько усмехнулась. Самая форма предложения, весь самоуверенный и поучительный тон Хващинского ясно говорил. что он не влюблен, а охотится лишь за ее деньгами. Предлагая вместо этого свое сомнительное шляхетство и перспективу стать "первой дамой" в городе. Только у поляка и могла явиться такая мысль: жена исправника — первая дама в городе.

"Мне нечего обдумывать, г. Хващинский, никогда я не буду вашей женой, останусь вдовой купца 3-ей гильдии Коновалова, но не прельщусь стать г-жей Хва-

щинской“, вслух сказала она, проходя к себе в спальню.

А в воскресенье, едва она вернулась от обедни как к крыльцу подкатил тарантас с Буниным.

— Доложи обо мне барыне, она одна? — сказал он, сняв пальто и охорашиваясь перед зеркалом.

— Оне чай пьют, никого нет, проходите, — ответила горничная, знавшая Бунина.

— Божественная Варвара Николаевна, мое нижайшее почтение, — развязно подошел он к сидевшей за самоваром Варваре и склонился со слащавой улыбкой в поцелуе руки.

— Во-первых я не божественная, а во-вторых, что это вы, кажется, вылили на себя целый флакон цветочного одеколона, — насмешливо ответила она, нетерпеливо отдергивая руку.

— Только одну каплю французских духов. Каюсь — это моя слабость.

— Садитесь пить чай, только подальше, ваши духи очень крепкие. Вы приехали заканчивать съемку ”Мизгирева“?

— Она уже кончена, вычислена и план в карандаше сделан. Через неделю я его принесу, а пока разрешите передать вам это. — И Бунин передал ей лист бристольского картона, на котором под виньеткой тушью были написаны какие-то строчки.

— Что это?

— Прочтите!

”Весна к нам приходит и снова
Я песни пою все тебе.
Земля одевает обновы.
О, дай же ты счастие мне!..“

— Стихи ваши? Я дальше читать не хочу.

— Это стихи мои от полноты сердца моего.

— Все равно, я не люблю таких стихов.

— Но они для вас, они вам объяснят мои чувства, Варвара Николаевна. Я прошу вашей руки и сердца, — закончил внезапно Бунин, увидав, что Варвара бросила листок на стол.

— Это, по крайней мере, коротко и ясно, и я так же вам отвечу: благодарю за честь, но ни руки ни сердца моего вы не получите.

— То есть, почему же? — растерялся Бунин и лицо его от волнения покрылось мелкими каплями пота.

— Потому что никогда не собиралась стать вашей женой. И на этом точка. Кончайте ваш план, представьте счет мне или Павлу Модестовичу и не мучьте меня вашими ухаживаниями и стихами.

— Видно другие перебили дорогу, а вы прельстились на чиновных людей.

— Что вы за глупости болтаете?

— Совсем не глупости. В клубе вчера говорили, что у нас скоро будет новая исправница г-жа Хващинская.

— Ха, ха, ха! — рассмеялась Варвара.

— Смешного мало. Я по чистой совести скажу, что он только вашими капиталами прельщается.

— А вы, делая предложение, только о рае в шалаше, именуемом "Мизгирево", мечтали?

— Совсем нет! Моя любовь, любовь поэта, искренняя и чистая от денежных расчетов.

— Так что, если я все пожертвую на монастырь, вы повторите предложение?

— Я нахожу отсталым взглядом жертвовать на монастыри, можно делать самим добрые дела, — смутился Бунин.

— Бросьте увертки! Вам тоже снятся мои денежки. Прекратите разговор и, так как мне нездоровится, я вас

попрошу уехать, а деловые разговоры, как уже сказала, ведите с Ушинским.

— Раскаетесь, да будет поздно! — мрачно сказал Бунин, уходя.

Луч яркого солнца упал на лицо заснувшего на диване в кабинете Лосева и разбудил. Он встал, задернул штору и снова лег. Сегодня, с пяти часов утра, он часа три возился с Владимиром в теплице, пересаживая цветы в клумбы. Потом пришлось в канцелярии заниматься. А после завтрака и чая, в 11 часов прилег с книжкой и заснул. Солнце помешало. И снова, ложась на диван, он решил еще подремать. Но только задремал, как раздались чьи-то шаги и стук в дверь.

—В чем дело? Входите! — поднялся он с дивана и из распахнувшейся двери к нему подскочил со смехом Квашнин.

— Лось, ты мой Лось! Помещик ленивый! Час дня, а он спит в берлоге, — с этими словами Квашнин обнял его.

— Что за шут, Лешка! Да ты откуда и каким путем? Почему не предупредил о приезде? — обрадовался Лосев.

— Сюрприз хотел сделать. До Нижнего доехал, а оттуда прямо на вашем пароходе и прикатил до вашего города. На пароходе встретил Зарина, он мне раздобыл лошадей и вот я поймал тебя, лежебоку, на месте преступления. Помилуй Бог! Кто же днем до обеда спит?

— А ты спроси, когда я встал сегодня.

— Знаю, знаю, мне Эмилия Ивановна все доложила. А ты чувствуешь, зачем я приехал?

— Соскучился по мне, вот и приехал, — отдернул, улыбаясь, шторы Лосев.

— Конечно, скучно без Лося, а главное то, что я и

моя невеста хотим, чтобы ты у нас был главным шафером. На Красной Горке венчанье в Москве, изволь не отказываться.

— Спасибо за честь, но почему в Москве, а не в Петербурге?

— Ты разве забыл, что невеста москвичка? А потом, самое главное я еще не сказал: ведь уже три недели, как я вольная птица, взял годичный отпуск, выхожу в запас. Живу сейчас у бабушки в Москве, ты у меня там и остановишься. Через 2-3 дня после свадьбы мы уедем в наше родовое Квашнинское имение на юге. Решили, что никаких этих свадебных поездок по заграницам делать не будем. Самое большое, съездим осенью в Крым.

— Ах, какой ты счастливый, Алеха! — с тайной грустью покачал головой Лосев.

— А ты, Темочка, не грусти, моя бабушка тебе найдет невесту, да и будущая теща тоже постарается.. Она, как узнала про твое геройство и что ты холостой, так и решила: "Надо г. Лосева женить!." В Москве же, знаешь, невест непочатый угол.

— Не болтай пустяков, — с досадой прервал его Лосев.

— Хорошо, хорошо, об этом поговорим после, а сейчас я хочу тебе передать кое-что от себя и от невесты... — Квашнин выскочил из кабинета и веселый голос его послышался в других комнатах вместе с воркотней Эмилии Ивановны.

Лосев пошел за ним и застал его в передней, раскрывающим чемодан.

— Я хотель позвать слугу, чтобы понес в комнат, а он в передней откривает.

— Не беспокойтесь, и без слуг сделаем, вот зам в

утешение московских сластей, — говорил Квашнин, вытаскивая большой пакет.

— Данке шен! — расцвела Эмилия Ивановна.

— Да вы не благодарите, здесь, кроме конфет, еще две бутылочки, это нам с Темой угощение.

— Ты этим свой чемодан наполнил и тащил это, словно у меня нет.

— Тсс! Молчи Темка, две бутылки старого Мартеля. Одну разопьем, а другую спрячь до своей свадьбы. А теперь идем в кабинет, мне надо кое что показать тебе. — Квашнин взял из чемодана небольшие пакеты, подхватил Лосева под руку и потащил обратно в кабинет.

— Это, Тема, я от себя и от будущей жены прошу тебя принять, — начал он и, быстро разорвав бумагу, протянул кожаный футляр. — Это, собственно, от меня, а от невесты это тут, — поправился он, передавая небольшой ящичек лакированного дерева. Лосев открыл футляр и смутился. На бархатной подкладке лежал массивный золотой портсигар, крышка его была художественно отчеканена в виде медвежьей шкуры с головой.

— Алеха, зачем это? Ведь это же уйму денег стоит!

— Ерунда! А затем открой крышку и прочти!

Лосев нажал рубин, заменявший пуговку: "На память дорогому другу и спасителю об охоте на медведя 11-го января 18.. года"

— Чудная вещь! Большое спасибо, Алеха!

— Вот, этак лучше, а то — "зачем". Я ведь знаю, что ты сам богат и тебя не удивишь золотом, а просто хотелось на память тебе подарить. У Хлебникова в Москве заказал. И, представь, когда пришел брать, со мной пошла Олечка, т.е. моя невеста, и она, вдруг, открыла там вот это. — Указал он на деревянный ящичек. — Это от нее подарок. — Вынул он серебрянный ящик. — Это тебе для сигар и папирос. Ты смотри на крышку, словно для тебя

по заказу нарисовано. — На крышке ящика чернью и белой эмалью были нарисованы сосны и ели в снегу, а между ними фигура разъяренного, на задних лапах, медведя, словно только-что выскочившего из берлоги. По четырем же сторонам ящика были нарисованы головы медведя, лося, волка, рыси и лисицы вперемежку с токующим глухарем, летящими утками и другими птицами.

— Прелесть! — Залюбовался Лосев.

— Внутри, это уж я выбрал лучших, каких нашел в Москве, сигар.

— Задарили вы меня совсем. А третий, я вижу, пакет, вероятно, от бабушки. — Уже с легкой досадой начал Лосев. Квашнин рассмеялся.

— Помнишь у Толстого Стива Облонский повторяет стихи: "Узнаю коней ретивых" по каким-то их таврам, а я перефразирую дальше: "а моего Лося по его щекотливому характеру".

— Это подарок Зарину на память о той же охоте. — И Квашнин открыл футляр, в котором был серебряный портсигар. На его крышке была вычеканена медвежья оскаленная морда.

— Видишь, Тема, я знаю разницу. Для Зарина было бы неловко, если бы я преподнес ему золотой портсигар.

"Воспоминание о памятной охоте на медведя 11-го января 18.. года" Было выгравировано внутри.

— Кстати, от твоего имени я пригласил его завтра к тебе на обед, так как тороплюсь уехать.

— Но куда ты торопишься? Останься до Страстной.

— Я и так раньше пятницы не выеду, в Нижнем буду в субботу. В Москву попаду в воскресенье вечером. А я хочу на Страстной по-настоящему говеть. Надо смыть грехи холостой жизни.

— Обед подан, — услышали они голос Эмилии Ивановны.

— Прости за постный стол, не ждали тебя.

— Это такой-то твой постный стол: икра двух сортов, семга, балык и прочие прелести. Одними закусками будешь сыт, — говорил Квашнин, чокаясь зубровкой с Лосевым.

После обеда Лосев распорядился, чтобы чай с коньяком, привезенным Квашниным, подали в кабинет.

После обеда Лосев распорядился, чтобы чай с конья-на свободе, — говорил он, обрезая сигары.

— Устраивайся на диване и рассказывай, какие у тебя планы будущей жизни.

— Я же сказал: съездим в Крым, а потом будем жить в имении.

— И только?

— То есть, как это только? Ты насчет службы? Но мне она не нужна.

— Не тебе, а России и русскому народу.

— Удивительная вещь, ты и моя бабушка одними словами говорите. Она все время меня зудит, чтобы я не забылся в счастии и подготовлялся "служить России и русскому народу".

— Твоя бабушка, видно, очень умная русская женщина.

— А если б ты слышал, как она пробирает моего папахена за бездействие. Он ведь Губернский Предводитель, но последнее время разругался с губернатором и Губернским Председателем Земской Управы и почти не бывает на заседаниях, сказываясь больным.

— И по моему мнению неправильно делает.

— Я, Тема, тоже думаю, что неправильно. Губернатор — чиновник, не понимает роли поместного дворянства, а председатель Управы либеральный дурак и находится в руках 3-яго земского элемента. Я думаю, что буду служить по дворянским выборам, хочу баллотироваться в уездные предводители. Но это в будущем, год я буду от-

дыхать и учиться жизни. Но ты, Тема, скажи мне, как другу, отчего ты живешь одиноким?

Лосев выпил две рюмки коньяка подряд, вскочил с кресла, потом опять выпил рюмку и дрогнувшим голосом, с кривой усмешкой, сказал: — Потому, брат Алеха, что влюблен, как дурак, и притом без надежды. Вероятно вместе с имением я получил от покойной бабушки и ее судьбу: жить и умереть одиноко, до смерти любя.

— Ничего не понимаю, — развел руками Квашнин.

— Тогда выслушай романтическую историю моей бабушки. — Волнуясь, Лосев рассказал повесть любви бабушки к Мизгиреву, а в заключение показал иконку с надписью и золотой портсигар Мизгирева с портретом бабушки.

— Вещи эти незадолго до смерти подарил мне покойный Коновалов, купивший у наследников Мизгирева имение, — заключил Лосев.

— Я все-таки ничего не понимаю: неужели на тебя так подействовал трогательный роман бабушки, что, получив ее наследство, ты вообразил, что наследовал и ее судьбу?

— Говорят: люди в счастии глупеют. Ты, кажется, собираешься это подтвердить, — злым тоном сказал Лосев останавливаясь перед безмятежно растянувшимся на диване приятелем. Квашнину бросилось в глаза побледневшее лицо Лосева со страдальческим выражением.

— Темочка, голубчик, что с тобой? Согласен, я по глупел о т счастья, но зачем же так надрываться тебе? Расскажи, дружок, откровенно, легче станет, — вскочил он с дивана и обнял Лосева.

— Оставь, Алеша, мне тяжело, постой, я еще выпью коньяку.

— Брось, не пей больше, у тебя сегодня "вин тристе" Кого же ты любишь? Может быть все можно уладить?

— Хорошо, я скажу, но помни, только тебе. Я люблю с первой встречи, вот уже давно, Варвару Николаевну, вдову Коновалова. Понял? — испытующим взглядом уставился Лосев в лицо Квашнина.

— Я, действительно, дурак, что раньше не догадался Я же с ней знаком, она очень умная, милая и очень красивая. Но, в чем же дело? Ты с ней объяснялся?

— Нет, я не считаю возможным..

— Не потому ли, что она не дворянка?

— Как тебе не стыдно, зная меня, предполагать такие глупости.

— Тогда я тебя не понимаю.

— Слушай, она очень богатая вдова.

— Слава Богу, ты и сам не бедный.

— Но она гораздо меня богаче и за ней охотится свора прохвостов. А она их принимает, знакома с ними. И я боюсь, что, если открою мою любовь, получу отказ. Останется тогда одно: все здесь бросить и уехать. У меня есть гордость и в случае отказа я не в силах больше здесь жить.

— Я понимаю тебя. Но ведь можно же, не делая открытого объяснения, узнать...

— Это легко сказать, а трудно сделать. Временами, когда я узнаю, что у нее снова были ухаживатели, мне кажется, я начинаю ее ненавидеть. Неужели она не видит и не понимает всей пошлости этих Хващинских, Буниных "ет тутти кванти"?

— Но это какой-то надрыв у тебя.

— Никакого надрыва нет, мне просто досадно, зачем она позволяет себя грязнить, принимая эту свору, хотя сама тяготится ими. Но, бросим этот разговор. Мне тяжело. Я тебе откроюсь: меня ужасает мысль, что бы она не подумала, что и я охочусь за богатством.

— Ты просто, Темочка, засиделся один со своими мыслями и превращаешься в какого-то героя Достоевского. Покажи мне лучше твою теплицу. В последнем письме ты писал о своих каких-то цветах.

— Да, я люблю цветы и занимаюсь много ими в теплице. Это моя слабость, — оживился Лосев и, не замечая лукавой улыбки Квашнина, повел его в теплицу. А у того мелькнула мысль: "Ведь Зарин женится на сестре Коноваловой, попробую нажать с этой стороны."

На другой день часов в 12 дня приехал Зарин.

— Я по-деревенски, рано приехал. Алексей Александрович позвал к вам на обед, а я сам хотел вас видеть, чтобы передать от Гросмана поклон с запиской и посылочкой.

— Я вас всегда рад видеть, спасибо, что приехали и привезли посылку от Гросмана. Но не понимаю, что это такое? — сказал Лосев, вскрывая письмо. Быстро прочтя, он рассмеялся.

— Вот, чудак! Благодарит за радушный прием, за обед и за разговор с Эмилией Ивановной и шлет в подарок только-что полученной "самой свежей" икры.

— Кто это такой? — спросил Квашнин.

— Один из директоров машиностроительного Общества в Нижнем. Он купил у меня партию леса и растаял, познакомившись с Эмилией Ивановной.

— А ты, Темочка, не продешевил свой лес?

— Напротив, Артемий Лукич взял очень хорошую цену, — вмешался Зарин.

— Тогда потом выпьем и закусим в честь немца. А теперь позвольте преподнести вам на память о нашей охоте, — передал Квашнин Зарину футляр с портсигаром.

— Артемий Лукич, крестьяне пришли, хотят вас видеть, — вошла Эмилия Ивановна.

—Вам шлет привет Иван Карлович и прислал нам с вами свежей икры.

—Ах, я ошень рад, какой милый человек!

— Вы посидите одни, пока я пройду в канцелярию, — сказал Лосев.

— Перестаньте благодарить меня, а послушайте лучше, что я вам скажу, — прервал Квашнин Зарина, когда они остались вдвоем.

— Надо женить Артемия Лукича.

— Я то же самое говорю.

— Да вы слушайте, только чур-чура, даете слово никому не проболтаться... — И Квашнин коротко рассказал свой разговор с Лосевым.

— Вы, как будущий свойственник Коноваловой, может знаете или слышали, как она относится к Теме?

— Я от нее всегда слышал лишь самые хвалебные отзывы. Но дальше ничего не знаю. То есть, еще знаю, что, конечно, она не собирается замуж ни за кого из своих ухаживателей. Но почему же он сам с ней не поговорит?

— Ясно почему: боится отказа. А здесь уже чувство гордости.

— Хорошо, но ведь, если даже Варвара Николаевна узнает, что он ее любит, не может же она первая объясниться в любви.

— Это верно... Хотя у женщины умной есть сотни возможностей заставить мужчину высказаться.

— Все-таки трудно...

— Так вам нравится портсигар? — переменил Квашнин разговор, заслышав шаги Лосева.

— Безобразие! Где ни появится еврей, там сейчас же начинаются шахер-махерства, — взволнованно сказал Лосев.

— Какой еврей? Разве к тебе еврей приходил? — рассмеялся Квашнин.

— Смейся, а мне тяжело все это видеть.

— А в чем дело Артемий Лукич? — спросил Зарин.

— Вы знаете Хавкина?

— Ну, конечно.

— Так вот этот фрукт захватил у мужиков "Починка Кулиги" землю. Ему удобнее возить на берег лес и все такое.

— Но, как же так, разве он может это сделать?

— Отлично может. Пока были владельцами земли господа, они подарили Кулижскому Обществу десятин сто земли, которая врезалась в их надел. А когда общество "Лес", или, вернее, семья Хавкиных купила землю у господ, то они пожелали отобрать подаренный кусок назад. Земля была подарена господами на словах и мужики ею владели больше десяти лет. Хавкин это знал и молчал, а в ноябре дал им сто рублей за проезд и свалы на берегу без расписки. Сейчас же, когда мужики захотели пахать под яровое на берегу и загородить огородами, он объявил, что это его земля и что всю зиму он пользовался ею бесплатно для возки леса.

— Что же ты посоветовал мужикам?

— Сейчас же подать мне иск о нарушенном владении Хавкиным, так как с ноября шести месяцев не прошло. А если пройдет, судись тогда в Окружном Суде о праве собственности по давности владения, но на это надо и деньги и время.

— Но ведь евреи не могут покупать здесь землю, — сказал Квашнин.

— Я же и говорю, что земля Акционерного Общества "Лес". Семья Хавкиных составила себе маленькую компанию, пригласила для видимости на жалованье "свадебного генерала" из военных или штатских и больше ничего. В окладных листах земля сто тысяч десятин

числится не за Хавкиным, а за Обществом "Лес", придраться не к чему. Идем с горя водку пить и икру пробовать.

Лосев выехал в Москву на свадьбу Квашнина в середине Святой недели, а вернулся в субботу на Фоминой. Приехал он поздно вечером и, попив чаю, лег спать, прислушиваясь к соловьиному пению из кустов сирени под окнами спальни.

Рано утром он вышел в сад, наполненный благоуханием сирени и фруктовых деревьев. И вспомнилась Москва с обедами и разговорами. Отец Квашнина представил его своему высокопоставленному приятелю, рекомендуя, как выдающегося администратора, и сановник предложил ему на выбор лестный перевод в Министерство или вице-губернаторство в одной из губерний. Лосев поблагодарил, отговариваясь срочными делами по имению. Но предложение оставалось. И сейчас Лосев думал, что не в состоянии променять "Родники" на жизнь в Петербурге или на другое место.

Он разговаривал с Владимиром у парников, когда подошел письмоводитель со словами:

— Артемий Лукич, пожалуйте в канцелярию, там у нас скандал.

— Какой скандал? — удивился Лосев.

— Староста "Кулижский" пришел, все лицо в синяках, а с ним мужик. Рассказывают, что вчера исправник приезжал, избил его и цепь сорвал с шеи, грозил, что в тюрьму всех засадит.

Лосев прибавил шагу. На крыльце канцелярии толпилось человек пятнадцать крестьян. При виде Лосева поснимали шапки.

— Ваше благородие, заступись, будь отец родной!..

— послышались голоса и мужики вошли толпой вслед за Лосевым.

— В чем дело? Где ваш староста?

— Здесь я. — Раздался мрачный возглас, из толпы выступил мужик с окладистой, седоватой бородой. Один глаз его был полузакрыт синебагровой опухолью и два синяка виднелись на щеках. В руках староста держал порванную цепочку со знаком старосты.

— Кто это тебя так разукрасил? Дрались что-ли?

— Какое там дрались. Исправник новый избил и вот цепь сорвал при народе, при свидетелях. Явите божескую милость, заступись, ваше благородие.

— Почему же это случилось? Ты верно наговорил дерзостей исправнику.

— Помилуйте, никаких дерзостей не было. Все было, как вы приказали, когда приходили мы на Вербной неделе. Подали вашей милости прошение о своей земле, огородили проезды, где Хавкин лес возил и кое-кто учал пахать под яровое в лугах. Страшная неделя пришла, а в Святой четверг явился Хавкин со своими лесниками. Ен ко мне прибегают, зовут: дескать Хавкин приказал огороды ломать. Я с понятыми пошел на место и объясняю Хавкину так мол и так, а если будете огороды ломать, то привлекем за самоуправство, земля наша.. Он затопал ногами, кричит, что по плантам земля его и что мы в Окружной Суд должны обратиться, а не к вашей милости. Я ему говорю: "Зачем же ты, Хавкин, платил нам за свалы и проезд по своей земле?" — "А где, хам, расписка, когда и как я платил?"

Я погорячился, как он меня хамом обозвал и говорю: "Ах ты, жидовская морда, сам выходишь хам, коли в глаза врешь!" Он же заверещал: "Лошадь давайте, а то они изобьют меня, в полицию поеду!" Вскочил в свою

таратайку и уехал. А вчерась приехал с исправником и двумя городовыми. Вызвали меня из дома. Я одел цепь, честь честью выхожу, а исправник, лишь меня завидел, затопал ногами и закричал: "Ты что, бунты устраиваешь? Я тебя такой-растакой угоню, куда Макар телят не гонял!" Я ему хочу объяснить, а он с одного, ругается. А Хавкин, как зуда, подзуживает, дескать, я бунтовщик. Исправник размахнулся и бац меня в зубы. Я говорю: "За что бьете? Я при цепи, жалиться буду." А он озверел от моих слов, сорвал с меня цепь и избил меня совсем.

"Ступай жаловаться, куда знаешь, а я сам пошлю жалобу, что вы беспорядки устраиваете, помещичью землю отбираете, посмотрим, чья возьмет". После того приказал лесникам Хавкина разрушить огороды. Помилуйте, ваше благородие, заступитесь" — и слезы покатились из глаз по бороде старосты.

— Заступись, ваше благородие, за правду страдаем, — раздались голоса.

У Лосева все кипело внутри. Ему хотелось поехать избить Хващинского, отправить телеграмму губернатору, но он сдержался и приказал письмоводителю подробно записать жалобу старосты в виде донесения себе об оскорблении действием старосты при исполнении служебных обязанностей со стороны исправника. А потом велел изготовить официальное отношение Уездному врачу на предмет освидетельствования знаков от побоев. А через час Лосев уже ехал в город, везя с собой избитого старосту.

Из города он, имея удостоверение доктора, свидетельствовавшего, что у старосты найдены следы легких побоев на лице и голове в виде синяков, кровоподтеков и ссадин, поехал к Новикову.

— А я к вам собирался. Знаете новость? — встретил его Новиков.

— Какую новость?

— Наш старик Стрешнев приказал долго жить. Я получил телеграмму от секретаря, а так как я был почтен дворянским избранием в помощники, то должен ехать принимать дела Губернского Предводителя.

— Вы серьезно?

— Что вы, батюшка, этим не шутят.

— Да нет, то, что вы от нас уедете.

— Раньше не мог, а теперь поеду благодаря вам.

— Мы с Сережей только-что об этом говорили, что благодаря вам, спокойно можем жить зиму в губернском городе, — вмешалась Мария Алексеевна.

— Вы станете моим заместителем здесь, так как вы, кажется, забыли, что избраны кандидатом, а я спокойно могу сдать имение на руки Зарина, а, имея теперь деньги, присмотрю себе для покупки хорошенький особнячек в городе.

— Все это так неожиданно для меня. Знаете, зачем я приехал?

— Надеюсь, повидать своих друзей.

— Это само собой. Но я так неожиданно собрался, что даже забыл присланные Алешей свадебные гостинцы и конфеты от меня.

— Но что же случилось, уж не сделали вы кому-нибудь предложения? — рассмеялся Новиков.

— Увы, нет! А дело вот в чем. — Лосев подробно рассказал историю избиения старосты.

— Узнаю прохвоста! Это он "пшеклентая" кровь снюхался с евреем Хавкиным и стал здесь применять польские обычаи панов. Но это ему не пройдет даром, мы выведем его на чистую воду! — вскипел Новиков.

— Жалобу старосты с медицинским свидетельством вам надо направить прокурору. А копию со всего представить губернатору.

— Я тоже так думал, но боюсь, что там не обратят должного внимания и может быть Хващинский уже раздувает свое беззаконие в аграрный беспорядок.

— Я самое большее буду там дня через два и позабочусь о правильном освещении. А вам советую вызвать Хващинского и узнать лично от него, как было дело. Только будьте сдержаны. Еврея же этого можно скрутить и выселить. Он живет здесь, как зубной врач, но даже кабинета не открыл, а кроме того, дает читать запрещенные книжки. Об этом вам расскажет Зарин, он должен придти сейчас. А вы пока, не теряя времени, напишите письмо исп. должность исправника с приглашением придти завтра к вам для объяснения по поводу жалобы старосты.

Письмо было написано и Новиков послал верхового для вручения его исправнику.

Вскоре пришел Зарин и рассказал, как на вечеринке в клубе Хавкин рассуждал об отсталости русских и о глупости веры православной. А когда Зарин вступился за православие, то Хавкин пообещал ему привезти Ренана "Жизнь Христа", где "вся сказка разоблачена". И через два дня, приехав по делу о покупке выработанного новиковского леса, привез ему заграничное издание Ренана на русском языке.

— Книга у вас? — спросил Лосев.

— У меня, хотя по правде сказать, я и не прочел ее, скучно показалось. Да и чепуха все это, выдумки человеческие.

— А согласны вы повторить, что рассказали про Хавкина и дать эту книгу мне?

— Вы хотите пришпилить этого типа, отчего же, я не прочь, это очень вредное животное.

— Гм, други милые, — вмешался Новиков, — а вы соображаете, что после того, как "пришпилете" Хавкина,

по картинному выражению Евгения Валентиновича, наша интеллигенция вся ополчится на вас? Не пугают вас слова: доносчики, обскуранты и т.д.?

— Меня нет! Я сознательно хочу изъять отсюда господина Хавкина, — ответил Лосев.

— Я тоже не боюсь, так как слишком знаком с его жульничеством и знаю, что многие обрадуются, когда его вышлют отсюда.

На другой день Лосев с 8-ми утра одел форменный сюртук и прошел в канцелярию в ожидании приезда Хващинского. В половине десятого, действительно, к парадному крыльцу подкатил тарантас исправника. Горничная, отворившая дверь, сказала, как ей было приказано, что барин в канцелярии, куда и просит пожаловать. Хващинского передернуло. Вчера, когда он прочитал письмо Лосева и узнал, что оно привезено верховым от Новикова, он почувствовал себя не в своей тарелке. И это приглашение в канцелярию он понял, как подчеркнутую официальность предстоящего разговора.

В канцелярии его встретил письмоводитель, вежливо открывший дверь в камеру со словами:

— Господин Земский начальник вас ожидает.

Хващинский, не показывая своего смущения, быстро шагнул в камеру и еще с порога развязно громко заговорил.

—Поспешил на ваш зов, дорогой Артемий Лукич. Что там за глупости наболтал на меня староста?

Лосев сидел за письменным столом с делами. Он еле привстал с кресла, холодно пожал протянутую руку Хващинского и, мотнув головой на стул, сухо сказал:

—Присядьте!

А затем, вытащив из пачки дел одно, передал Хващинскому.

“Административное дело: Об оскорблении действием Кулижского старосты при исполнении служебных обязанностей“ — громко прочел Хващинский на обложке.

— Это заглавие у меня письмоводитель делал, но не в этом суть; вы понимаете, что дело не я разбирать буду. Потрудитесь прочесть жалобу и в двух словах объяснить мне, что в ней правда, от этого зависит, что я должен предпринять, — пояснил Лосев и Хващинский углубился в чтение.

— Тэкс, и медицинское свидетельство даже, — сказал он, прочтя все бумаги и кладя дело на стол.

— Вы позволите с вами объясниться откровенно, без свидетелей?

— Можете говорить свободно, двери заперты и никто за ними не подслушивает.

— Тогда я вам скажу: Артемий Лукич, ну что из того, что я какому-то мужиченке-хаму набил морду? Стоит ли из этого раздувать бучу? Если уж так надо, я ему готов четвертной билет выбросить и дело с концом.

— Простите, но здесь дело далеко не так просто. ”Мужиченко“ этот был при исполнении служебных обязанностей старосты, а вы даже знак с него сорвали...

— Э, пустяки! Врет пся кровь! Случайно зацепил цепочку и сама сорвалась. Что касается служебных обязанностей, так ведь он подзуживал сельчан против помещика. Это знаете, чем пахнет?

— Не знаю, чем это пахнет, но до меня доносится во всем деле специфически еврейский душок и чем тут были вы, я совершенно не понимаю. Дело по иску крестьян о восстановлении нарушенного их владения мещанином Соломоном Исааковичем Хавкиным у меня в производстве. Дело чисто судебное и до его разбора Хав-

кин ничего не должен был предпринимать. А он со свойственной евреям наглостью втянул в эту историю вас.

— Ну, знаете, потакать мужикам и слепо верить им тоже нельзя. По их словам вся земля их. А Соломон Исакович личность вполне интеллигентная. Вы говорите "еврей", а я могу засвидетельствовать, что в нем "еврейского" очень мало, он даже ветчину и колбасу ест.

— И только этим вас прельстил? — язвительно улыбнулся Лосев.

— Что вы хотите сказать? — вспыхнул Хващинский.

— Ничего, кроме того, что сказал, а еще то, что Хавкин живет здесь, как зубной врач, и не имеет даже кабинета, да вероятно ни одного зуба в жизни не вырвал, а кроме того за ним имеются и другие грешки.

— Какие? — насторожился Хващинский.

— Вам бы лучше следовало это знать. Но мы уклонились в сторону от дела. Вы, значит, признаете, что побили старосту?

— Глупо с моей стороны отрицать, когда это было сделано при всей деревне. Но я бил не старосту, а мужика, подускивавшего к аграрному бунту односельчан.

— Это ваше оправдание, которое вы будете излагать при следствии. Мне лишь хотелось знать, был ли самый факт избиения и чем был вызван.

— Послушайте, Артемий Лукич, от вас зависит не дать дальнейшего хода этому делу. Ну я погорячился и готов заплатить ему 50 целковых, если мало 25 рублей.

— Извините, может вы и привыкли в обществе "интеллигентного "еврея" к торговле, но у меня не лавка, где торгуются.

— В таком случае мне больше не о чем с вами говорить. Но еще мы посмотрим, я подам рапорт губернатору на вас, как на потакающего мужицким бунтам.

— А я бы лучше посоветовал вам подать рапорт губернатору об увольнении вас от должности по расстроенному здоровью, — сказал Лосев и позвал письмоводителя.

— Проводите г. Хващинского из канцелярии.

— Мы еще посмотрим, чья возьмет, у меня тоже найдутся... — говорил красный, как вареный рак, Хващинский.

— Освободите мою камеру от своего присутствия, у меня дела, — перебил его Лосев. И Хващинский почти выбежал на крыльцо.

Отъехав от усадьбы "Родники", Хващинский успокоился и стал раздумывать над своим положением. Оно, было ясно, не из блестящих. "Конечно, проклятый "москаль-одинец" постарается раздуть дело и передаст в прокурорский надзор. А там зададут вопрос: зачем я вмешался. Недаром сейчас "одинец" делал намек на Хавкина. Дернул меня черт услужить ему. Мог отказаться. Хавкин не посмел бы дуться и не было бы истории. Хорошо, если переведут куда-нибудь опять помощником, а если уволят?" Озноб пробежал по спине Хващинского, но тут же подумалось: "Надо не распускаться, а действовать. Если успеть до конца следствия жениться на этой богатой вдове, тогда сам уйду в отставку и плевать на все тогда". И он начал перебирать в уме все возможности немедленной женитьбы на Варваре. Когда тарантас остановился перед домом, где он снимал квартиру, план женитьбы был составлен и Хващинский приказал своему кучеру-лакею Казимиру сейчас же привезти Хавкина.

— Ну, и в чем дело? Твой Казимир стал нахален, ввалился ко мне и потребовал, чтобы я сейчас же ехал с ним, — недовольным тоном начал Хавкин, входя к Хващинскому

— Не до фасонов теперь. По твоей милости я влип в грязную историю и тебе придется мне помочь вылезти.

Они недавно выпили на брудершафт и потому были на "ты". Хващинский рассказал ему про поездку к Лосеву, привирая, что Лосев главным образом недоволен тем, что Хващинский помогал еврею.

— Будь то русский купец или помещик, все кончилось бы пустяками, а теперь он кричит, как я смел помогать еврею, да еще непрактикующему зубному врачу.

При слове "еврей" Хавкин поморщился, а при намеке на зубоврачебную практику насторожился.

— Как же я помогу, когда мне самому грозят неприятности? — пожал он плечами.

— Прежде всего три тысячи рублей наличными с вашей еврейской милости, — протянул ладонь к нему Хващинский.

— Я не люблю подобных шуток!

— А я люблю отвечать за чужие дела? Ты, Соломон, слушай: деньги мне нужны для дела и будут отданы с процентами, требуется еще, чтобы ты одолжил мне дня через два-три пару твоих хороших лошадей.

— Но надо же знать, какое дело.

Хващинский дал понять, что собирается жениться на Коноваловой, но она желает, чтобы свадьба была обставлена тайной.

— Понимаешь, много претендентов, недавно овдовела, а я человек пришлый. Потребовала, чтобы я в роде, как увезу ее подальше, чтобы обвенчаться, — врал он.

— Вот на это дело мне и надо три тысячи рублей, на всякие там расходы, и лошадей получше. А там будь спокоен, через месяц после свадьбы лесная дачка, за которой ты охотишься, будет твоя.

При упоминании о Коноваловском лесе глаза Хавкина заискрились.

— Ну, и что такое? Риск благородное дело! Рискнем дать тебе три тысячи, а лошадей бери, когда надо. Только со мной нет денег, вечером занесу.

— Ладно, ладно, слово твое, Соломончик, как чек на Государственный банк, — засмеялся повеселевший Хващинский.

А вечером Хавкин получил повестку, приглашающую "мещанина Соломон Исакова Хавкина" явиться в камеру Земского начальника в сельцо "Родники". В повестке было указано дело, по которому он приглашается, и Хавкин подумал, что его вызывают по делу о "Кулижской" земле.

Много раз хотел он познакомиться с Лосевым, но все как-то не удавалось. И теперь он стал укорять себя в этом упущении.

" Стар ты, Соломон, становишься, два года живешь в городишке, а с нужными людьми не знаком", — говорил он, шагая по своему кабинету.

Вдовец, он имел сына учившегося в Московском Университете. Личным же хозяйством заведывала сестра, старая дева. Она была старше его и Хавкин с ней часто советовался. И сейчас он позвал ее.

— Когда я говорила тебе знакомиться с Лосевым, ты не хотел, а теперь волнуешься. Придется больше заплатить, вот и все.

—Глупости, Лиля, говоришь. Все знают: он богат,— Хавкин.

— Зачем тогда звал и спрашиваешь? Только я знаю, что нет гоя, который бы не брал. Надо уметь дать. Один берет прямо, как твой друг исправник..

— А другой криво? — перебил насмешливо сестру Хавкин.

— Да, криво! Купил бы что-нибудь у него и дал бы дорого, вот и все. Подарил бы что-нибудь.

— Что дарить?

— А я знаю? Надо раньше узнавать слабости человека, а не в последнюю минуту. Смотри только держись интеллигентной личностью, а не местечковым евреем.

— Ну, это я и сам знаю, — самодовольно усмехнулся Хавкин.

Но на другой день Хавкин пережил разочарования. Во-первых, его, как и Хващинского, не приняли в дом, несмотря на то, что, передавая горничной визитную карточку, он сунул ей рубль. А во-вторых, в канцелярии письмоводитель сказал, что надо подождать. Хавкин же самонадеянно прошел в камеру и подошел к Лосеву, допрашивавшему свидетеля.

— Я к вам, я Хавкин.

— Садитесь и ждите, не видите, что я занят? — раздраженно мотнул головой Лосев.

Хавкину пришлось сесть на скамью рядом с мужиками. Однако, через полчаса камера опустела и он остался один.

— Вы Соломон Исаакович Хавкин? — спросил Лосев.

— Да, какже-шь, я имел удовольствие встречать вас в клубе...

— Вы живете в городе, как зубной врач, а практикой не занимаетесь, — не обратил внимания на слова Хавкина Лосев.

Хавкин был тертый калач и быстро нашелся.

— Я должен сказать, что состою совладельцем Акционерного общества "Лес" и доверенный общества, имеющего здесь много земли, и мне не хватает времени практико-

вать, как зубному врачу. А потом, мне кажется, ваш вопрос входит в круг службы городской полиции.

— Вы совершенно правы в этом, я только хотел подчеркнуть, что, проживая по таким документам вне черты вашей оседлости, вы должны были быть осторожнее. А, между тем, вы занимаетесь политической и антирелигиозной пропагандой.

— Извините, но опять-таки, полиция мной довольна.

— Мне нет дела до полиции. Этот томик заграничного издания Ренана ваш, на нем ваши инициалы и дан он вами не в городе, а вне города, — небрежно бросил на стол из ящика том Ренана "Жизнь Иисуса".

Хавкин сразу вспотел. — Ну и что же такого? Каждый интеллигентный человек знаком с Ренаном.

— Кое-кто знаком, а кое-кто нет. Давать же читать запрещенные книги в России значит вести пропаганду.

—Но, помилуйте, Артемий Лукич, разве это пропаганда дать читать книгу?

—Я для вас сейчас не Артемий Лукич, а Земский Начальник.Господин Хавкин, мне надоела ваша история с Кулижскими крестьянами, мне надоели ваши другие темные делишки и я говорю: берегитесь!

— Господин Земский Начальник, я же-ж не виноват с Кулижскими крестьянами, земля по плану принадлежит нам, — заговорил, волнуясь Хавкин.

— Хорошо, на днях будет суд о восстановлении нарушенного вами их владения. Там разберем, — встал Лосев.

Хавкин решился: — Господин Земский начальник, я слышал, что вы собираетесь строить приют для сирот в селе Рождественском, разрешите мне вам передать на ваше усмотрение три тысячи рублей.

— Я взяток не беру, хотя бы под прикрытием благотворительности. — Язвительно усмехнулся Лосев.

— Помилуйте, это же от чистого сердца. Какая же это взятка? — обманутый спокойным тоном Лосева, запротестовал Хавкин.

— Пошел вон, паршивец! Пока в шею не дал!! — свирепо шагнул из-за стола Лосев. Хавкин горошком выкатился, чувствуя, что еще миг и он не выдержит со страху...

Вечером он пошел к Хващинскому, чтобы подбить его на донос губернатору. Врал, что Лосев иносказательно требовал денег, ругал исправника и тому подобное.

Хващинский молча слушал, попивая чай с коньяком, обещал обдумать и послать рапорт губернатору. А в конце концов попросил на завтра лошадей Хавкина.

В этот же вечер Лосев проводил Новиковых, уезжавших на пароходе в губернский город.

Варвара к весне стала готовить приданое сестре. Свадьбу с Зариным решили устроить после Петрова дня.

Она сидела вечером за каталогом московского универсального магазина "Мюр и Мерелиз", излюбленного провинцией, выбирая вещи дли сестры, когда горничная доложила:

— Исправник Хващинский.

На третий день Пасхи Хващинский повторил свое предложение. Говорил, что делает ей честь своим предложением, так как род панов Хващинских старый польский род, имеющий красивый герб. Соблазнял поездкой в свадебное турнэ за границу и выкупом родового замка. И так надоел своим бахвальством и наглостью, что Варвара не выдержала: попросила его уехать и прекратить свои визиты. Внезапный приезд его привел ее в тревогу и смущение. Но не успела она опомниться, как сам Хващинский уже склонился перед ней.

— Простите, что я ослушался вашего приказания, но зная вас, я решил вас побеспокоить. Я ехал сейчас от нашего приятеля "Лося-одинца" и вдруг, по дороге в лесу увидел страшную картину: лежит мертвая женщина, а рядом девочка лет двух-трех, кричит и плачет: —Мама, вставай! Мы было с кучером хотели взять ребенка, но он отбегает и кричит. Прошу вас, зная вашу доброту, как женщину, не откажите с нами проехать версты три-четыре, забрать малютку на время. К вам ребенок будет больше иметь доверия. Простых баб взять нельзя, еще начнут голосить над покойницей и хуже напугают малютку. Вероятно, здесь смерть от разрыва сердца, так как видимых ран я не нашел. Я уже распорядился и за нами из Правления выедет старшина с понятыми на подводе для перевозки тела.

— Господи! Конечно я поеду с вами. Бедное дитя! И она направилась из гостинной.

— Не надо переодеваться, это же близко, захватите лишь пальто и какую-нибудь шаль для ребенка.

Варвара быстро вернулась с небольшим пакетом в руках и теплым пледом на плечах поверх пальто, которое успела надеть.

— Я захватила бутылку с молоком и бисквиты, а в плед закутаю ребенка, — сказала она и распорядилась горничной поставить самовар и приготовить поесть, обещав через полчаса вернуться. Хващинский при этом отвернулся, чтобы скрыть насмешливую улыбку.

У крыльца ждал тарантас, запряженный парой хороших лошадей. Хващинский не утерпел хвастнуть:

— Купил новых коньков, мне, как исправнику, надо иметь хорошую пару. Пожалуйте, садитесь!

Он подсадил Варвару, сел рядом и крикнул:

— Трогай скорей!

Его лакей Казимир шевельнул возжами и тарантас быстро покатил по проселочной дороге к лесу.

Первая часть плана Хващинского прошла, как по маслу. План же состоял в том, чтобы под любым предлогом увезти Варвару, завезти подальше в другой уезд и там предложить повенчаться, чтобы покрыть позор. Кто поверит, что она не добровольно уехала с ним и проболталась где-то два-три дня? В случае же окончательного отказа от венца, Хващинский решился на насилие, чтобы заставить быть сговорчивее. Казимиру он обещал, в случае успеха предприятия, 10,000 рублей и тот согласился во всем ему помогать.

Они скоро въехали в лес на дороге в усадьбу "Родники". Эта дорога, с объяснением Хващинского, что он ехал от Лосева, не возбуждала подозрений у Варвары. Она только забыла, что в верстах двух от "Родников" дорога раздваивалась и направо тянулась по казенному лесу на 20 верст, из которого выходила в другой уезд.

Оба сидели молча, Варвара вглядывалась вперед, ожидая за каждым поворотом увидеть ребенка над трупом матери. Хващинский же не начинал объяснений, расчитывая, как можно дальше увезти ее.

— Скоро ли приедем, еще далеко? — прервала первая молчание Варвара.

Дорога была ей знакома и она заметила, что до "Родников" осталось меньше половины.

— Скоро, скоро, моя волшебница! — развязно вдруг ответил Хващинский и, обняв ее за талию, шепнул:

— Разве не приятно со мной кататься?

— Бросьте глупости говорить! Вспомните, куда мы едем! — с негодованием попробовала она освободиться от него.

Но Хващинский, сжав крепче руку, сказал:

— Мы едем, куда влечет нас звезда любви в эту наступающую весеннюю ночь.

— Да постыдитесь балаган строить. В последний раз спрашиваю, где ребенок?

— А если нет ребенка?

— Как так нет? — с испугом спросила Варвара.

— Так просто, нет, да и все тут! Если и матери и плачущей малютки над трупом мамочки нет вообще, что тогда? — с наглой усмешкой спросил Хващинский.

— Тогда я приказываю или повернуть обратно или высадить меня!

— Я вам объясню: из истории вы вероятно знаете, что славяне умыкали невест по своим обычаям. Вы дважды мне отказали и я вас умыкнул. Для этого все средства были хороши. И жалобная сказочка о малютке над телом матери оказалась приманкой.

— Подлец! Эй, кучер, стой!

— Не кричите: Казимир мой человек и взялся мне помочь. Не так ли, Казя?

— Так точно, пан Константин. А вы, пани, соглашайтесь лучше! — оглянулся, осклабившись с козел, Казимир.

— Послушайте, господин Хващинский, на что вы расчитываете?

— На ваш ум и благоразумие, моя божественная. Согласитесь: кто поверит сказке, зачем вы поехали со мной под вечер? А, тем более, после двух-трех дней совместного путешествия по лесам.

— Но я буду жаловаться, вы на службе.

— Что мне служба? И на что жаловаться вам? Вы же взрослая вдова, поехали на любовную прогулку, потом раскапризничались, раздумали и плетете басни.

— Найдутся люди, что поверят.

— Не этот ли болван "Лось одинец", которого я приплел в басне, что был у него?

— А, хотя бы, он!

— Я догадываюсь, что вы, кажется, не равнодушны к нему, но мне все равно: поверит ли он или нет. И, во всяком случае, после такого приключения, можете выбросить мечту о нем из головы. Поговорим серьезно. Я вам предлагаю выход: доедем до первой церкви в соседнем уезде и обвенчаемся. Объясним, что не хотели устраивать торжественную свадьбу. Мои документы при мне, ваши я пообещаю сейчас же прислать. Мне, как лицу официальному, поп поверит, а не поверит, мы ему сунем хорошеньких бумажек в руку, ради которых он поверит.

— А если я все таки откажусь от приличного выхода?

— Мне совестно объяснять: вы сейчас в моих руках и, в случае упрямства, станете де факто моей женой.

— Подлец!

— За это слово надо поцеловать ваши губки!

Началась борьба. Тарантас сильно встряхнуло и Варвара освободилась из рук Хващинского. Казимир свернул на правую лесную дорогу. Она проходила по казенному лесу и была малоезженная, а местами на ней попадались колеи и рытвины, наполненные водой, еще не успевшей высохнуть среди больших деревьев.

Варвара сообразила, что единственное спасение — бегство. Но для этого надо усыпить внимание Хващинского. А потому, освободившись из его объятий, она заохала, говоря, что зашиблась. И затем, как бы через силу, от боли, заговорила:

— Хорошо, я сдаюсь! Вы никогда не были мне противны, Константин Станиславович, но я боялась, что вы охотитесь за моими деньгами.

— Как вам не стыдно так думать!

— Погодите, я все хочу сказать. Я также боюсь, что вы мне станете изменять. А потому дайте слово, что никогда меня не бросите и не променяете.

— Конечно, даю! — ликовал Хващинский.

— И еще: всех денег я вам не отдам, я хочу, чтобы на мое имя осталось в банке 100,000 рублей. Если согласны на эти условия, то везите в церковь.

— Какой может быть разговор о деньгах, если у вас их так много. Вы дадите мне, чтобы лучше обставить вашу жизнь. Мы уедем на ласковое, голубое южное море...

Тарантас опять сильно тряхнуло.

— Ради Бога, прикажите Казимиру ехать осторожнее!

— Казя, поезжай шагом, торопиться некуда! До первого села только доедем.

Между тем завечерело. Дорога и колеи плохо обозначались, а лес наполнился сумерками. Варвара нащупала сверток, в котором была бутылка с молоком и попробовала на плечах плед. А когда тарантас снова качнулся и въехал в лужу, она, держа бутылку с молоком за горлышко, со всей силы ударила ею Хващинского по голове, набросила на него плед, выскочила из тарантаса, в два прыжка достигла леса и скрылась за кустами и деревьями.

Казимир видел, что Варвара выпрыгнула, но, занятый лошадьми и не слыша приказания Хващинского, подумал на миг, что она по нужде соскочила. Придержав лошадей и оглянувшись, он увидел, что Хващинский в этот момент сорвал плед с головы.

— Где стерва, болван? — послышалось в тот же миг его рычание.

— Цо то есть? — испуганно спросил Казимир.

— Не видишь, дурак! — обтирая с себя молоко, крик-

нул Хващинский. — Удрала! Хватила по голове бутылкой, хорошо, что шапка смягчила! Ничего, миленькая, не убежишь, живо найдем. Привязывай лошадей куда-нибудь! Да живо! Надо поймать и тогда... — И Хващинский спрыгнул с тарантаса. — В какую сторону убежала?

— Туда, — указал рукой Казимир, привязывая лошадей к дереву.

— Скорей бежим догонять! Стой, где-то хрустнуло!

Остановился Хващинский, но кругом была тишина. Лишь только они сошли с дороги в лес, как попали на широкий просек.

— Наверно сюда побежала. Наддай ходу! — крикнул Хващинский ,бегом пускаясь по просеку.

А Варвара, лишь только скрылась с дороги, тихонько шмыгнула за кусты. Она знала, что ее бросятся ловить и надо играть в прятки, чтобы не попасться. Поэтому она, хоть и заметила просек, но не побежала по нему, а спряталась у дороги среди густых кустов. Когда же услышала, что преследователи удаляются по просеку, побежала по лесу, стараясь, чтобы не заблудиться, бежать вблизи дороги. Бежать или скорее идти по лесу в сумерках трудно, а особенно по опушке или вдоль дороги, где, пользуясь солнцем разрастаются кусты можжевельника, ольхи, шиповника, дикой малины и смородины. То и дело юбка, пальто и даже волосы Варвары цеплялись за кусты, а иногда просто за сухие сучья елок и сосен.

”Хорошо, что вечер: не заметят следов“, подумала она, когда первый клочек от пальто повис на сучке.

”Только бы скорей добраться до раздвоения дороги. Там лучше“, — подумала она.

Минут через пятнадцать с начала бегства она услышала отдаленный крик Хващинского:

— Варвара! Где вы? Идите сюда!

Эти крики были для нее, как удары кнута для лошади.

Хващинский же пробежал с Казимиром по просеку около 200 саженей и, не видя Варвары, понял, что на ложном пути и повернул, сквернословя, обратно. Выйдя к лошадям на дорогу, он прислушался, но все было тихо. Тогда он стал звать ее и аукать. Он понимал, что попал в глупое и невеселое положение. Она расскажет теперь все и все ей поверят. А если она убежала в лес и заблудилась? Что ему тогда делать? Да в лесу и зверей много. Как объяснить ее исчезновение, если она пропадет?

— Я ,пан, так разумею, что пани побежала до дому. — Нарушил его раздумье Казимир.

— Заворачивай лошадей, едем и мы, чертова голова. Не мог бабы задержать.

— Добже, добже, пан! Зараз пан! — пробормотал Казимир.

Насколько возможно было быстро ехать, они понеслись по колеям и рытвинам. Варвара в это время достигла раздвоения дороги. Прислушавшись, не слышно ли стука колес, она сначала хотела бежать домой, но подумала, что до "Родников" две версты, а до "Мизгирева" шесть и в "Родниках" она будет под охраной Лосева, а потом сильная усталость давала себя знать, она чувствовала, что не дойдет до дома. Осторожно выглянув из-за кустов и ничего не видя, она побежала по дороге в "Родники".

А вскоре проехал Хващинский, торопившийся в "Мизгирево". Он ехал туда с надеждой убедиться, что она вышла из леса и — дома.

Лосев, после чая, вечером, как обыкновенно, вышел в сад. Сумерки спустились на землю, но майская ночь медлила и очертания кустов и деревьев ясно рисовались и лишь в столетних аллеях берез и лип сгущались ночные

тени. И в тихом воздухе, насыщенном ароматом цветов, раздавалось соловьиное пение. Побродив по парку, Лосев прошел в ”свой сад“, как он называл сад, насажденный им для защиты фруктовых деревьев с севера. Им были посажены аллеи из берез, между которыми он своими руками насадил кусты сирени. Он любил здесь гулять, раздумывая: кто будет здесь бродить, когда березы станут такими же большими, как в старом парке. Дойдя до конца аллеи, Лосев бросил рассеянный взгляд на дорогу и вдруг заметил, почти бежавшую к ”Родникам“, женскую фигуру. Он заинтересовался и подошел к калитке, которая была в заборе для выхода в поле.

Но едва он открыл калитку и показался в ней, как знакомый голос отчаянно вскрикнул:

— Артемий Лукич!

Лосев ринулся на этот крик и подхватил, почти падавшую от усталости и волнения, Варвару.

— Что случилось? Господи, да что с Вами?

— Я... я... убежала к вам... спасите! ..— проговорила Варвара и залилась слезами.

Лосев растерялся и вдруг долго сдерживаемая любовь, прорвалась в нем. Он обнял плачущую женщину, прижал к себе и, целуя в голову, как маленькую, стал утешать, несвязно бормоча:

— Дорогая, успокойтесь, я вас защищу от всего! Вы со мной навсегда! Я люблю вас, с первой встречи люблю. Всегда любил...

Она крепче прижалась к его груди. Шаг за шагом, поддерживая и утешая словами любви, он ввел ее через калитку в сад и усадил на первую скамейку. И тут только заметил, что пальто ее и юбка в клочьях.

— Я вырвалась от Хващинского и бежала по лесу, спасаясь от него, — объяснила она.

— Но вы хромаете, вы промокли!

— В канавы и лужи попадала.

— Идемте же скорей в дом, Эмилия Ивановна найдет во что вам переодеться и надо выпить горячего чая с коньяком — вскочил он.

Варвара с трудом привстала со скамейки и он почти на руках донес ее до балкона. На его крик из дома выскочила Эмилия Ивановна. Вдвоем помогли они ослабевшей Варваре подняться по ступенькам балкона, откуда Эмилия Ивановна, под руку, утащила к себе измученную женщину.

А через полчаса, переодетая в капот Эмилии Ивановны, сидя за чаем, Варвара рассказала о своем приключении.

— И таких мерзавцев назначают у нас исправниками! — Сжимал кулаки Лосев — Надо завтра же подать вам официальную жалобу на него судебному следователю.

— И переживать все допросы, нет, Бог с ним!

— Пожалуй, вы и правы, тем более, что Новиков прислал телеграмму, из которой я понял, что здесь он не будет исправником.

— А потом не забудьте, что без него я бы не услышала от вас то, что вы мне сказали у сада — шепнула Варвара, когда Эмилия Ивановна вышла за какой-то закуской.

— Так вы не сердитесь, что я вам сказал?

— Я могу повторить вам ваши же слова.

— Исправник приехал, — сказала взволнованно, вошедшая Эмилия Ивановна.

Хващинский, приехав в "Мизгирево" и узнав, что барыня не возвращалась, окончательно струсил и приказал ехать к Лосеву. У него оставалась надежда, что может она туда прибежала. А если нет, он решил сказать, что

Варвара захотела собирать грибы, вероятно заблудилась и надо начать ее искать с народом. В страхе, что его могут обвинить в убийстве, он забыл, что весной грибов не бывает.

Лосев остолбенел, было, от такой наглости, что Хващинский мог приехать, но понял, что он волнуется, не зная, где Варвара. Он быстро прошел в переднюю и там увидел стоявшего Хващинского. Шинель его, при свете лампы, была в белых пятнах от молока.

— Здравствуйте, слава Богу, мне уже сообщили, что Варвара Николаевна к вам попала. А я волновался... за грибами она захотела пройтись и как-то заблудилась.... Очень рад... — растерянно проговорил он, глядя на подходившего Лосева.

— Варвара Николаевна у меня, она оказала мне честь, прося быть ее защитником от такого негодяя, как ты. Получай, подлец и вон отсюда!

И Лосев с размаху закатил Хващинскому оплеуху.

От удара Хващинский пошатнулся и стукнулся о дверь. Горничная в испуге завизжала.

— Это оскорбление! — взвыл Хващинский.

— Повторения хочешь? Вон! — свирепо гаркнул Лосев и, когда Хващинский повернулся к входной двери, он с силой ткнул его ногой ниже спины. Хващинский не удержался на пороге и плашмя вылетел на крыльцо из дома.

— Закрой дверь и не вой! — крикнул Лосев горничной, прошел в ванную, тщательно вымыл руки и вернулся к испуганным женщинам в столовую. Но сидеть долго за столом не пришлось. Варвара почувствовала себя плохо: ее стало знобить. Эмилия Ивановна увела ее в приготовленную спальню, дала хины и натерла спиртом.

Лосев сидел на ступеньках балкона, задумчиво куря сигару, когда снова появилась старушка.

— Бедняжка, ганц руиг заснул, — доложила она шопотом, словно боясь разбудить спавшую за несколько комнат от балкона, Варвару.

— А знаете, Эмилия Ивановна, я вас хочу обрадовать.

— Чем порадовать? — подняла вопросительно брови старушка.

— Вы сейчас ухаживали за моей невестой.

— Ви серьезно, или опять шютиш?

— Совершенно серьезно. О чем же вы плачете?

— От счастья плачу, Тема... — всхлипнула старушка.

На другой день Варвара проснулась здоровой, но разбитой и усталой. Рано утром Лосев послал в "Мизгирево" предупредить, чтобы не беспокоились о барыне. Верховой был отправлен и к матери Варвары на случай, если из Мизгирева дали знать об ее исчезновении. А через день Лосев проводил Варвару в Мизгирево.

Она первая сказала:

— Вы должны поехать со мной, так как я вам покажу интересное письмо.

Письмо оказалось посмертное, от Коновалова.

По его распоряжению Ушинский должен был передать Варваре это письмо после утверждения в правах наследства. И за это поручение Варвара заплатила ему 10,000 рублей, так как письмо и начиналось этим.

"Любезная и дорогая супруга моя Варвара, по получении сего моего письма, после ввода тебя во владение имуществом, уплати Павлину Модестовичу 10,000 руб., которые я не мог отписать ему, по его словам, в завещании. А еще хочу сказать тебе, чтобы ты не оставалась во вдовах, но выбрала бы мужа себе по сердцу и по мысли. А и лучшего мужа тебе не найтить, как барин Артемий Лукич Лосев. Известно мне, что и любит он тебя, не знаю, по нраву ли тебе он. Много будет женихов зариться на мои

капиталы, а если ты выйдешь замуж за барина Лосева, то я буду рад. А еще прошу дом Мизгиревский не продавать без нужды. Для приезду вашего на каждый год прошу поминки обо мне в нем справлять. Спасибо, бесценная супруга моя, что скрасила мой стариковский век и приказываю вам долго и счастливо жить. Ф. Коновалов.“

Лосев с волнением прочел это странное письмо.

— Как мог покойный угадать мою любовь к вам, когда вы сами не догадывались? — спросил он после короткого молчания.

— Не знаю. Он мне никогда ничего не говорил об этом. А как я могла догадаться, когда вы и сейчас мне ”вы“ говорите?, — улыбнулась она.

— Это от непривычки, моя дорогая Варечка. С первого взгляда, когда я издали увидел тебя рядом с Филиппом Андреевичем и подумал, что ты его дочь, я почувствовал влечение к тебе.

— Совершенно также, как и я, увидя тебя первый раз. Но я не могла бы ничем нарушить доверие ко мне моего старого мужа. Никто не знал его, как я, никто не знал его чуткости во всем и не знал, как он много и тайно помогал людям в несчастьи. Благодаря своей чуткости он и угадал твою любовь ко мне. А почему ты после его смерти стал сторониться меня, я не могла понять, пока мне на Пасхе не открыла это Маша со слов Зарина, которому все рассказал Квашнин. Ты по гордости боялся приравнять себя к охотившимся за моими капиталами. А я по глупости принимала это за знак, что ты не можешь на мне жениться, как на слишком ниякой по происхождению. Покойный Филипп Андреевич ставил тебя очень высоко и я всегда буду помнить об этом и люблю тебя, мой Лосенька, больше всех на свете.

Крепко обняла Варвара Лосева.

Через три недели губернатор с членом Губернского Присутствия приехал в уезд на ежегодную ревизию. Лосев пригласил начальствующих лиц на обед, на котором был и Новиков, принявший должность Губернского Предводителя.

После обеда, когда все расположились на балконе за кофе с ликерами, Губернатор сказал:

— А я на днях получил письмо от лица близкого к сферам. Он сообщает, как факт, и это не секрет, что вы, Артемий Лукич, получаете назначение вице-губернатором.

— Я уже, ваше превосходительство, получил запрос, не желаю ли быть назначен вице-губернатором на юг или ближе к нашим местам.

— Что же вы ответили?

— Я поблагодарил и написал, что никуда не хочу уезжать из своего уезда.

— Но, позвольте, для карьеры... — даже поперхнулся ликером губернатор.

— Я же вам говорил, что Артемий Лукич остается моим заместителем, — вмешался Новиков.

— Да, но вице-губернатор это же ведь не уездный Предводитель Дворянства, служащий без жалованья.

— Как сказать, а по второму пункту Артемий Лукич сам не нуждается в средствах, да еще женится на очень богатой в уезде землевладелице.

— Ах, вот где разгадка вашего отказа.

Губернатор в душе вздохнул, что еще потерян для Зизи возможный жених.

На обеде присутствовал и вновь назначенный исправник.

Хващинский же был уже две недели, как уволен совсем из полиции и скрылся куда-то.

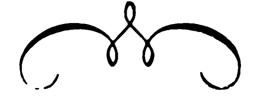
А Хавкину было предложено выехать к месту жительства в город Шклов.

В июле были отпразднованы две свадьбы: Лосева с Варварой и Зарина с Марией. Сначала хотели устроить свадьбы в один день, но Новиковы запротестовали:

— Свадьбы без торжества! Нельзя! Сначала попируем три дня в "Верхотурье", а потом пир горой пусть устроит наш Лось.

Так и сделали.

Конец

Типография газеты "Россия
216 West 18th Street, New York, N. Y. 10011